ЭТОТ НОМЕР
ЖУРНАЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ
ГЕРМАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ.

DIESE
AUSGABE
IST DER
DEUTSCHEN
DEMOKRATISCHEN
REPUBLIK
GEWIDMET.

Вальтер УЛЬБРИХТ,
Первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Председатель Государственного Совета ГДР

Интервью журналу «Огонек»

ДРУЖБА!

Вопрос. В октябре 1969 года Германская Демократическая Республика отмечает свое двадцатилетие. Расскажите, пожалуйста, как готовится встретить ГДР это знаменательное событие? Каковы планы на будущее?

Ответ. Два десятилетия существования социалистической рабоче-крестьянской власти на территории, которую германские империалисты в этом веке дважды использовали в качестве плацдарма для развязывания мировых войн,— это важное историческое событие. За эти двадцать лет социалистический строй на родине Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в сердце Западной Европы, доказал свою жизнеспособность. Это стоило упорной борьбы, напряженного труда, больших усилий и мужества. Рабочий класс, кооперативное крестьянство, интеллигенция и другие слои трудящихся совместно решили эту историческую задачу: под руководством марксистско-ленинской партии рабочего класса они построили в Германской Демократической Республике социалистическое общество.

Таким образом, двадцатилетие социалистического государства немецкой нации является кровным делом каждого гражданина и вместе с тем всего трудового народа в целом. К этому празднику мы приходим в обстановке коллективного целенаправленного труда во имя будущего нашей страны. VII съезд Социалистической единой партии Германии наметил новые шаги по пути построения развитого социалистического общества.

Съезд разработал научный прогноз общественного развития вплоть до 35-й годовщины нашего социалистического государства.

Совместный труд всех граждан прежде всего направлен на решение основной задачи — всестороннего укрепления Германской Демократической Республики и планомерного построения развернутой общественной системы социализма. Опираясь на прочный фундамент промышленного и сельскохозяйственного производства, развивается социалистический образ жизни людей, активно действуют все движущие силы социалистического строя.

Наш перспективный план исходит из уже достигнутых результатов и прогноза развития всего нашего общества до 1980 и 1985 годов. Он направлен на осуществление необходимых для развития нашего социалистического общества в условиях научно-технической революции изменений в структуре народного хозяйства и в то же время на обеспечение прочной связи централизованного планирования с

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (2170)

Основан 1 апреля 1923 года

1 ФЕВРАЛЯ 1969

Берлин. Карл-Марксаллее.
Фото Г. КИСЛИНГА.

самостоятельностью социалистических товаропроизводителей. Он ориентируется на лучшее из того, что имеется в мире, и прежде всего в отраслях экономики, определяющих политику в области структуры производства. Для достижения этих целей мы переходим к масштабным социалистическим исследованиям, создаем мощную научную организацию и налаживаем совместную деятельность творческих коллективов ученых. Перспективный план впервые становится главным орудием руководства народным хозяйством и, более того, основой развития всей общественной системы социализма в Германской Демократической Республике.

Построение развитого социалистического общества делает возможным и необходимым дальнейшее развитие социалистической общности людей. При этом возрастает руководящая роль рабочего класса и его марксистско-ленинской партии и в то же время усиливается процесс социального сближения всех остальных классов и слоев трудящегося населения с рабочим классом, крепнет в результате совместного труда социалистическая сознательность всех граждан Германской Демократической Республики. Вместе с рабочим классом все трудящиеся принимают все большее участие в планировании общественного развития и руководстве им. Наша новая, **социалистическая конституция** открыла широкие возможности развертывания социалистической демократии, являющейся важной движущей силой для творческого коллективного решения всех проблем.

Таким образом, на пороге третьего десятилетия нашего социалистического германского государства мы поставили перед собой большие задачи. Конечно, мы поработали успешно, и все граждане Германской Демократической Республики по праву могут гордиться тем, что было создано совместными усилиями. Но у нас нет времени для того, чтобы почивать на лаврах; история не терпит оттяжки при решении назревших задач. Сознавая это, трудящиеся нашей страны именно теперь стремятся в честь 20-й годовщины Германской Демократической Республики добиться выдающихся результатов в промышленности и сельском хозяйстве, в науке и образовании, в области культуры и военном деле. В их усилиях по всестороннему укреплению нашей республики рабочий класс и весь трудовой народ видят не только собственную пользу, но в то же время и свой интернациональный долг — помогать усилению содружества социалистических государств во всемирном противоборстве между социализмом и капитализмом.

Вопрос. Как вы оцениваете отношения между нашими партиями и нашими государствами?

Ответ. Создание Германской Демократической Республики двадцать лет тому назад было бы немыслимым, если бы не произошли два события, имевшие всемирно-историческое значение. Я имею в виду Великую Октябрьскую социалистическую революцию, в результате которой рабочий класс России под руководством ленинской Коммунистической партии распахнул ворота в эпоху социализма и положил начало подлинной истории человечества. Я имею в виду героическую победу Советской Армии над варварским гитлеровским фашизмом, в результате которой советский народ принес освобождение и немецкому народу, а также дал ему великую возможность построить в Германии антифашистское, демократическое, социалистическое государство.

Для граждан Германской Демократической Республики двадцатилетие социалистического германского государства дает основание от всего сердца поблагодарить Советский Союз за то, что он с первых дней своего существования проявил себя как истинный друг немецкого народа, за то, что германский рабочий класс мог всегда быть уверен в братской помощи своих советских товарищей по классу. Прежде всего мы благодарим партию Ленина, которая первой смело освоила целину социалистического общества, за учение о принципах построения и обеспечения социалистического строя, учение, которым мы пользовались в течение минувшего двадцатилетия применительно к нашим национальным условиям.

Ныне Германская Демократическая Республика — прочное звено содружества социалистических государств, сплотившихся вокруг Советского Союза. Наши партии, наши государства и наши народы объединяет марксизм-ленинизм, общая цель, общий путь, общая ответственность за обеспечение мира во всем мире, за счастье людей.

Братские отношения между нашими партиями и народами за эти двадцать лет становились все более тесными и прочными. Они поистине являют собой пример интернационалистского сотрудничества социалистических народов, социалистический пример равноправного сотрудничества больших и малых стран. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между нашими двумя государствами блестяще воплотился в жизнь. Все наши планы на будущее, планы построения развитого социалистического общества в Германской Демократической Республике, планы осуществления научно-технической революции опираются на братский социалистический союз со Страной Советов. Например, тот факт, что мы связаны с потенциалом советской крупной индустрии и советской науки, открывает перед нашим народным хозяйством и наукой огромные перспективы. Отсюда мы, граждане Германской Демократической Республики, делаем одновременно для себя вывод о нашем долге со своей стороны вносить максимальный вклад в дело совместного прогресса наших стран и народов.

Германо-советская дружба живет в тысячах совместных действий наших партий и государств в области политики и идеологии, экономики и культуры, науки и военного дела. Но прежде всего эта дружба живет в сердцах людей. Это нерушимая основа нашего сотрудничества в решении задач, которые ставит перед нами история.

Вопрос. Что вы думаете о дальнейшем развитии ФРГ?

Ответ. В западногерманской Федеративной республике великие возможности нового начала после 1945 года не были использованы. При поддержке прежде всего империализма США, в нарушение Потсдамских соглашений, ценою отрыва Западной Германии от германского национального единства там пришли к абсолютной власти вновь те, которые в этом веке уже дважды ввергали Германию и мир в военные катастрофы. Воинствующий антикоммунизм и требование пересмотра существующих границ составляют, как и ранее, основу империалистической экспансионистской политики боннского правительства. К этому добавилось стремление заполучить атомное оружие массового уничтожения.

Империалистическим и милитаристским силам Западной Германии хотелось бы пересмотреть результат второй мировой войны. В рамках согласованной с США империалистической глобальной стратегии они видят свою основную задачу в борьбе с социализмом в Европе. С этой целью они пытаются добиться господствующего положения в Западной Европе. Их агрессивной внешне- и военно-политической концепции отвечает государственно-монополистическое формирование общества внутри страны, проявляющееся в принятии антидемократических законов о чрезвычайном положении, в постоянно усиливающейся идеологической обработке людей и не в последнюю очередь в резкой рефашизации общественной жизни.

Эта боннская политика экспансии не может дать западногерманскому населению какой-либо иной перспективы, кроме вовлечения в реваншистские авантюры его правителей и ввержения вновь в опустошительную военную катастрофу. Участие социал-демократических вождей в правительстве концернов по производству оружия ровным счетом ничего не изменило в этом. Наоборот, именно за время правления так называемой «большой коалиции» агрессивный курс Бонна еще более обострился. Под прикрытием «новой восточной политики» в первую очередь именно социал-демократические министры старались действовать в качестве ударной группы западногерманского империализма и закладывать мины контрреволюции в социалистических странах. Усиление антидемократического развития

внутри страны также не было бы возможным, если бы социал-демократическое руководство полностью не переключилось бы на курс Кизингера и Штрауса.

Но и для Западной Германии существует мирная альтернатива, с которой выступают не только западногерманские коммунисты, но в такой же мере и все больше людей, принадлежащих к самым различным слоям. Эта альтернатива требует отказа боннского правительства от наглого по отношению к Германской Демократической Республике реваншистского притязания на исключительное представительство, признания существующих границ, отказа от атомного вооружения и признания Мюнхенского диктата 1938 года недействительным с самого начала. Мирная альтернатива для граждан Западной Германии исходит из признания существования двух суверенных и равноправных германских государств—Германской Демократической Республики и западногерманской Федеративной республики — и необходимости нормализации отношений между обоими германскими государствами, а также между особой политической единицей — Западным Берлином и Германской Демократической Республикой.

Очевидно, что это единственный выход из тупика, в который завело Западную Германию боннское правительство. Очевидно также, что успешно идти в этом направлении можно будет лишь в том случае, если миролюбивые силы в Западной Германии устранят преграды на пути, если они будут вести решительную борьбу со всевластием и всесилием империализма, милитаризма и неонацизма в Западной Германии.

Конечно, все симпатии и солидарность граждан Германской Демократической Республики на стороне западногерманских коммунистов и всех миролюбивых демократических сил. Всестороннее укрепление социалистического государства немецкой нации — лучшая помощь в их борьбе за поворот в западногерманской политике. Двадцать лет Германской Демократической Республики — это одновременно и два десятилетия успешной мирной альтернативы политике империалистических катастроф в Германии, которая несет нищету и смерть и которую ныне в Бонне продолжает проводить правительство Кизингера—Штрауса—Брандта.

Вопрос. Как вы оцениваете пути дальнейшего укрепления единства и сплоченности социалистических стран?

Ответ. Странам социализма для успешного продолжения и завершения работ по решению их главной задачи — в Советском Союзе — создания общественных и материально-технических основ коммунизма, а в других государствах—дальнейшего развития социализма—нужны мир и безопасность. Всестороннее усиление европейских социалистических государств и их содружества в то же время является их важнейшим вкладом в дело мира и безопасности в Европе. В этом и заключается, как констатируется в Братиславском заявлении, совместная ответственность социалистического содружества государств перед всем международным коммунистическим и рабочим движением. Мы полностью согласны с СССР в том, что социалистические страны не могут допустить и не допустят такого положения, когда ущемлялись бы жизненные интересы социализма, когда посягали бы на неприкосновенность рубежей социалистического содружества, а тем самым на основы международного мира, как подчеркнул это товарищ Громыко на заседании Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Мы рассматриваем это заявление как выражение нашей общей решимости вершить великое дело социалистического и коммунистического строительства в условиях мира и давать решительный отпор любым попыткам империалистических глобальных стратегов помешать этому нашему совместному мирному труду.

Мировая империалистическая реакция хотела бы задержать и повернуть вспять поступательное движение человечества к социализму. Поэтому империалисты направляют свою стратегию и тактику прежде всего на подрыв содружества социалистических государств. Успеха им не добиться. Характерной чертой нашей эпохи является победоносная сила социализма. Социалистическое содружество государств — носитель всемирно - исторической силы социалистического строя. Провал наглой попытки вырвать ЧССР из нашего содружества наглядно показывает, что сил империалистической контрреволюции, несмотря на ее все более изощренные методы, уже недостаточно, чтобы задержать ход истории.

«С самого начала существования Социалистической единой партии Германии и с момента образования Германской Демократической Республики наши партии и страны объединяет тесная, глубокая и непрерывно крепнущая братская дружба».

(Из речи товарища Л. И. Брежнева на VII съезде Социалистической единой партии Германии).

Яростные атаки сил, обреченных историей на гибель, не помешают нам и далее крепить мощь нашего социалистического содружества государств. Перед семьей социалистических государств стоит задача: сплачивать свои ряды, проявлять величайшую идеологическую, политическую и воинскую бдительность и решать любую важную проблему в научно-технической, военной и экономической областях своими силами, собственными средствами. У социалистического содружества есть для этого все необходимые материальные и технические предпосылки. Социалистическая революция обеспечила возможность решения в рамках наций всех общественных проблем нашего века. Но в то же время она создала и предпосылки для небывалого до сего времени кооперирования социалистических наций при решении этих задач. Такие преимущества социализма мы также должны использовать полностью, в частности и для того, чтобы обеспечить новое качество сотрудничества государств — членов Совета Экономической Взаимопомощи в научно-технической и экономической областях.

Сила социалистического содружества — это не просто суммарная мощь его отдельных членов. Благодаря единству потенции социалистических государств возрастают в несколько раз. Германская Демократическая Республика, ее рабочий класс и ее Социалистическая единая партия Германии будут и в будущем, как и в течение прошедших двадцати лет, вносить свой вклад в дело укрепления и сплочения социалистической семьи государств и народов.

Я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы пожелать всем читателям «Огонька», всем советским людям успеха в их работе по коммунистическому строительству, здоровья и благополучия.

Наш труд — это труд на благо народа ГДР, во имя укрепления братских связей с советским народом и усиления социалистического содружества государств.

Дружба!

Эрих Штарк, мастер крана:
–Дружба с Советским Союзом–
это для нас прежде всего
уверенность.
Уверенность в прочности мира,
в прогрессе нашей республики,
в завтрашнем дне.

В. НИКОЛАЕВ
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.
Специальные корреспонденты «Огонька».

УВЕРЕННОСТЬ

Графика верфи.

ОГНЕННОЕ РОЖДЕНИЕ

От Ростока до «Варнов-верфи» километров пятнадцать, но ее краны и эллинг столь огромны, что их очертания все четче и четче вырисовываются в прибрежной дымке навстречу нашей машине, едва только она выскакивает на пригородное шоссе.

Эллинг наполнен гулом и грохотом. Он встречает запахом металла. Под высоченной крышей, в снопах мощного света и огнях электросварки застыл холодный, стальной туман. Кажется, что в воздухе висят мириады металлических частиц.

Прямо перед необъятным проемом ворот эллинга широко шагнули и навсегда замерли взметнувшиеся к небу опоры кабельного крана. Он связывает в единое целое эту гигантскую мастерскую по выделке остова и обшивки со стапелями, на которых стальные позвонки, ребра и кожа привариваются друг к другу и обретают изящные формы морских судов.

Здесь, над растущим ввысь кораблем, нет потолка, как в эллинге. Над головой — белые чайки и небо, разлинованное черными кабелями, натянутыми между двумя опорами крана.

А от одной опоры до другой более трехсот метров! И неспешно, солидно плывут по воздуху многотонные грузы от эллинга к скелету рождающегося корабля. И так же неспешно, бережно опускаются в нужном месте.

Плавные обводы эллинга, резные мачты крана, ажур строительных лесов вокруг корпуса строящегося корабля, прочерченные в небе линии тросов с движущимися по ним тележками и с прикрепленными к ним грузами (запрокинешь голову — и почудится, что над тобой огромное полотно нотной бумаги с записанной на ней мелодией), лежащие, наконец, прямо на земле причудливо-правильных форм части будущих судов — все это вместе составляет динамичную графику верфи.

Но еще большее впечатление производит верфь вечером, во вторую смену, когда уже совсем темно. То там, то здесь вспыхивают золотые фейерверки — это сваривают корпус будущего теплохода, мощные прожекторы заливают все холодным серебристо-голубым светом, в их лучах курятся сизые дымки электросварки. Видишь, как в огне рождается корабль. А за его уже четко наметившейся кормой — неподвижная черная гладь воды, отражающая огни верфи, а главное — отражающая свет судов, стоящих здесь же, на рейде и у причальных стенок. Они словно поджидают своего нового собрата, зовут его в морские просторы.

Масштабы верфи поражают недаром. В официальном справочнике говорится, что «верфь является самой большой в Объединении народных предприятий судостроения ГДР и входит в число крупнейших верфей мира по постройке грузовых теплоходов». Поражают не только размах, но и темпы роста. Из небольшой верфи, на которой строились яхты и было занято полсотни рабочих, в послевоенные годы выросло предприятие с шестью тысячами судостроителей. В начале 1968 года верфь шагнула за первый миллион тонн общего водоизмещения построенных на ней судов.

В том же году там отмечался и другой юби-

лей: в мае был спущен на воду сотый сухогрузный теплоход по заказу Советского Союза.

И потому не случайно в этом номере журнала публикуется письмо рабочих «Варнов-верфи» к советским рабочим.

И не случайно наше посещение верфи в конце 1968 года совпало со спуском на воду очередного теплохода, строящегося по советскому заказу. А рядом с ним, бок о бок, готовился к такому же торжественному моменту его близнец, но предназначался он для флота Германской Демократической Республики. А на фоне двух корабельных корпусов-громадин висел лозунг: «Дружба с Советским Союзом — самая надежная гарантия мира».

ДЕВУШКИ НА ВЫСОТЕ

Два дня с утра до позднего вечера нас водил по «Варнов-верфи» один из ее ветеранов, инженер Фриц Зак. Ему уже 70 лет. На верфи с 1947 года, то есть с тех пор, когда она, по существу, и начала превращаться в настоящее производство. Знает он ее, разумеется, как свои пять пальцев, и потому сейчас, выйдя уже на пенсию, стал здесь штатным гидом. И работы хватает. Причем не только из-за журналистов и праздных экскурсантов. Зарубежные деловые контакты верфи весьма широки, и специалисты из разных стран — частые гости здесь.

Небольшого роста, щуплый и подвижной, он неутомимо и быстро, словно не глядя вперед, привычно пробирается через металлические хитросплетения, весело отвечает на бесчисленные приветствия и курит сигарету за сигаретой. С таким опытным проводником немало узнаешь.

Вот он знакомит нас с мастером кабельного крана Эрихом Штарком, тоже ветераном: на верфи с 1949 года. Средних лет, солидный, с выразительным, мужественным лицом. Спецовка, рабочая каска и наушники портативной рации, висящей на груди, делают Штарка похожим на космонавта. Словами, живыми и теплыми, он расширяет и углубляет смысл лозунга, который мы процитировали выше.

— Дружба с Советским Союзом,— говорит он,— это для нас прежде всего уверенность. Уверенность в прочности мира, в прогрессе нашей республики, в завтрашнем дне. Конкретно на верфи, где Советский Союз — наш главный зарубежный заказчик,— это всегда обеспеченный труд, все растущие масштабы производства.

Дальше Эрих Штарк рассказывает о том, что значит эта уверенность в его личной жизни, как много дает она ему и его семье. Кстати, его жена работает здесь же крановщицей, но всегда в другую смену: в семье двое детей, за которыми пока еще нужен родительский глаз.

А наш бойкий провожатый Фриц Зак тащит нас дальше — на сей раз поднимает на лифте в поднебесье. Здесь, на верхней площадке кабельного крана, целый свой мир. По размерам он не уступит цеху большого завода. Огромные барабаны с витыми кабелями вытянулись в два ряда на полсотни метров в длину. А перед этим своеобразным высотным цехом висят над верфью кабины, в каждой из которых две девушки. Вот одна из таких кабин. Две ее хозяйки: блондинка Хельга Маслевски и шатенка Герда Шихель. В узеньких брючках, они сидят на высоких креслицах, руки на рычагах, ноги на педалях. То и дело в кабине раздается мужской радиоголос, девушки время от времени отвечают ему. Этот голос принадлежит мужчине в белой каске и с белым треугольником в руке. Он стоит внизу, на палубе строящегося корабля. Говорит в свой радиопередатчик и дублирует приказания рукой с белым треугольником. Хельга и Герда нажимают на педали и рычаги, и по тросам, со стороны эллинга, к стоящему на палубе рабочему вначале подплывает, а затем плавно опускается очередной груз. Вот он уже на положенном месте. Пауза в работе крановщиц. Можно закурить.

Они рассказывают о себе, о своей бригаде имени Валентины Терешковой. Их здесь, на такой высоте, двадцать одна. Только девчата! (Вот почему, наверное, то там, то тут видишь деревянные ящички с цветочной рассадой.) Работают, многие к тому же и учатся. Работой и зарплатой довольны. Верфь свою знают и помнят только такой, огромной и могучей, какая она сейчас. По-моему, к рассказу нашего Фрица Зака о прошлом верфи прислушиваются даже недоверчиво. А лучшее место для такого рассказа именно здесь, откуда все видно, как на ладони. Даже белых лебедей в небольшом пруду рядом со стапелями.

В нескольких шагах от кабины Хельги и Герды находится комната отдыха бригады. На самом видном месте — портрет Валентины Терешковой, рядом — грамота, удостоверяющая, что именно этой бригаде присвоено за хороший труд имя первой женщины, покорившей космос. На другой стене список членов бригады, против каждой фамилии проставлена сумма взноса в фонд борющегося Вьетнама. И, наконец, еще один настенный документ — картонный лист, на который наклеена тридцать одна фотография. Мальчишечьи и девчоночьи лица. Тут же их фамилии. Это класс, над которым шефствует бригада. В списке, словно в классном журнале, отметки подшефных школьников по всем предметам и по поведению.

До сих пор теплее становится на сердце, когда вспоминаешь девчат, работающих на «Варнов-верфи» высоко над всеми, на 65-метровой отметке!

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

— В Объединение народных предприятий судостроения ГДР входят 23 предприятия и научно-исследовательских института с общим числом работающих 42 800 человек.

Эту официальную справку дает нам по нашей просьбе Генеральный директор Объединения инженер Альфред Дудшус. Мы сидим в его просторном кабинете, за окном — одна из нешумных улиц Ростока.

— Именно в результате больших и долгосрочных контрактов,— продолжает Дудшус,— заключенных с Советским Союзом, правительство Германской Демократической Республики получило возможность постройки и расширения судостроительных заводов. А сейчас ведутся переговоры уже о поставках в семьдесят первом — семьдесят пятом годах, еще более значительных по объему. Это позволяет нам работать уверенно, надежно.

И невольно вспоминается мастер Эрих Штарк с «Варнов-верфи», его слова об уверенности в завтрашнем дне. И невольно с благодарностью думаешь также о том, что отличные корабли, сработанные руками судостроителей ГДР, десятки таких кораблей, надежно служат нашему торговому флоту, нашей стране, нашим людям.

Альфред Дудшус рассказывает о работе судостроителей в рамках СЭВ, о научно-техническом сотрудничестве с советскими и польскими специалистами, о совместных с ними научных разработках. И не только в социалистических странах знают продукцию верфей ГДР. Сегодня она идет в восемнадцать стран, в том числе в Данию, Францию, Норвегию, ФРГ и другие. В 1967 году, например, из 125 построенных морских судов в зарубежные страны было поставлено 88.

А потом мы идем в расположенный здесь же, на нижнем этаже, вычислительный центр. По-моему, это предмет главной инженерной гордости Альфреда Дудшуса. О научно обоснованном руководстве хозяйством с применением кибернетических методов он говорит увлеченно, если не сказать больше — влюбленно.

Смотришь на этот сверхсовременный вычислительный центр, вникаешь в данные, которыми он оперирует, и осознаешь, ощущаешь весомо и зримо известную истину: статистические подсчеты ООН показывают, что ГДР входит сейчас в число десяти ведущих промышленных стран мира.

И еще осознаешь, глядя на Генерального директора, что за этой статистикой стоят вот такие люди, как он, новые люди, выросшие в новой Германии, имя которой ГДР.

Альфреду Дудшусу сорок лет. Вот уже три года он на этом посту, а раньше, в течение пяти лет, был заместителем Генерального директора и техническим директором, еще раньше работал на верфи главным конструктором. Учился в Дрездене и Висмаре. Побывал на верфях США, Швеции, Дании, Норвегии, Польши, а сколько раз бывал у нас, в Советском Союзе, и сосчитать не может.

Знакомство с Дудшусом, его биографией дает основание предполагать, что специалист и организатор он отличный. И те же самые первые впечатления позволяют предположить, что и человек он незаурядный. Высокий блондин с привлекательным лицом, непринужденный и элегантный, он очень понравился мне не только в кабинете, но и вечером, на приеме, который немецкие судостроители устраивали в честь своих советских коллег, работающих с ними в Ростоке. Вскоре после начала приема, когда отзвучали необходимые для такого случая тосты, Дудшус покинул центральный стол и перешел за другой, стоящий в углу зала, присоединившись к сидящим там четырем женщинам и одному мужчине. Видно было, как сразу искренне повеселел весь этот стол! Я спросил потом у своего немецкого соседа, к кому так надолго подсел Генеральный директор. И услышал в ответ, что это сотрудники его рабочего секретариата.

УСТРЕМЛЕННЫЕ В ЗАВТРА

Если по дороге из Ростока на верфь внимательно смотреть по сторонам, то можно заметить, что машина идет как бы через многослойный архитектурный пирог. Окраины города застроены невысокими домами послевоенных лет, добротными, но какими-то невеселыми, словно озабоченными. Не до светлых тогда было тонов и архитектурных изысков, в те нелегкие годы, когда из развалин и пепла пожарищ еще только начинали вырисовываться контуры нового государства — Германской Демократической Республики. Вслед за такими постройками идут кварталы многоэтажных домов. Но хотя они и тянутся к небу, красавцами их не назовешь. Они стандартны и практичны. Не более. И уже ближе к «Варнов-верфи» привольно раскинулся новейший район, застроенный высокими веселыми домами самой разнообразной формы и расцветки. И на них лежит хорошая печать архитектурного стиля самых последних лет, радующего глаз.

Вот такой своеобразный парад домов, вытянувшихся вдоль шоссе, домов разных послевоенных периодов, стеклом, сталью, кирпичом и бетоном рассказывает о непрестанном движении вперед, об уверенной поступи жизни.

Бурное современное строительство здесь тем более важно потому, что во вторую мировую войну Росток был сильно разрушен. Еще и сегодня стены иных домов хранят на себе следы войны.

Выше мы говорили о своеобразном прогрессе послевоенной архитектуры Ростока. Но старинный ганзейский портовый город и сегодня сохранил неповторимое очарование былых веков. Есть здесь дома, похожие на декорации к спектаклям из времен средневековья, есть узенькие улочки — горбатые и извилистые, они, словно ручейки, спускаются к морскому побережью, и чем ближе к порту, тем чаще мерцают заманчивые огоньки крохотных пивных. Войдешь в любую из них — и попадешь в полуреальный мир повестей и рассказов Грина. А рядом день и ночь гулко дышит огромный порт.

Росток современных многоэтажных зданий, Росток, покрытый сединой веков, город старейшего университета в Северной Европе и крупнейших промышленных предприятий, город, в котором соседствуют огромный порт и курортное взморье и который теперь ежегодно становится центром праздника мира и дружбы — «Недели Балтийского моря»,— он как бы вобрал в себя характернейшие черты республики, не забывшей великих свершений немецкого народа в прошлом, вытравившей страшные язвы вчерашнего дня, построившей светлое сегодня и устремленной в прекрасное завтра.

* * *

Из Ростока мы возвращались в Берлин на машине. Перед въездом в небольшой город Тетеров повстречали на шоссе колонну наших тракторов «Беларусь». Остановились. Разговорились с трактористами. Оказалось, что они из местного сельскохозяйственного кооператива «Форвертс». Тракторист Эрих Радке сказал нам, похлопывая рукой по радиатору своей машины:

— Хороший трактор, очень надежный. Чувствуешь себя на нем уверенно...

И тут же вспомнились недавние встречи в Ростоке с мастером Эрихом Штарком и Генеральным директором. Тракторист говорил о своем, но, в общем, о том же самом — об уверенности.

Братьям по классу

Письмо рабочих «Варнов-верфи»

Писатель-антифашист Макс Циммеринг в одном из своих произведений писал: «Человек начинается только тогда, когда кончается эксплуатация, когда хлеб, который ты ешь, не застревает в горле, когда жене не приходится тысячу раз пересчитывать каждый пфенниг, когда жизнь обеспечивает жизнь». Для нас эта жизнь началась только после освободительного подвига вашей армии, разгромившей вот уже почти четверть века назад германский фашизм. Мы не забыли, что именно советские товарищи, работавшие в Советской военной администрации в Германии, еще в ту пору, когда у нас мало кто имел конкретные представления о будущем, высказали мысль о строительстве крупной верфи на реке Варнов. В ходе совместного обсуждения с товарищем Вальтером Ульбрихтом и другими руководящими партийными работниками эта мысль обрела конкретную форму.

В 1946 году, в год создания нашей верфи, в нашей части Германии произошло событие, имевшее историческое значение: коммунисты и социал-демократы навсегда покончили с раздорами между братьями, извлекли уроки из рокового раскола их класса и объединились в Социалистическую единую партию Германии. Партия явилась той силой, которая с помощью тысяч старательных рук всего за несколько лет совершила чудо на Варнове. Ныне наше предприятие ежегодно строит 13 океанских грузовых судов водоизмещением порядка 12 тысяч тонн каждое. Это—ведущее предприятие мира, выпускающее среднетоннажные корабли для перевозки штучных грузов.

Когда мы рассказываем нашим ребятам о том, в каких трудных условиях мы начинали, то это звучит почти как сказка. И действительно, вряд ли можно представить, что там, где сейчас на территории более чем в один квадратный километр раскинулась наша верфь с ее гигантскими кранами, четырьмя эллингами и сотней цехов и подсобных зданий, в 1945 году было лишь болото, пустырь и развалины. В хронике нашего предприятия записано, что первый проект строительства нашей верфи был разработан советским Министерством военно-морского флота и что ваша страна выделила стальконструкции для первых цехов. Таким образом, наша верфь в самом прямом смысле этого слова является, как и многие другие предприятия нашей социалистической республики, живым примером германо-советской дружбы и сотрудничества, свидетельством силы и способности освобожденного от эксплуатации и угнетения объединенного рабочего класса нашей страны.

Вы, конечно, поймете нашу гордость и радость — ведь мы можем сказать, что почти полсотни крупных, современных и надежных в эксплуатации океанских судов, бороздящих моря земного шара под советским флагом, построены на нашей народной верфи, где трудится более 200 бригад и участков, которые все, как один, борются за звание «Коллектив социалистического труда». Мы уже носим его, и, кроме того, мы коллективный член Общества германо-советской дружбы, награждены золотым значком нашего общества. Мы принадлежим к столярам, как и наш незабвенный рабочий-президент Вильгельм Пик, заявивший, что германо-советская дружба должна стать кровным делом всех немцев! У нас это так и есть. Да, мы столяры, каким когда-то был и Вальтер Ульбрихт. В его жизни, полной борьбы, дружба к вашей стране, бывшей в годы фашистского варварства маяком надежды для всех антифашистов, играет определяющую роль.

Не случайно поэтому, что первое наше судно со стальным корпусом — учебный парусник — носит имя испытанного антифашиста Вильгельма Пика и что название первого построенного у нас судна водоизмещением в десять тысяч тонн, спущенного на воду в 1956 году, выражает то, что нам всего нужнее для достижения наших совместных целей: мир. Мы знаем, что для достижения мира надо укреплять могущество социалистического содружества и, учитывая разбойничью сущность империализма, держать порох сухим. К счастью, навсегда прошли те времена, когда рабочие наших стран были голыми среди волков. Да, товарищи, у нас есть власть, но также и сила, чтобы эффективно защищать ее. Братья по классу, мы в то же время уже давно стали надежными братьями по оружию, наш союз в данной области окреп и уже зарекомендовал себя в критических ситуациях. Некоторые члены нашего коллектива, кто по возрасту уже не несет службу в Национальной народной армии, состоят в рядах рабочей боевой дружины нашей верфи.

Большинство из нас работает на этом предприятии уже свыше двадцати лет. Молодость их прошла при фашизме. Тогда в буржуазной школе учили ненавидеть другие народы, воспитывали в духе шовинизма. Наши дети с самого раннего возраста воспитываются в духе дружбы народов. Наш путь к гуманистическим взглядам был более сложным, проходил не без трудностей; ведь то, что вдалбливал в головы такой демагог, как Геббельс, оставило свои следы и не могло искорениться за несколько недель или месяцев.

За последние десятилетия, в то время как шел великий процесс переосмысливания, росли не только наши предприятия, прежде всего росло социалистическое содружество людей, а вместе с ним росли и творческие силы каждого в отдельности. Позвольте нам привести из многих лишь три примера.

Наш бывший директор верфи товарищ Герхард Циммерман, рабочий-корабел по профессии, ныне является министром тяжелого машиностроения в нашем рабоче-крестьянском правительстве. Товарищ Эрхард Крак, представитель нашей новой интеллигенции, пришедший к нам на работу после окончания высшего учебного заведения, сейчас министр пищевой промышленности. А товарищ Вилли Миллес, рабочий-механик, теперь директор верфи.

В условиях новой власти такой путь кажется нам само собой разумеющимся делом. Это обычная вещь, как и тот факт, что наша верфь, например, свыше 90 процентов необходимого проката получает с заводов вашей страны и что мы, столяры, перерабатываем древесину из сибирских лесов. Немаловажно, что такими же прочными, как наше дружеское сотрудничество почти во всех областях нашей жизни, являются ваш рубль и наша марка. В то время как капиталистический мир трясет валютная лихорадка, мы полны оптимизма.

Солдаты с красной звездой положили конец коричневому варварству. Путь, который вел нас от мая освобождения в 1945 году до наших дней, не был гладок. И если нам в эти годы нередко чего-то и не хватало, то всегда с нами были идеи научного социализма, наше трудолюбие, дружба с вашей страной и прежде всего власть, которой мы научились пользоваться под руководством партии объединенного рабочего класса. Благодаря нашим усилиям и вашей бескорыстной помощи исторический, поставленный еще Лениным вопрос «кто — кого» в нашем социалистическом отечестве решен навсегда. Ныне, в двадцатый год существования нашей республики, когда герои вашей страны смело рвутся к звездам, когда сбываются тысячелетние мечты человечества, мы желаем вам и себе здоровья и сил для решения наших общих задач!

Росток-Варнемюнде, январь 1969 года.

Коллектив столярного цеха верфи: Альфред Зигель, начальник цеха. Германн Мет, инженер. Гейнц Брун, столяр. Фриц Мальхов, столяр. Дитер Шмелинг, столяр. Бруно Функ, столяр. Йохен Валлах, столяр. Тони Точенюк, столяр. Эви Шааф, столяр. Цецилия Шельцель, столяр. Гальцерлянд, столяр. Генрих Кюстер, столяр. Йозеф Массинг, столяр. Фриц Скреббас, столяр. Гейнц Коллиен, мастер. Ганс Шмидт, кладовщик. Гейнц Тессманн, столяр. Зигфрид Мейер, столяр. Руди Конрад, столяр. Эрих Фильтер, столяр. Маргарете Ладих, столяр. Петер Аллердт, контролер. Мария Шульц, лифтер. Леокадия Нётцель, уборщица. Эдуард Анэ, столяр. Франц Нойманн, столяр. Ганс Рутцен, столяр. Гарри Пипенбург, столяр. Гюнтер Сжвирзинский, столяр. Бригитте Грасст, столяр. Гейнц Валь, столяр. Петер Валь, столяр. Манфред Вейдлер, столяр. Гейнц Заборовский, столяр. Рихард Шмидт, столяр. Клаус Крауслах, столяр. Эрнст Зинке, столяр. Губерт Энглер, столяр. Гейнц Кофаль, столяр. Гертруда Рахов, делопроизводитель.

ответ немецким рабочим →

Наша рабочая правда

Письмо рабочих Уралмаша

Дорогие друзья!

Мы прочли ваше письмо, и оно глубоко взволновало нас.

Мы услышали слова немецких рабочих, наших братьев по классу и по борьбе за наше рабочее дело — дело, начатое в Германии Карлом Марксом, и продолженное Владимиром Ильичем Лениным, и впервые восторжествовавшее в России.

Нам особенно дорого признание заслуг советского народа в победе над фашизмом, которое прозвучало в первых же строках вашего письма. Мы никогда не забудем тех жертв, которые мы принесли в этой жесточайшей борьбе, и бесконечно дорогих нам людей, сложивших свои головы на фронтах Великой Отечественной войны.

Но мы знаем: жертвы принесены не зря. И одно из лучших доказательств этому — борьба немецкого рабочего класса и трудового крестьянства, которые на обломках гитлеровского рейха впервые в истории вашего народа построили новое, социалистическое государство — Германскую Демократическую Республику и вот уже двадцать лет под руководством Социалистической единой партии Германии уверенно идут к светлому будущему.

Мы будем вместе с вами отмечать славный юбилей — юбилей наших друзей и боевых соратников, которые стоят на самой западной границе великого лагеря социализма. И, конечно же, ваш праздник — это и наш праздник, потому что каждый ваш успех и каждое ваше достижение — это и наш успех и наше достижение.

Завод Уралмаш — один из крупнейших заводов тяжелого машиностроения. Он стоит в городе Свердловске — центре уральской индустрии.

Это — детище первой пятилетки. Его построили наши деды и отцы, и в то время, когда он строился, империалисты на все лады истерически кричали, что «у Советов ничего не выйдет», что развитие тяжелой индустрии в разоренной войной, нищей и голодной России не что иное, как «большевистская пропаганда».

Но нас окружали не только враги. Во всем мире росло и крепло движение в поддержку рабочего класса нашей страны и его передового отряда — коммунистов. В этом хоре дружеских голосов, несущихся из всех уголков земного шара, до нас доносился и мужественный голос немецких рабочих — ваших отцов и дедов. И немецкие коммунисты во главе с вождем пролетариев Германии Эрнстом Тельманом делали все, чтобы разоблачить ложь о нашей стране, и чем могли помогали нам в то трудное для нас время, когда строительство социализма в СССР совершало свои первые шаги.

Мы помним эту поддержку и никогда не забудем ее.

15 июля 1933 года Уральский завод тяжелого машиностроения вступил в строй действующих. Постановлением Советского правительства ему было присвоено имя пламенного борца за дело революции, верного ученика Ленина, одного из тех, кто закладывал первые камни индустриального могущества нашей страны,— Серго Орджоникидзе.

Пуск первенца тяжелой индустрии Страны Советов — Уралмаша был огромным событием для всей нашей страны и прежде всего для рабочего класса.

Уралмаш начал выпускать оборудование для доменных печей и прокатные станы для нашей развивающейся металлургии, буровые установки, в которых испытывала острую нужду добывающая промышленность, экскаваторы для наших рудников и строек и многие другие сложные машины и агрегаты.

Но впереди нас ждали тяжелые испытания. 22 июня 1941 года Гитлер бросил свои полчища на Советскую страну. Уже через неделю после начала войны — 29 июня — завод получил правительственное задание: приступить к производству тяжелых танков «КВ».

Не будем рассказывать вам, как это было трудно — в считанные дни освоить новую, совершенно незнакомую военную продукцию. Но танки требовались фронту. И рабочие, инженеры, техники Уралмаша неделями не уходили из цехов, пока не выполнили в срок задание Родины.

С тех пор и до конца войны наш завод поставлял фронту боевые машины: танки «КВ», прославленные «Т-34», самоходные артиллерийские установки. Среди боевых машин, которые освобождали от фашизма Берлин, были и танки, сделанные на нашем заводе.

После войны в нашей стране в строй вступило немало крупных предприятий. Но первенец тяжелой индустрии Советской страны Уралмаш — по-прежнему гордость нашей социалистической промышленности. Пять высоких правительственных наград — два ордена Ленина, ордена боевого Красного Знамени, Отечественной войны Первой степени и Трудового Красного Знамени — украшают знамя нашего завода. Продукция Уралмаша идет не только на предприятия страны, но и далеко за ее пределы. В двадцать восемь государств мира поставляем мы продукцию с маркой «УЗТМ».

И сейчас, когда мы пишем ответ на ваше письмо, дорогие товарищи, мы с гордостью отмечаем, что с первых же шагов братской Германской Демократической Республики наш завод поставил вам немало уникального оборудования — экскаваторов, буровых установок, цех холодного проката и многое другое. И мы радуемся, что в развитии вашей индустрии есть и наш вклад — вклад рабочих, инженеров и техников Уралмаша.

Вся страна и вместе с ней и мы, уралмашевцы, встали на трудовую вахту в честь столетия со дня рождения великого вождя трудящихся В. И. Ленина. Хотим мы славный юбилей Ильича отметить по-настоящему, по-рабочему. И надеемся, что Уралмаш придет к этой знаменательной дате с новыми достижениями.

Мы рассказываем обо всем этом вам, немецким рабочим, дорогим нашим друзьям, братьям и соратникам по общей борьбе, потому что знаем: вам понятна наша рабочая гордость за свой родной завод, как и нам понятны те чувства, с которыми вы писали о вашем замечательном предприятии «Варнов-верфь».

Мы вместе с вами горды тем, что продукция наших предприятий приумножает нашу общую силу и служит благородному делу рабочего класса и всех людей труда — делу социализма. Братство рабочих социалистических стран, наши успехи в труде, классовая солидарность всех трудящихся мира — это залог того, что наша рабочая правда восторжествует во всем мире.

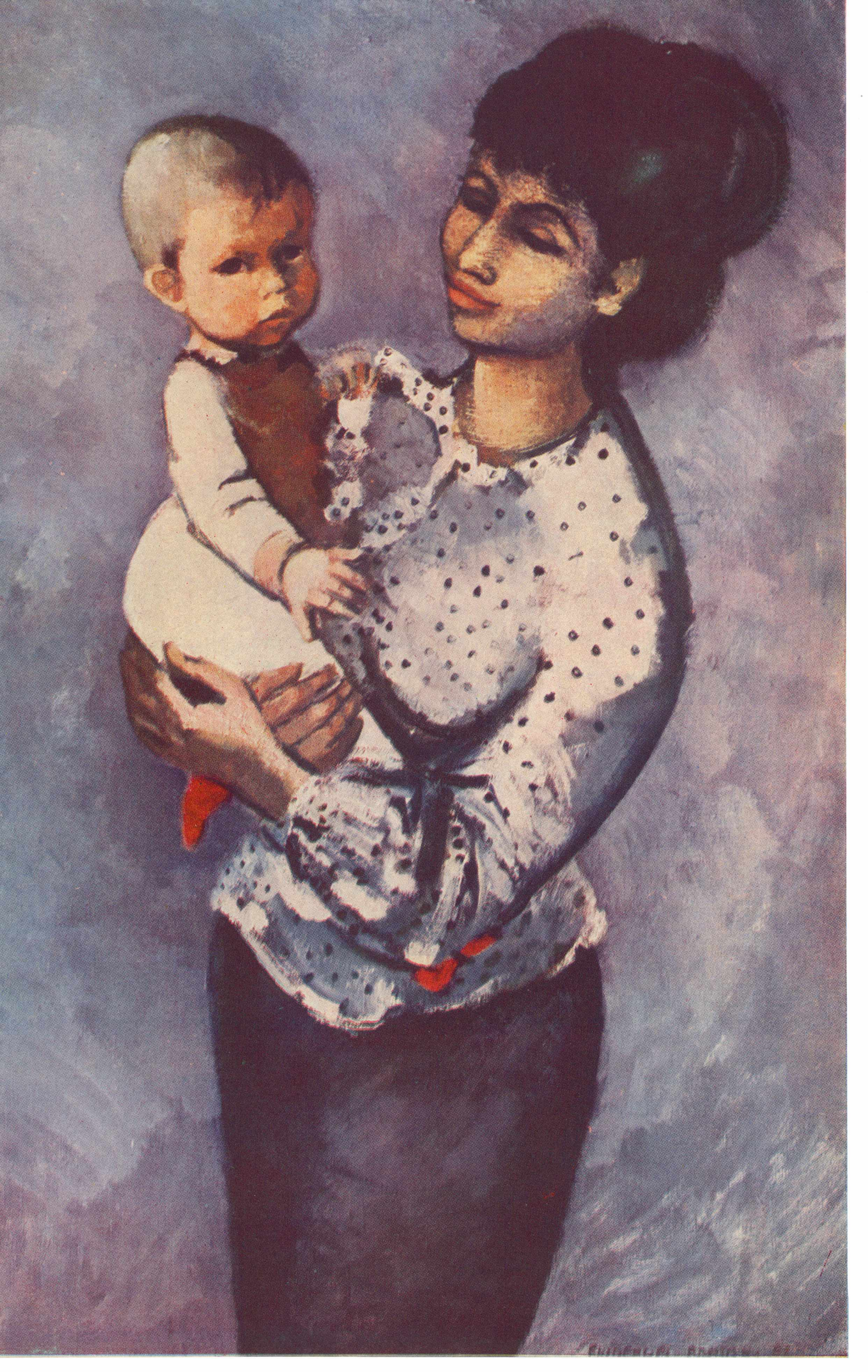
Братский привет вам, дорогие друзья!

Свердловск, Уральский завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе. Январь 1969 года.

Журавлев В. Я.— начальник цеха, Балабанов В. Г.— зуборез, Рожкин Н. И.— мастер, Пошелок И. Н.— инженер-технолог, Русалин С. В.— расточник, Гришачин Н. С.— подручный расточника, Кинев С. И.— инженер по технике безопасности, Снетков В. Е.— заготовитель, Ехлаков В. Ф.— техник-инженер, Кайгородов Н. А.— расточник, Коновалов А. М.— бригадир слесарей, Назмеев Р. З.— фрезеровщик, Сапрыкин А. М.— зуборез, Сухоруков И. Н.— мастер, Митрофанов Н. К.— мастер, Никитенко Д. С.— инженер, Тупоногов И. Д.— электросварщик, Иванов В. В.— электросварщик, Зыков Л. А.— электросварщик, Морозов В. Я.— электросварщик, Акбулатов Г. В.— слесарь, Щеголев Г. Н.— электросварщик, Ольханов В. П.— слесарь, Медведков А. К.— электросварщик, Соседин В. И.— слесарь, Рогозин И. И.— электросварщик, Боянкин В. Ф.— кузнец, Шутов В. Г.— кузнец, Коркунов И. М.— машинист, Сенников А. А.— кузнец, Вдовкин А. А.— кузнец, Данилова М. Г.— токарь, Латынцева А. К.— контролер, Зверев И. Н.— бригадир слесарей, Чадаев Г. П.— слесарь, Вороной И. Е.— старший мастер, Жданович А. И.— начальник ТК, Зарубицкий А. Т.— сварщик металла, Петров Б. П.— сварщик металла, Лукин В. А.— карусельщик, Зырянов А. П.— фрезеровщик.

Парис Рональд (Берлин). РАДУГА НАД ПЛОЩАДЬЮ ИМЕНИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В БЕРЛИНЕ.

Эрих Энге (Эйслебен). УБОРКА МАИСА.

Фридерун Бондцин (Дрезден). МОЛОДАЯ МАТЬ.

Хорст ЗЁЛЛЕ,
министр по внешнеэкономическим вопросам ГДР

Германская Демократическая Республика на двадцатом году своего существования входит в первую десятку ведущих промышленных стран мира. Растущая экономическая мощь нашего государства неотделима от интенсивного расширения его внешнеэкономических связей. Из каждых 100 марок национального дохода республики 30 марок приходятся на внешнеторговый оборот.

Братское сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами было, есть и будет прочным фундаментом нашего развития. Советский Союз является крупнейшим нашим партнером. С апреля 1950 года, когда было заключено первое торговое соглашение между ГДР и СССР, потоки товаров между нашими странами непрерывно нарастали.

Торговый оборот 1950 года составлял 315 миллионов рублей, а в 1969 году он впервые превысит 3 миллиарда рублей — такой объем торговли почти не имеет себе равных в мировой практике и показывает, к каким значительным результатам приводит тесное и планомерное сотрудничество двух социалистических стран.

Являясь надежнейшим рынком для промышленности ГДР, Советский Союз обеспечивает высокую степень использования нашего промышленного потенциала. С другой стороны, торговля с Советским Союзом гарантирует нам бесперебойное снабжение основными видами сырья и полуфабрикатами, а также поставку машин и оборудования для строительства новых и расширения действующих предприятий.

Вряд ли найдется в ГДР хотя бы одно крупное предприятие, которое тем или иным образом не было бы связано с Советским Союзом.

Все более важную роль в двустороннем товарообмене играют поставки изделий металлообрабатывающей промышленности.

Примерно половина экспортируемых ГДР машин и оборудования отправляется в Советский Союз. Например, ГДР поставила за период с 1950 по 1967 год 40 советским заводам 125 технологических линий по производству цемента, которые дают примерно треть ежегодного производства цемента в Советском Союзе.

На 18 прокатных станах, изготовленных на народном предприятии «Швермашиненбау» имени Э. Тельмана в Магдебурге и работающих на металлургических комбинатах в Кривом Роге, Череповце, Новокузнецке и Челябинске, производится около 15% советского проката. Более 1 500 кранов, 1 330 универсальных экскаваторов и подъемных кранов, 3 100 пассажирских и грузовых лифтов, 78 погрузочных эстакад для металлургических заводов, экспортированных с 1950 по 1967 год, работают в Советском Союзе. Доброй славой пользуются также поставляемые из ГДР суда, вагоны и полиграфические машины, оборудование для дорожного строительства, для химической промышленности. Продукция ГДР составляет примерно треть всех ввозимых в Советский Союз машин и оборудования.

Растущим спросом пользуются и изделия нашей легкой промышленности: ткани, трикотаж, фарфоровая посуда, моющие средства, кино- и фотопленка. ГДР ежегодно поставляет в Советский Союз товары народного потребления на 500 миллионов рублей.

Советский Союз снабжает нашу республику жизненно важными видами сырья. 90% нашей потребности в импортной нефти, чугуне, цветных металлах и хлопке, 85% нашей потребности в железной руде и древесине покрываются за счет поставок из Советского Союза. Столь же большое значение для ГДР имеют поставки советских машин и оборудования. Еще в 1949 году СССР поставил нашей республике прокатный стан для производства бесшовных труб, два мелкосортных прокатных стана, стан для производства толстого листа и бандажный стан и оказал этим самым ГДР действенную помощь в развитии народного хозяйства, в особенности тяжелой промышленности.

За почти двадцать лет сотрудничества быстрорастущие поставки советского оборудования наряду с собственными усилиями нашей промышленности содействовали успешному осуществлению научно-технической революции в нашей республике. Так, например, Советский Союз поставил турбины, генераторы и прочее оборудование для новых тепловых электростанций в Тирбахе и Боксберге, которые будут играть решающую роль в энергоснабжении ГДР. С применением советской техники в 1968 году были реконструированы стан холодной прокатки «Нейе Хютте» в Эйзенхюттенштадте, сталелитейный завод и прокатные станы в Риза.

85 тепловозов, 10 современных самолетов и вертолетов, 1 600 большегрузных автомашин, поставленных Советским Союзом ГДР в 1968 году, способствуют дальнейшей модернизации нашего транспорта.

Быстрыми темпами растет и количество получаемых нами из Советского Союза станков, строительных, дорожных и текстильных машин, комплектующих изделий для судостроения и т. п.

Под благотворным влиянием заключенного в июне 1964 года Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи экономические связи между ГДР и СССР еще более расширились. Новая, более высокая ступень нашего сотрудничества характеризуется все более полным использованием возможностей международного социалистического разделения труда в научных исследованиях, проектно-конструкторских работах и в производстве.

Сотрудничество Советского Союза и ГДР, как говорил об этом Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на VII съезде Социалистической единой партии Германии, поднимается на качественно новую ступень.

ГДР развивает двух- и многостороннее экономическое сотрудничество с братскими странами, объединившимися в Совете Экономической Взаимопомощи.

Для того, чтобы охарактеризовать значение торговли ГДР со странами — членами СЭВ, достаточно взглянуть на долгосрочные торговые соглашения, заключенные на период 1966—1970 годов и предусматривающие в качестве программы-минимум товарооборот в объеме более 21 миллиарда рублей. Протоколы о взаимных поставках товаров на 1969 год показывают, что согласованный объем экспортируемых и импортируемых товаров частично уже сейчас достигает уровня, намеченного долгосрочными соглашениями.

Духом братской помощи и солидарности проникнуты внешнеэкономические связи ГДР с Демократической Республикой Вьетнам. Поставляя крайне необходимые товары, в значительной степени полученные за счет добровольных пожертвований и сверхплановых обязательств трудящихся, ГДР вместе с другими социалистическими странами вносит свой вклад в дело успешной борьбы вьетнамского народа с американскими агрессорами.

Высокая степень надежности, бесперебойности и эффективности наших экономических отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами позволила ГДР значительно расширить связи с развивающимися странами, а также с промышленно развитыми капиталистическими государствами и доказать свою конкурентоспособность как поставщика изделий машиностроения, электротехнической промышленности, электроники, химической промышленности.

Примером успешного сотрудничества стран, для которых главнейшим законом является строгое соблюдение принципов равноправия и взаимной выгоды, может служить развитие экономических и научно-технических связей между ГДР и ОАР. С момента подписания первого официального торгового и платежного соглашения в 1953 году товарообмен между обеими странами составил в целом более 2,5 миллиарда валютных марок.

За последние годы фирмы промышленно развитых капиталистических стран стали проявлять растущий интерес к установлению и интенсификации деловых связей с ГДР. Они ценят качество наших изделий, а нашу страну считают стабильным торговым партнером. Станки из ГДР работают на бельгийских заводах, более чем на 150 финских предприятиях, применяются голландскими, итальянскими и другими фирмами. Изделия всемирно известных заводов «Карл Цейсс» в Йене используются при научных исследованиях во многих странах.

Оглядываясь на двадцатилетнее развитие наших внешнеэкономических связей с СССР, мы можем подвести следующий итог.

Братское сотрудничество способствовало политическому и экономическому укреплению ГДР и всего социалистического содружества. Оно решающим образом помогло первому социалистическому государству немецкой нации — нашей Германской Демократической Республике — успешно выполнить свою историческую миссию по обеспечению мира в Европе и в борьбе с западногерманским империализмом.

Бранденбургские ворота. Пограничник ГДР.

Карл Эдуард фон ШНИТЦЛЕР,
главный комментатор Государственного комитета по телевидению при Совете министров Германской Демократической Республики

Враг не пройдет!

В двух километрах от меня находится враг. Две его радиостанции (американская РИАС и так называемая «Радиостанция «Свободный Берлин») и три телевизионные станции ведут передачи из Западного Берлина на Германскую Демократическую Республику. Ряд других радиостанций и телецентров ведет передачи, направленные против ГДР, с территории Западной Германии.

Какие бы прекрасные концерты из произведений Бетховена, какие бы замечательные инсценировки произведений Шиллера или же просто «безобидные» развлекательные программы ни передавали РИАС или западное телевидение, характер этих станций всегда остается антисоциалистическим, а их цели — контрреволюционными.

Американский эксперт по вопросам ведения психологической войны Эдмонд Тейлор 14 сентября 1961 года писал в видном американском еженедельнике «Репортер»: «Одна из наиболее очевидных непосредственных целей заключается в том, чтобы добиться ликвидации преграды, воздвигнутой режимом Ульбрихта между Восточным и Западным Берлином. Ради этой цели мы можем с полным правом призвать участников немецкого подполья рисковать своей жизнью. Среди средств для достижения этой и подобных ей целей одним из главнейших является пропаганда по радио и телевидению. В царящей ныне обстановке без нее не обойтись. Забастовки, работа в замедленном темпе, демонстрации, пропаганда вокруг стены[1] и побуждение к непослушанию в широком масштабе, к мелкому саботажу и другим формам массовых действий — все это зависит от агитации и инструктажа на расстоянии с помощью радио и телевидения. Радио в течение нескольких часов способно превратить мелкие беспорядки в волнения, охватывающие обширную территорию, в социальное и политическое восстание».

С тех пор как политика аденауэров и даллесов, политика «отбрасывания» коммунизма посредством политического, экономического, пропагандистского и военного давления потерпела провал, империализм перешел к новым методам. Сознавая свое военное бессилие, он пытается осуществлять тщательно спланированную, рассчитанную на длительный срок программу идеологической агрессии.

Так, теперь уже не заявляют более, что социализм плох, а проводят различие между «плохим» и «хорошим» социализмом. Уже не говорят: социалистическое государство, коммунистическая партия должны быть ликвидированы,— а стремятся отделить друг от друга партию и государство, утверждая, что партия должна «перестать быть фактором власти в государстве» и что ей лучше ограничиться ролью «воспитателя народа». Одновременно с этим проповедуется старая, давно уже опровергнутая «теория элиты», согласно которой рабочий класс не способен-де править государством. В обстановке научно-технической революции это право, по их мнению, должно быть зарезервировано «интеллектуалами».

И вот западноберлинские и западногерманские средства массовой информации, куда, как известно, закрыт доступ настоящим коммунистам, вытаскивают на свет божий отдельные личности, именующие себя марксистами и пытающиеся объяснять трудящимся Германской Демократической Республики, как, мол, неправильно все у нас делается. Эти жулики фальсифицируют Маркса, Энгельса и Ленина, вырывают из контекста их цитаты и добавляют к научному понятию социализма разного рода прилагательные: «гуманный социализм», «либеральный социализм», «свободный социализм», «демократический социализм», «национальный социализм». Они болтают и о «национальных особенностях». Ленинизм, например, по их мнению,— это «национальная особенность Советского Союза»...

Конечно же, марксизм-ленинизм всеобъемлющ. Конечно же, отношение к Советскому Союзу является мерилом всего социалистического. Конечно же, главенствующим принципом является пролетарский интернационализм, общность классовых целей и интересов. Каждое социалистическое государство — неотъемлемая составная часть мировой социалистической системы. И классики марксизма-ленинизма дали достаточно полное определение социализма, так что он обойдется и без поясняющих определений со стороны западных пропагандистов.

Именно на единство социалистических стран и нацелила свой удар империалистическая пропаганда. Вместо вечно живого лозунга «Пролетарии всех стран, соеди-

[1] Имеется в виду граница с Западным Берлином.

няйтесь!» империализм предлагает другой: «Пролетарии всех стран, разъединяйтесь!»

Каждому социалистическому государству империализм рекомендует политику «независимости». Национальные отличия действительно существуют, и каждая коммунистическая партия, каждое социалистическое государство призваны внести свою лепту в творческое применение и развитие марксизма-ленинизма. Но может ли социалистическое государство быть независимым от Маркса, Энгельса и Ленина, независимым от пролетарского интернационализма, может ли оно отказаться от Варшавского договора, от дружбы с Советским Союзом, который являет собой пример закономерного исторического процесса перехода от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества?

Радио- и телевизионные станции Западной Германии и Западного Берлина ежедневно ведут атаки на все эти истины, выводы, уроки, на наш опыт. А так как грубыми методами, применявшимися в прошлом, они ничего не добились, они экспериментируют с новыми вариантами.

Все их лжеучения и соблазны определяют программу западных средств массовой информации. Их деятельность — это покушение на способность свободно мыслить, свободно действовать и свободно выбирать. Все разновидности лжи взяты на вооружение врагами мира. Лицемерно проповедуя свободу печати, они стараются запутать, обмануть и в конце концов заманить человека в болото предательства.

В Западном Берлине мировая буржуазия со своими рупорами не только «рядом», она среди нас, в 160 километрах от границы ФРГ, в центре ГДР! И она не только «караулит». Она действует по восемнадцать часов в сутки, она ведет злобную пропаганду против социалистического государства немецкой нации, против Советского Союза, против всего социалистического содружества.

Это не означает, что она наступает, а мы обороняемся. Мы действуем — враг противодействует! Мы то и дело вынуждаем его к саморазоблачению, и он вынужден тогда прибегать к новым методам. А нашим самым верным, победоносным оружием является всестороннее укрепление социалистических государств во всех областях.

Это — основное содержание нашей пропаганды по радио и телевидению.

Но, конечно же, необходима и непосредственная контрпропаганда. По телевидению ГДР я веду передачи «Черный канал». Вот уже девять лет они передаются каждый понедельник вечером в течение 25 минут. В канун 20-летия ГДР, в октябре следующего года, состоится пятисотая передача.

«Черный канал» — это как бы очная ставка с западногерманским и западноберлинским телевидением. Мы записываем на видеомагнитофон политические передачи западного телевидения, я демонстрирую фрагменты из выступлений политических деятелей, из комментариев и других передач и, полемизируя с ними, разоблачаю их лживость, обнажаю их подлинные намерения, которые они желали бы скрыть, противопоставляю им нашу правду. В этой передаче мы объясняем события и действия людей с классовой, марксистской точки зрения и доказываем, что рабочий класс призван руководить и заслуживает доверия, поскольку лишь он один располагает научной теорией и обеспечивает единство революционной теории и революционного движения. Телевидение ГДР принимается во всем Западном Берлине и на одной трети территории ФРГ. Естественно, я считаю также своей задачей разъяснять моим зрителям на Западе то, что их средства информации стараются завуалировать.

В целом же мне хотелось бы выделить четыре наши основные задачи. Мы стараемся развивать любовь к социалистическому государству немецкой нации, преданность ему. Мы показываем неразрывную связь нашего народа с социалистическим содружеством, то есть говорим, кто наши друзья. Мы раскрываем преступный характер империализма и говорим, кто является нашим врагом. И, наконец, мы хотим, чтобы каждый понимал смысл развития современного мира. Кто определяет характер нашей эпохи? Мы, коммунисты!

ТАЙНАЯ ВОЙНА И ЯВНЫЕ ПРОВАЛЫ

Недавно в ГДР были преданы суду за шпионаж и диверсии западноберлинский коммерсант Хюттенраух и западногерманский предприниматель Латински.

Латински был агентом БНД — секретной службы при федеральном канцлере. Он собирал информацию о технической и экономической политике ГДР, о связях между важнейшими экономическими объектами страны, о руководящих работниках индустрии, внешней торговли, научно-исследовательских учреждений. Особое внимание он уделял нефтяной гавани Ростока, нефтеперерабатывающему заводу «Шведт», нефтезаводу «Лютцкендорф» и нефтепроводу «Дружба».

Само предприятие Латински было создано объединением западногерманских предпринимателей совместно с разведкой со специальной целью служить прикрытием для подрывной деятельности против ГДР. Латински поставлял Германской Демократической Республике оборудование, не отвечавшее техническим требованиям, снабжал некоторые приборы устройствами, которые выводили из строя другое техническое оборудование.

По заданию БНД на его предприятии портили приборы и агрегаты, получаемые из ГДР для отправки в различные капиталистические страны, а потом предъявляли необоснованные рекламации заводам-производителям. Латински затягивал заключение договоров, не оплачивал своевременно счета, срывал установленные сроки поставок, запутывал техническую документацию на ввозимое в ГДР оборудование — все это в целях нанесения ущерба народному хозяйству республики.

Германа Хюттенрауха ЦРУ завербовало без особого труда. При первом же свидании с сотрудниками американской разведки он охотно взял в качестве аванса 200 марок. С сотрудниками ЦРУ Вальтером Хоффски и Эйхманом он встречался чаще всего в своем служебном бюро или в одной из квартир, содержащихся американской разведкой в Западном Берлине (Шарлоттенбург, Сибельштрассе). Во время этих встреч Хюттенрауха инструктировали, обучали шпионскому ремеслу, давали задания и получали от него информацию. Для передачи особо важных сведений Хюттенраух имел несколько телефонных номеров американской секретной службы в Западном Берлине.

Хюттенраух передавал своим хозяевам из ЦРУ текущую информацию о военных объектах, о передвижениях войск Народной армии ГДР, а также советских войск, временно расположенных в ГДР, о боевой готовности рабочих дружин, об охране государственных границ ГДР.

Хюттенрауха и Латински помогли разоблачить два патриота — Хорст Шустер и доктор Курт Хольвейн, которые с ведома министерства госбезопасности ГДР в течение ряда лет поддерживали связи с ЦРУ и БНД.

Свидетельские показания доктора Курта Хольвейна явились сенсационными не только для прессы, радио и телевидения. Доктор Хольвейн заявил: «До настоящего момента я был в глазах БНД надежным их агентом...»

Вот вкратце его история. Во время поездки Хольвейна к родственникам в Западный Берлин один из знакомых свел его с сотрудником БНД. Западногерманская разведывательная служба хотела получать от доктора Хольвейна информацию об экономике ГДР, сведения о настроении населения и тому подобное.

У доктора Хольвейна и органов безопасности ГДР возник план «работы на БНД» — план рискованный и опасный. В Западном Берлине доктора снабдили поддельными документами, обучили методам шифровки и расшифровки секретных текстов. Однако информацию, которую он передавал БНД, ему не приходилось добывать самому: Хольвейн получал ее от специалистов госбезопасности. Она была правдоподобной, способной выдержать любую проверку и все же была фальшивой. «Высококвалифицированная» БНД была вполне удовлетворена своим агентом Вернером, как там называли доктора Хольвейна.

Товарищ Хорст Шустер, директор одного из внешнеторговых предприятий ГДР, тоже казался ЦРУ вполне надежным агентом (его там звали Пфаффом). Хюттенраух предложил своим хозяевам кандидатуру Шустера, и те решили завербовать его. Вербовка произошла на одной из выставок в Париже.

Хорст Шустер выступил со свидетельскими показаниями на процессе Хюттенрауха. Его показания окончательно разоблачили истинный характер деятельности коммерсанта от разведки.

Работа органов госбезопасности ГДР, бдительность патриотов усиливают позиции республики на «невидимом фронте», предотвращают попытки империалистов с помощью своих разведорганов задержать наше стремительное развитие по социалистическому пути.

Ганс КРУМБГОЛЬЦ,
журналист

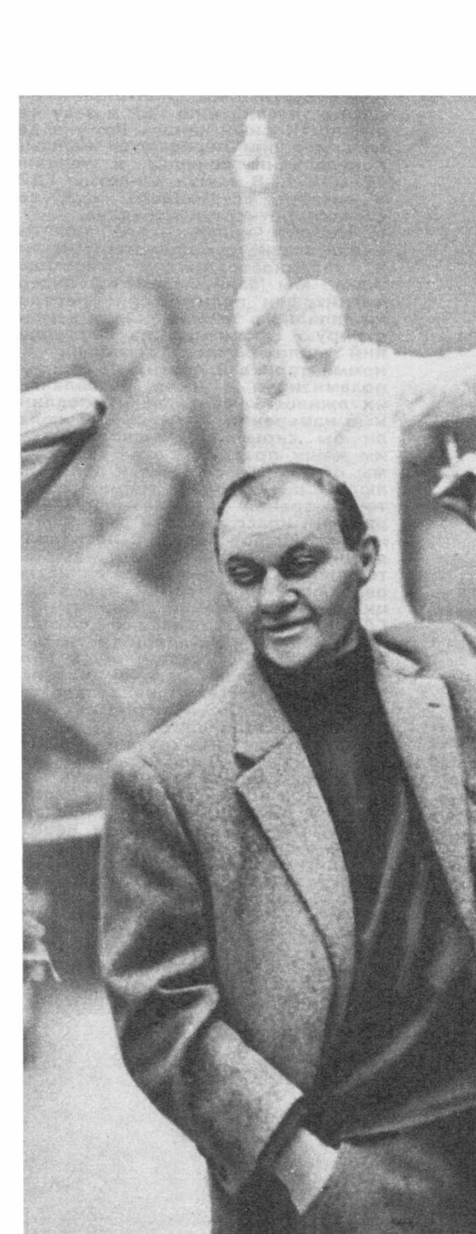
Радиоснаряжение агента БНД спрятано в обычном проигрывателе. Оно было обнаружено пограничниками ГДР.

Западногерманский журнал «Штерн» демонстрирует шпионское снаряжение: усилитель (1), магнитофон (2), микрофон-часы (3), специальный микрофон (4) с передатчиком (5) и антенной (6).

Эрнст Буш стоял,
задумавшись,
возле глобуса
и, казалось,
вспоминал,
как звучала песня
«Священная война»
на земном шаре
во время
Великой
Отечественной
войны.

Фото Дм. Бальтерманца.

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

РЕШЕНИЕ

КОГДА ЕЩЕ БЫЛ ЖИВ БЕРНГАРД КЕЛЛЕРМАН

Каждый, кто из нас впервые побывал в Германии в самом конце или вскоре после войны, наверно, испытывал одно и то же чувство: хотелось пристально рассмотреть все подробности, развалины, поднявшиеся как возмездие на месте улиц, взглянуть в глаза людей, прочитать в них то, что они, может, и не высказали бы на словах. Неотступно возникал один вопрос: как же это вы посмели? Неужели все вы не могли остановить это страшное преступление, приведшее вашу собственную страну к катастрофе?

И вместе с этим, конечно же, у каждого из нас было чувство великой гордости за свой народ, за свою армию, солдат, офицеров, генералов, за Верховное командование, приведшее нашу страну к всемирной победе над фашизмом.

Но вопрос о том, «как же вы это?», мне никому задать при первом посещении не удалось.

Вместе с писателем Петром Андреевичем Павленко мы прилетели в Берлин в 50-м году, накануне 1 Мая, и попали в руки синеблузой молодежи на аэродроме Шенефельд. Встреча была сердечной.

Тогда-то я и увидел впервые развалины Берлина, разбитый рейхстаг, имперскую канцелярию и Бранденбургские ворота.

Именно тогда в Потсдаме встретился я с Бернгардом Келлерманом. До этого он, автор знаменитого романа «Туннель», вместе с первой делегацией немецких писателей побывал в Москве. И это было большим событием для послевоенных связей русской и немецкой литератур. А теперь мы встретились в Потсдаме. Я был тогда очень тронут, что старый, уже очень старый писатель пришел на встречу, в которой также принял участие интереснейший немецкий художник Нагель. Келлерман тогда говорил мало. Его жена с тревогой поглядывала на него.

— Я много видел в жизни, много пережил. Но рад, что на склоне лет нахожусь хотя и в разрушенной стране, но среди людей с потрясенными душами. Когда обыкновенный человек принимает решение, это очень важно, а когда такое решение принимает писатель, это еще более важно... А мы с моим другом Нагелем такое решение приняли.— Келлерман покачивал головой и как бы сам одобрял то, что говорил.— Приняли? — обратился он к Нагелю.

— Да, да! — воскликнул художник.— Приняли!

Возможно, этот давний разговор и эта встреча в тихом Потсдаме и не вспомнились бы мне сейчас, в конце 1968 года, когда мы, бригада журналистов «Огонька», приехали в Берлин для подготовки специального номера журнала, посвященного ГДР. Не вспомнились бы, если бы не одна песня, которую в прошлом году я услышал в исполнении школьников из ГДР на Аландских островах в Финляндии на конференции сторонников мира по вопросам безопасности в Европе. А затем эту песню в исполнении берлинского молодежного ансамбля «Октябрь» мы вновь услышали в один из вечеров под Берлином. Лейтмотивом этой песни была мысль: «Ты должен сам решить, на каком ты находишься берегу. Нельзя жить между двумя берегами». Песня называлась «Решение».

В свое время в острой публицистической форме Алексей Максимович Горький поставил вопрос: «С кем вы, «мастера культуры»?» Сейчас этот вопрос звучит еще резче и сильнее, сейчас, в пору исключительного обострения идеологической борьбы. Тут уже не укроешься, не отсидишься в тихом домике под черепичной крышей.

Встречи в Германской Демократической Республике подтвердили жизненность и злободневность высказывания Максима Горького.

В СТУДИИ У БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

Петр Андреевич Абрасимов, советский посол в ГДР, в беседе с нами посоветовал:

— Побывайте в мастерской скульптора, удивительного художника Фрица Кремера. Это интереснейший человек. Вы не пожалеете.

В двадцати метрах от берлинской стены, возле Бранденбургских ворот, находится студия Фрица Кремера. Морозным солнечным утром мы приехали к нему, вполне понятно, несколько смущенные тем, что придется отрывать художника от работы. Мы явились к нему и попали в большую мастерскую, заставленную скульптурными группами и фигурами.

Небольшого роста, в темном свитере, чем-то неуловимо напоминающий Михаила Шолохова, Кремер встретил нас приветливо и на наш вопрос о последней его работе ответил:

— Сейчас идет волна монументального искусства. Это очень хорошо. Монументальное искусство не терпит маленьких помещений. Самим масштабом это искусство обращено к массам. Но массам надо давать не суррогаты, а такое, что будило бы у них мысль. Надо, чтобы искусство заставляло каждого человека думать.

Кремер подвел нас к фигуре, поставленной на колени, с резко откинутой в сторону левой рукой, за которой было вылеплено изображение солнца.

— Это то, что я сейчас делаю для Карл-Маркс-Штадта. Скульптурное изображение Галилея. Но это не портрет. Нет, это должно вызывать мысль об освобождении науки... Сейчас много пожеланий, чтобы скульптура, искусство были обобщенными... Это все так, но мне нужен конкретный материал. Мы привыкли к тому, что если художник изображает ученого, так тот обязательно должен быть с колбой. Я понимаю, что люди, строящие социализм, хотят видеть себя... Я понимаю их... Но мне нужна мысль... Я художник, исследователь... И вижу, что явления общественной жизни происходят иногда медленней, чем бы это нам хотелось... Я должен исследовать. Мне нужна энергия исследователя... Маркс говорил о том, что наша жизнь развивается диалектически... Перед Галилеем стояла дилемма: или жить, или быть сожженным. Огромное противоречие. Он понимал: Земля вертится — от этого нельзя отказаться, но он хотел жить... Галилей для меня конкретный материал, в нем заложена драма противоречий. Есть возможность показать положительное и отрицательное. Мы, марксисты, знаем, что движение жизни соткано из противоречий. Галилей отрекся, сказал: «И все-таки она движется».— Здесь Кремер указал на Солнце.— И это — подтверждение слов Галилея. Мое Солнце в этой работе должно двигаться. Должно Солнце двигаться и освещать Галилея...

Маргет Гуммель.

Фото Х. Ланге.

Скульптор Фриц Кремер.

И Земля будет двигаться. Здесь будет работать техника... Современная техника.

Кремер смотрел на нас, словно ожидая возражений. Но нам было интересно слушать все, что говорил художник. Тогда Кремер продолжил. Его слова звучали как исповедь.

— Галилей для меня не только историческая фигура. Это — предупреждение для потомков: будьте осторожны, все, что у вас есть нового, мы должны исследовать, чтобы не было преград для развития. Есть еще люди, которые многое рассматривают как догму. Нельзя говорить, что все останется, как есть. История движется. Если бы это было не так, мы не были бы марксистами. Человек должен думать. Сфинксы соответствуют идеологии фараонов, соответствуют тому миру, который не собирался изменяться. Мы, марксисты, постоянно изменяем мир. Я стараюсь подвести людей к этим мыслям, но эти мысли должны возникнуть самостоятельно, без моего внушения. Я за социализм и за реализм. Но искусству определение дает время. Социализм дает возможность освобождению индивидуальности. Для меня искусство не только игра формы, а главное — реализм.

Все, что говорил Кремер, было глубоко, он высказывал мысли, близкие нашим, но во всей его тональности чувствовалась полемичность, словно он спорил с кем-то. Эскизы трагических фигур узников Равенсбрука, привлекающие неослабное внимание посетителей бывших мест фашистских изуверств, стояли рядом с ним, готовые поддержать своего создателя, впитавшего в свое творчество драматизм нескольких поколений Германии.

— Вот еще новая работа,— сказал Кремер, обернувшись к скульптурной группе, состоящей из пяти мужских фигур, спаянных друг с другом. Каждая из фигур словно бы поднималась кверху в предельном напряжении...

Мы молча стояли возле фигур, пытаясь разобраться в этой, еще черновой работе художника. Кремер по-своему оценил наше молчание.

— Я хочу, чтобы между мной и зрителем была дискуссия.

— Почему все фигуры так трагичны?

— Социализм — это не прогулка по улице. Социализм — это самое огромное, что человечество делает для себя... Мы не всегда еще понимаем, что это такое... Пять десятилетий — это по сравнению со всей историей человечества очень мало. Я хочу сказать словами Маркса: философы объясняли мир — наша задача изменить его. Я художник, я хочу участвовать в изменении мира. Вы можете возразить мне: почему изменить, если уже столько сделано? Вопрос резонный. Но разве все люди уже изменились? Нет, не все. Посмотрите, что происходило и еще происходит в Чехословакии. Материально там многое изменилось к лучшему, но сколько людей там еще не изменилось. Художник не должен успокаивать людей. Я работаю не для того, кто пришел на выставку и воскликнул: «Ах, как хорошо!» Мы все живем в напряжении... Мы многое пережили.— Кремер неопределенно махнул рукой в сторону Бранденбургских ворот.— Да и сейчас еще... Разве вы не чувствуете? Три дня назад выстрелом из-за стены, из Западного Берлина, был убит пограничник ГДР.

Около двух часов мы уже находились в студии.

— Я очень люблю Брехта,— сказал Кремер, когда мы отошли от его работ и он писал приветствие читателям «Огонька».— Я всегда помню его слова: не говори часто, что ты прав, учитель. Не делай правду слишком строгой, правда этого не переносит.— Кремер вдруг улыбнулся, словно показывая нам, что он сам доволен встречей и тем, что так широко высказался по вопросам, волновавшим его.

Кремер вместе с нами вышел на крыльцо дома, туда, где рядом, за стеной, виднелись Бранденбургские ворота. Морозное солнце блестело на деревьях розовыми лучиками.

— Вам не очень мешают здесь? — спросили мы его.

— Нет, не очень... Правда, посетителей бывает много,— сказал он, хитро улыбаясь.

ВЕЧНО МОЛОДОЙ ГОЛОС ЭРНСТА БУША

В один из вечеров нас пригласили в Высшую школу Союза свободной немецкой молодежи имени Вильгельма Пика. Там должны были выступать хоровая группа молодежного клуба «Октябрь» и хор учащихся одной из школ Карл-Маркс-Штадта. Песня, современная революционная песня широко шагает по ГДР. Многие молодежные коллективы соревнуются друг с другом. Обычное музыкальное сопровождение — гитары. Те самые гитары, которые в руках битлзов нередко превращаются бог знает во что. Здесь они как бы преображаются и с равным успехом аккомпанируют и революционным, и современным, бытовым, и шуточным песням, и народным. В просторном зале собрались сотни молодых активистов, юношей и девушек, с нетерпением ожидавших выступления хоровых коллективов.

На щите крупно были написаны слова:

«Наша любовь, наша верность и наша сила — социалистическому отечеству.

Вперед — к двадцатилетию ГДР!»

Слушать выступления молодежных коллективов было истинное наслаждение. Тем более что слова многих песен сидевшие в зале знали и подпевали исполнителям. Звучали немецкие, польские, болгарские, сербские песни. Выразительно была исполнена знаменитая песня Покрасса «По военной дороге» и особенно дорогая для нас «Октябрьская песня», которая в моем переводе печатается в этом номере журнала. Сердечно была принята песня Теодоракиса «Земля принадлежит нам». Но все время нас не покидало ощущение, что многие песни, несмотря на то, что они были недавно написаны, мы уже где-то слышали. Как будто кто-то один, невидимый, незримо руководил этими двумя коллективами, внушая исполнителям хорошо известный нам ритм и манеру исполнения.

Гадать здесь не приходилось. В зале не было Эрнста Буша, но это именно он, замечательный революционный певец Германии, современник и друг Эрнста Тельмана, словно бы дал тональность этим песням, научил немецких ребят песням, зовущим к борьбе и единству.

Я знал Эрнста Буша и раньше. После войны он бывал в Москве, выступал в нашем Центральном доме литераторов. Революционер, антифашист, он своими песнями помогал республиканцам в Испании, помогал победе над немецким фашизмом. Помнится, как тепло мы принимали его в заснеженной послевоенной Москве.

На этот раз, в Берлине, нам сказали, что Буш недавно перенес тяжелую болезнь, но сейчас здоров и находится в хорошей форме. Как же нам, находясь в Берлине, не посетить его?

И вот пасмурным утром мы мчались по Берлину, чтобы поспеть в назначенный час к Эрнсту Бушу.

Машина остановилась возле двухэтажного коттеджа. Хлопнули дверцы. Мы подошли к порогу дома и остановились. Из дома доносились звуки рояля и такой знакомый, словно и не было прошедших десятилетий, голос Буша.

Мы позвонили. Открылась дверь. Но голос Буша продолжал звучать. На пороге стояла молодая еще женщина. Это была жена Буша.

— Пожалуйста,— сказала она.— Эрнст ждет вас.

Мы поднялись на второй этаж, в большую комнату, где у окна черный рояль, а на столиках несколько магнитофонов. Буш пошел к нам навстречу, что-то сказав молодому человеку, сидевшему за роялем. Я не могу сказать, что на лице Буша была большая радость. Мы опоздали, а он в это время работал. И, как всегда в таких случаях, вдохновение работой не сразу покинуло его.

— Садитесь,— сказал он, смотря на нас невидящими глазами.

Мы сели.

Что нам было делать? Спрашивать о его последних песнях? Над чем он работает? Трудное положение и для хозяина и для нас. И тогда я решился:

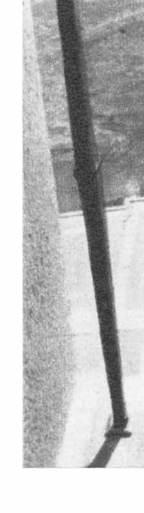

Легендарный памятник Ленину в Эйслебене. Немецкие рабочие, рискуя жизнью, спасли его от разрушения фашистами.

В 1968 году на полях республики были впервые широко применены новые комбайны типа «Е-512». Производительность этого агрегата почти вдвое выше, чем у его предшественника. Он создан специально для больших полей объединений сельхозкооперативов. Вместе с 90-сильными тракторами, широкозахватными землеобрабатывающими машинами и сеялками, а также новыми самосвалами комбайн «Е-512» стал составной частью системы машин, обеспечивающей полную механизацию производства зерна.

— Скажите, Эрнст, вам незнакома эта песня? — И тихо запел мелодию песни Сигизмунда Каца «Дай руку, товарищ далекий».

В глазах Буша пробежали искорки. Он начал вполголоса мне подпевать. Потом спросил:

— Это ваша песня?

— Мои слова. Вы ее поете, Эрнст?

— Да, я ее пел.— Буш поднялся, поискал что-то в одной из папок и протянул мне лист бумаги.— Вот вам подарок, немецкий текст вашей песни...

Дальше все пошло значительно проще. У Буша необычная манера отвечать на вопросы. Он все время в движении. В мягких туфлях, в вельветовых брюках, он неспешно ходил по комнате и одну за другой ставил пластинки. Прекрасный стереофонический звук наполнял комнату.

— Вот марш — знаете?

В комнате звучало:

— Линкс *!

— Линкс!

— Линкс!

— А вот песня о Чапаеве.

И верно, комнату заполнили слова «Урал-Урал».

Буш сменил пластинку. По-русски, с акцентом, зазвучали слова «От края и до края». Это уже был Иван Дзержинский.

— А вот недавняя запись.

Волнующая мелодия песни «Священная война» полилась из проигрывателя. Где-то слова были приглушены, и тогда раздавался резкий голос Эрнста Буша, читавшего стихи Василия Лебедева-Кумача. Буш стоял, задумавшись, возле глобуса и, казалось, вспоминал, как звучала эта песня на земном шаре во время Великой Отечественной войны.

— Перевел на немецкий язык эту песню Стефан Хермлин,— сказал Буш, когда замолкли голоса александровского ансамбля.

— А вот «Песня интернациональных бригад». Вы знаете, когда она впервые зазвучала?

— В Испании...

— Да, в Испании.

Теперь уже Буш стоял у окна и, что-то вспоминая, смотрел на голые ветки деревьев.

— Вас интересует моя последняя работа? — вдруг спросил нас Буш.

— Да, конечно.

— Слушайте. Это к десятилетию со дня смерти Иоганнеса Бехера, на его стихи.— В комнате зазвучал чуть хрипловатый, но еще очень молодой голос Буша.— Это как бы хроника о нем. Он был моим другом...

И хотя Эрнст не спел ни одной песни и почти не ответил словами ни на один наш вопрос, мы вдруг увидели, что он устал. Это было естественно. Словно бы вся жизнь прошла в песнях Буша за эти два часа.

— Весной буду в Москве,— сказал он на прощание.— Там увидимся.

Мы вышли на пасмурную улицу, пронизывающую холодным, сырым ветром.

За окнами снова раздались звуки рояля и зазвучал, опять зазвучал, уже не с пластинок, вечно молодой голос Эрнста Буша.

ЯДРО РЕКОРДА

С Маргет Гуммель мы познакомились не в ГДР. Познакомились в Мексике. Это было в тот день, когда немецкая спортсменка установила одновременно два рекорда по толканию ядра — мировой и олимпийский. Но познакомились мы издалека. Она стояла на верхней ступеньке трибуны почета и получала за прекрасный свой рекорд — 19,61 метра — золотую медаль. Рядом с ней справа стояла тоже спортсменка из ГДР Марта Ланге, слева — наша Надежда Чижова, занявшая третье место.

* Левой!

Мы в это время сидели на трибуне стадиона и только издалека могли смотреть на церемонию вручения медалей.

Теперь, находясь в Лейпциге, нам захотелось познакомиться с Маргет Гуммель уже лично. Мы попросили наших друзей предоставить нам эту возможность.

И вот мы сидим у нее в гостях в маленькой чистой комнате новой квартиры, где на полке в футляре лежит оливковая ветвь и золотая медаль победительницы. На стандартный вопрос: как вы добились этого рекорда? — Маргет отвечает несколько необычно:

— Была здорова, не болела.

— И все?

— А что еще? Конечно, много тренировалась, отрабатывала технику движения... А в общем, сама не рассчитывала... Боялась Надежды Чижовой... Мы, конечно, с ней дружим... Рады, когда видимся... Правда, я говорю по-немецки, а она по-русски... А вообще в Мехико были хорошие соревнования.

— Высота на вас не влияла?

— Влияла, но только в лучшую сторону...

— Волновались?

— Да, конечно... Очень была возбуждена.

— О чем думали?

— В это время не думаешь ни о чем.

— А потом?

— А что потом... Чувство радости...

— За себя?

— Да, конечно... Но не только за себя... За нашу республику.

— За Германию?

— Да... Но только за нашу, за ГДР.

— Любите свою республику?

— О да! Мы же выступали самостоятельно... И оставили Федеративную республику позади. За эти годы мы поняли, что такое жить в социалистической стране. Наши товарищи устроили мне разговор с мужем по телевидению... Мне так было стыдно, я плакала, и это видела вся республика. Я себя в Мексике не видела, а здесь на экране было мое изображение и мужа... Муж не плакал, а я плакала... Ужасно.

— Что собираетесь делать дальше?

— Тренироваться. Учиться. Ведь я занимаюсь в школе тренеров. Впереди Мюнхен. Там будет труднее, чем в Мехико.

— Почему?

— Неужели вы не понимаете? Но ничего, мы стали крепкими, нас не запугаешь.

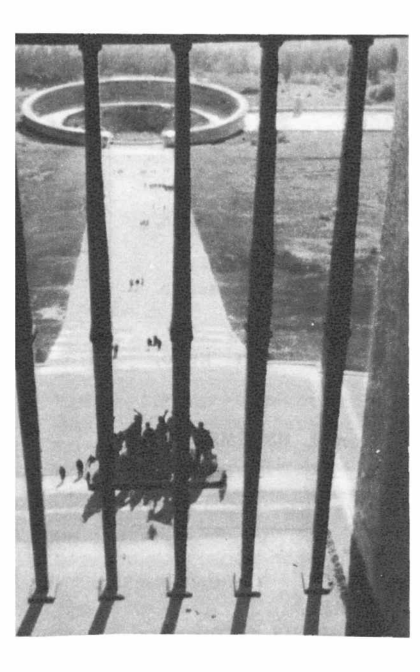
— А что муж делает?

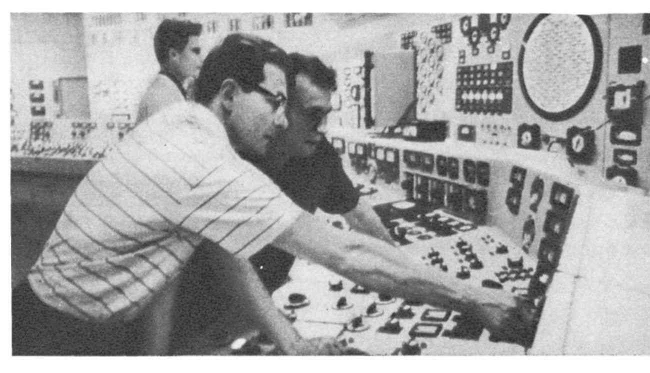
— Он врач, ортопед...

Беседа шла, что называется, непринужденно. Мы задавали вопросы, Маргет легко, не задумываясь, отвечала. Специальных вопросов, спортивных, мы не трогали. Все было ясно и без вопросов. С нами беседовал человек новой Германии, человек, для которого Германская Демократическая Республика — родина, единственная земля. Ей и отданы все силы, чувства и надежды. Земля, без которой уже невозможно жить.

* * *

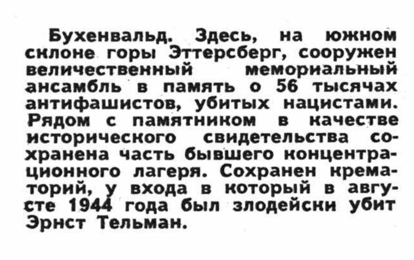
И до сих пор в ушах звучит у меня умная, не просто хорошая, а именно умная песня, с таким непесенным названием — «Решение». Наши встречи были с теми, кто выбрал для себя берег. Люди разных профессий, разного склада ума, разного характера. Но сближает их всех одно: это люди цельные, люди думающие, люди, действительно любящие свое молодое, трудно рожденное социалистическое государство.

Советский инженер Вадим Медведев (на переднем плане) дает объяснения своему немецкому коллеге Карлу Куплиху у пульта управления на первой атомной электростанции ГДР под Рейнсбергом, которая была построена с помощью Советского Союза.

Бухенвальд. Здесь, на южном склоне горы Эттерсберг, сооружен величественный мемориальный ансамбль в память о 56 тысячах антифашистов, убитых нацистами. Рядом с памятником в качестве исторического свидетельства сохранена часть бывшего концентрационного лагеря. Сохранен крематорий, у входа в который в августе 1944 года был злодейски убит Эрнст Тельман.

Хорошо, когда тебя тренирует серебряный призер мирового первенства по фигурному катанию Габриэль Зейферт.

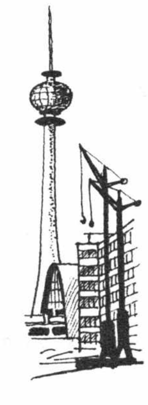

Из немецкой поэзии

Макс ЦИММЕРИНГ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Каких-то десять тысяч лет
В судьбе планет — такая малость:
В игре созвездий вспыхнул свет;
Мгновенье сгинуло, промчалось.
Но двадцать лет людской судьбы
На землях, выжженных войною;
Но двадцать лет трудов, борьбы —
Путь с распрямленною спиною;
Путь, ставший школою для нас,
Двадцатилетье жизни новой,
От маленьких удобств отказ
Во имя торжества земного;
Лишь только двадцать лет, а все ж
Их осенила вера в Завтра,
Чтоб отчеканить молодежь
Порывом чистоты и правды;
Без передышки двадцать лет
Учебы, мужества, дерзаний,
На зов грядущего ответ
И тяжкий груз воспоминаний;
А надо управлять страной,
Искать и находить решенья...
Так двадцать лет с мечтой одной,
Преодолев предубежденья,
Так двадцать лет, без громких слов,
Без блеска и фанфарной славы;
Наш путь был верен, и суров,
И непригоден лишь для слабых;
Года в пространстве мировом
Не пролетели метеором —
Теперь, как люди, мы живем
И смотрим просветленным взором.
Измерить эти двадцать лет
Своею жизнью должен каждый:

Каков твой вклад, каков твой след,
Что ты сумел, чего ты жаждал?
Как прожил эти двадцать лет?
И если строил, нет причины
Печалиться, что стал ты сед,
И скорбно замечать морщины.
Пусть мерой для ушедших лет
Не седина, а труд наш станет.
Нелегкая цена побед
Тех, кто добился их, не старит.
Двадцатилетие! Оно
Считается порой влюбленных
И радугой отражено
В глазах за этот срок рожденных.
Двадцатилетие вошло
В историю. И ты причастен
К тому, чтоб сделалось светло
Народу, вставшему у власти.

Перевел Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ.

---

* * *

Дрезден, смеющийся город,
город, что смерть одолел,—
с бременем воспоминаний,
с ясным лицом, освещенным
думой о завтрашнем дне.
Тянутся, словно цветы,
жадно дома твои к свету.
Дышат могучею грудью
улицы, что возвели
люди руками борцов
и несгибаемой волей.
Гулкой сумятицей звуков,
пестрой толпой молодежи,
горлом рассвета поешь
ты о труде и любви.

Дрезден, смеющийся город,—
в зелени, утопившей
горестные руины.
Астры, жасмин и сирень —
осень, весна или лето —
здесь вперемежку портняжат
и одевают сады.
Даже глубокой зимою
ты не бесцветен и в белом:
краскою жизни горят
губы и щеки твои.

Дрезден, смеющийся город,—
смех мостовой и моста,
смех лепестков и террас,
смех ангелочков и нимф,
выпорхнувших из развалин,
смех твой, о Матерь-Мадонна,
смех ваш, Рембрандт и Рубенс,
Кранах, Гольбейн и Дюрер.

Дрезден, смеющийся город,—
смех твоих песен и танцев,
рук твоих умных, которым
рабски послушны машины,
верные слуги твои.
Светом смеющихся глаз
тысяч и тысяч студентов,
ищущих, рвущихся к правде,
чтоб завоевывать счастье,
ты озарен, как рассветом.

Дрезден, смеющийся город,—
в войну ты не мог смеяться,
ты растерял все улыбки;
что же тебе их вернуло,
слезы твои осушив?
Майское утро, восьмое,
серые пятна колонн,
мост над потоком — последний,
скрежет ползущих машин...
Алые звезды с востока
на запыленных фуражках
крестников Октября.
Дети красногвардейцев —
красных бойцов и матросов,
тех, что дворцы штурмовали,
свергли царя и буржуев,
бились под знаменем хижин
с голодом и войной.

Дрезден, смеющийся город,—
смех твой возносится к небу,
и задушевно, как сестры,
звезды приветствуют брата
в славе его трудовой.

Перевела Римма КАЗАКОВА.

Ганс ЦИБУЛЬКА

АНТЕННА

Гомон мира
пробивается вечерами
сквозь крышу
в мой дом.

Я слышу
черствый металл
в словах политиков.
Вопль Антигоны:
Почему не дают мне
братьев похоронить?
За занавесом джаза
чувствую я
дыхание негров.
Стволы автоматов
направлены на меня,
я слышу, как входят
пули.

Биг Бен [1]
пробил десять часов.
В мировом пространстве
кружит
«Восток».

Перевел В. КУПРИЯНОВ.

[1] Башенные часы в Лондоне.

Гюнтер КУНЕРТ

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА

Один так мал, а другой
огромен: господин Голиаф,
гигант-профессионал,
насылающий тактические эскадрильи
на скрытого в зеленых доспехах джунглей
Давида.
Гигант уверен в победе
над маленьким пращником.
Но пока он еще триумфально застит небо,
народы земли уже видят
его раскроенный череп.

Перевел В. КУПРИЯНОВ.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специального корреспондента «Огонька»

Детский сад верфи «Нептун» в Ростоке выехал на прогулку.

Улица города Тетеров. Здесь расположен сельскохозяйственный кооператив «Форвертс». В зеркале, установленном на перекрестке дорог, видны тракторы «Беларусь», возвращающиеся с полевых работ.

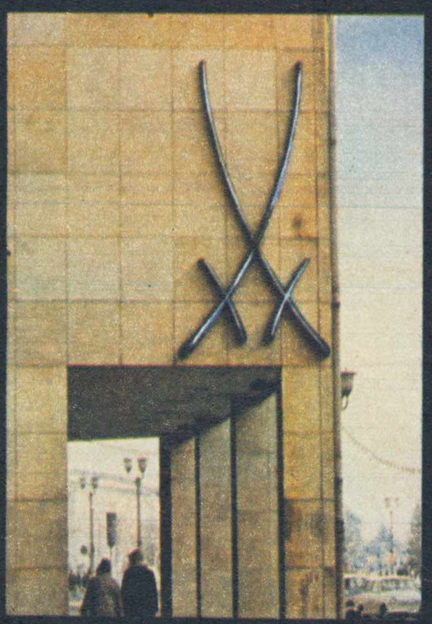

Берлин сегодня. Слева: строительство 36-этажной гостиницы «Берлин» на Александер-плац. Справа: Красная Ратуша и новая телевизионная башня.

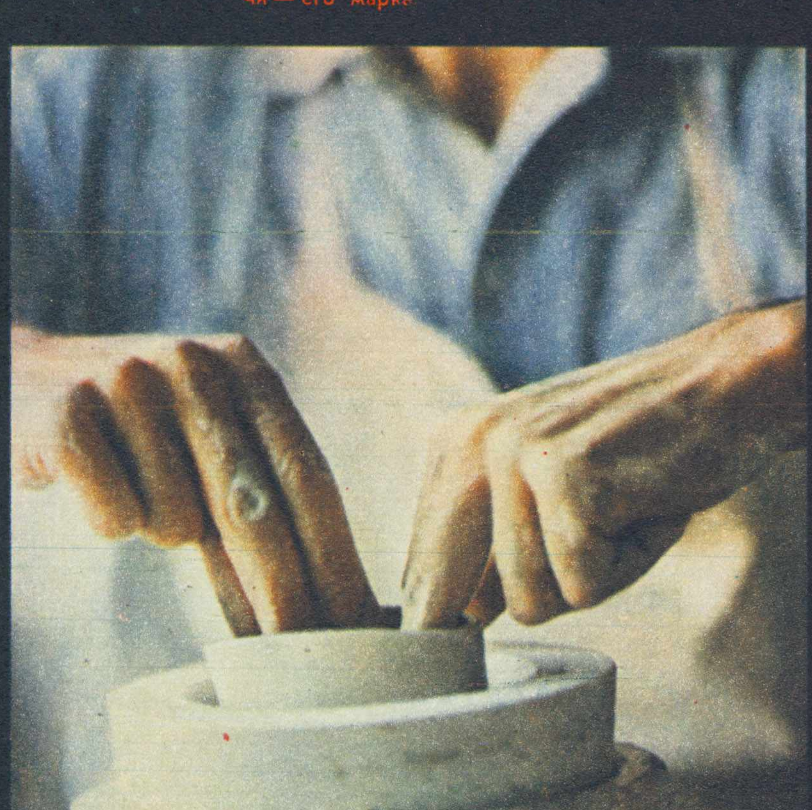

Сервизы, вазы, футляры для часов, фарфоровые фигуры и группы. Это далеко не полный перечень продукции Мейсенского фарфорового завода. Скрещенные мечи — его марка

Гости Шолохова

В июле 1965 года в станице Вешенской побывала делегация трудящихся Германской Демократической Республики. Это были гости Михаила Александровича Шолохова и, конечно же, гости донских казаков.

Но прежде чем познакомить читателей с гостями из ГДР, уместно вспомнить события, происшедшие годом раньше. Я имею в виду поездку Михаила Александровича Шолохова в Германию, к тем, кого он потом пригласил к себе.

...Это произошло в мае 1964 года. Автора «Тихого Дона» давно ждали немецкие друзья, и вот он отправился в Берлин. До этого Михаил Александрович был в Германии много лет назад, еще до второй мировой войны. Ему тогда было двадцать пять лет.

Перед майской поездкой 1964 года к Шолохову обратились корреспонденты газет ГДР. Журналист из газеты «Нейес Дойчланд» спросил:

— Думаете ли вы побывать в сельскохозяйственных кооперативах?

— Обязательно побываю,— ответил Шолохов.— Обязательно. Меня это очень интересует. Я внимательно слежу за строительством социализма в немецкой деревне, но знаю далеко не все.

Сердечно встретили трудящиеся ГДР «великого эпика нашего времени», как охарактеризовала Михаила Александровича немецкая газета «Юнге Вельт». Выражая чувства народа Германской Демократической Республики, первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии товарищ Вальтер Ульбрихт вручил Шолохову одну из высших наград, орден «Большая звезда дружбы народов» и отметил огромное значение произведений писателя для немецких трудящихся.

— Уже в первые годы после разгрома фашизма,— подчеркнул Вальтер Ульбрихт,— издание «Поднятой целины» явилось выдающимся событием в культурной жизни нашей страны. Ваш роман переходил из рук в руки. Тысячи людей нашли тогда в нем ответ на вопрос: как быть дальше? Многим помог он найти социалистический идеал и стать борцами за социализм и мир. В ваших произведениях речь идет о разрушении старого мира и становлении нового, о моральной силе и красоте человека социалистического общества.

...Много встреч было у Михаила Александровича в ГДР. Он побывал у крестьян нескольких сельскохозяйственных кооперативов: в том, что расположен в районе Ростока, в кооперативе своего имени в районе Потсдама и в других хозяйствах.

Встречался Михаил Александрович и с рабочими, с интеллигенцией. Сердечность была взаимной. Трудовые люди новой Германии приняли писателя с открытой душой. Он отвечал им тем же. Любопытен такой случай. В Веймаре руководитель партийной организации комбайнового завода, нарушая программу, несколько смущаясь, попросил Шолохова проехать в район комбайностроителей, чтобы Михаил Александрович хотя бы из автомобиля мог поприветствовать рабочих.

— Дорогой товарищ! — горячо возразил Шолохов.— Зачем же из автомобиля?! Я не турист...

...И вот немецкие друзья на донской земле. Они много слышали, читали о Доне. Они знали, что это край, о котором наслышаны во всех государствах, край сильных и волевых людей со своими давними, самобытными традициями, земля донских казаков, о которой так много им рассказывали еще отцы и деды, неоглядная степная сторона, край пшеницы и мужества, песен и любви, о которой с такой страстной силой написал сын этого привольного края, автор «Тихого Дона».

Да, они много слышали об этом крае, о людях, живущих здесь, много рассказов и песен, но они хорошо знают, что самые лучшие, самые поэтические песни об этой земле, о донских казаках написал Михаил Шолохов. Эти эпические песни называются «Тихим Доном», «Поднятой целиной», «Судьбой человека». Их знает весь мир...

В поле, у зеленовато-сизого прибоя пшеницы, встретились председатель колхоза «Тихий Дон» Александр Стефанович Максаев, секретарь партийного комитета артели Павел Арефьевич Абакумов, председатель сельскохозяйственного производственного кооператива в районе Ростока, член ЦК СЕПГ Эрнст Вульф, председатель сельскохозяйственного кооператива имени Михаила Шолохова Лотар Кох, бригадир полеводческой бригады Ульрих Темплин, бригадир животноводческой бригады Герхардт Борхардт, организатор первого сельскохозяйственного производственного кооператива в ГДР, член ЦК СЕПГ, старый немецкий коммунист Бернхард Грюнерт.

М. А. Шолохов принимает гостей из ГДР.

Фото В. Турбина.

И те и другие — крестьяне. Они быстро находят общий язык и хорошо понимают друг друга, нередко обходятся без переводчика.

Первый секретарь Союза немецких писателей, член народной палаты ГДР профессор Ганс Кох говорил мне:

— Вы сами видите, с каким огромным интересом знакомимся мы с этим необычным казачьим краем, откуда вышел писатель, ставший гордостью двадцатого века. Здесь все предстает перед нами новым, неведомым, каждый колхоз, каждый хутор, каждый человек, каждая встреча привлекает наше внимание. Однако знайте: мы проявляем особый интерес к тому, что связано здесь, на Дону, с Шолоховым. Вы не скажете, когда мы поедем на хутор Кружилин?

То, что один из руководителей писательской организации новой Германии великолепно знал, где родился Шолохов,— это было естественно и не вызывало удивления. Но когда к секретарю Вешенского райкома КПСС Петру Ивановичу Маяцкому с тем же вопросом обратился бригадир полеводов Ульрих Темплин, меня это просто взволновало.

Надо было видеть, с каким желанием все направились на хутор Кружилин. Машины подкатили к небольшому двору. За деревянной перекладиной виднелся с годами вросший в землю старенький казачий курень. Это был невысокий саманный домик, покрытый соломой.

В домике оказались две маленькие, аккуратно убранные комнатки. Потолок низкий. Прохладно. Во второй комнате в углу иконы... Молча, с каким-то душевным почтением немцы осматривали то, что открылось их глазам. Когда выходили, опуская головы, чтобы не удариться о низкий дверной косяк, кто-то из немцев тихо, многозначительно проговорил:

— Кляйне хауз — гроссе Шолохов!

И всем нам без переводчика стал ясен смысл простых и столь глубокомысленных слов:

— Из этого маленького домика вышел большой Шолохов!

Шолохов повез своих гостей на реку Хопер, километров за семьдесят от Вешенской, угостил стерляжьей ухой, а потом завязалась дружеская беседа.

— Эрнст Вульф, Лотар Кох и Бернхард Грюнерт — теперь уже мои старые знакомые. Это истинные представители немецкого народа,— сказал Шолохов.— Вы побывали в колхозе «Тихий Дон», в совхозах «Кружилинский» и «Каргинский», встречались там с полеводами, животноводами, механизаторами. Это очень хорошие встречи. Учиться всегда полезно. Все мы учимся друг у друга. Интересной и полезной была моя прошлогодняя поездка в Германскую Демократическую Республику. Встречи с людьми разных профессий и возрастов глубоко тронули меня, и я часто вспоминаю о них. Вот и здесь собрались люди разных профессий. У каждого свои симпатии, свои привязанности. Мне близки крестьянский труд, люди сельского хозяйства. У крестьян ГДР мы можем почерпнуть немало полезного. Я и мои товарищи по партии всегда испытываем добрые чувства к немецким коммунистам, ко всему трудовому народу Германии.

Михаил АНДРИАСОВ

Ростов-на-Дону.

Эрвин ШТРИТТМАТТЕР

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Электрический ток

В свинарнике сидят в заточении две свиньи, и они требуют своего от старого Адама. Ему пришлось завести на целом моргене песчаной земли за домом картофельное поле. Картофель надо сажать, ухаживать за ним, потом собирать урожай. Клубни картофеля, пройдя через желудок свиньи, превращаются в навоз — изволь его вернуть на то же поле и снова сажать там картофель.

Старый Адам еще кормит кур, следит за гусями, пилит и колет дрова на зиму. Он за день перетаскает два десятка ведер воды из колонки, что в ста метрах от дома, а к вечеру выльет в канаву чуть ли не столько же помоев. На огороде — свои дела: вскапывать лопатой грядки, сажать овощи, пропалывать, поливать, а тут еще фруктовые деревья — надо вовремя обрезать ветки, защитить дымом от весенних заморозков молодой цвет яблонь... На совести старого Адама сорванец внук, с него тоже нельзя спускать глаз; а бывает, что и соседи попросят помочь с заготовкой дров на зимнее время.

Он не любит пустых разговоров, старый Адам, больше молчит и думает о разных вещах про себя. Так и работы за день переделаешь больше.

Вот, например, гуси. Что такое гусь? Несколько добрых кусков жаркого, запрятанных в целую подушку пуха, только жаркое это еще ходит пока на двух красных лапках. Почему же, скажите на милость, домашний гусь не улетает от нас? Потому что человек приручил его, откормил, отучил летать. Занятное двуногое — этот человек!

Человек заставил кур устилать яйцами весь их жизненный путь. Человек повелел курице класть яйца не где попало, а в ящик или корзину; а сам крадет у нее яйца прямо из-под задка, да еще добился того, что курица не удивляется, если в гнезде лежит всегда **одно** яйцо. Человек — на все руки мастер!

Из разных сорняков он вывел редьку и редис, брюкву и кольраби, красную и белокочанную капусту — и все он же, человек, человек!..

Старому Адаму пошел седьмой десяток, и добрую половину этого срока он прожил в лесу. Теперешний лес — это не та темная, густая, непроходимая чаща, из которой выглядывали древние боги наших пращуров, где змеи угощали человека райскими плодами,— старый Адам видел все это на цветных картинках в иллюстрированных журналах. Нынешний лес стал слугой человека. И мы, его хозяева, сами насаждаем в нем деревья, опрыскиваем их ядом, чтобы изгнать майских жуков, истребляем других вредителей, прореживаем лес, очищаем его.

Однажды, когда Адам заготовлял в лесу дрова, высокая сосна свалилась от сильного ветра. Она обрушилась на соседнее дерево и отломила большущую ветвь. Ветвь с высоты угодила в правое колено старого Адама и раздробила его. Он долго лежал в больнице; экономя расходы на парикмахера, отпустил себе там окладистую бороду, так и носит ее по сие время.

Старый Адам всем сердцем любит лес. Этого, конечно, не выскажешь соседям-хуторянам: они не из тех, кто любит швыряться красивыми словами, как ребятишки гнилыми сливами. Короче говоря, он в любой свободный час не прочь полазать по лесу, сходить за грибами. Грибы — это не овощи, не яйца, но, конечно, и животными их не назовешь. Есть один сорт грибов, они водятся в колеях лесных дорог, где даже пырей, эта вошь среди растений, не осмеливается поселиться. Гнезда этих грибов словно построены по линейке и циркулю — из мелкого, нанесенного ветром песка. Под этой крышкой грибы копят свой замечательный зеленый сок, и если их замариновать,— пальчики оближешь! Старому Адаму это доподлинно известно...

В последние дни вдоль дороги к хутору возчики стали сгружать обтесанные стволы сосен.

— Это свет у нас будет в хуторе!— сказал зять и так спокойно сказал, как тот старый бог из библии: «Да будет свет!» Но разве люди — боги? Насчет этого самого света старый Адам вдоволь наслушался разговоров. Два правительства обещали хуторянам свет, да где там! А новое правительство всего два года существует. Старый Адам не верит, что будет свет.

После беды, случившейся с ним в лесу, он живет на усадьбе у дочери, в маленькой пристройке к дому. Комнатушка его — словно коробочка, сколько-то кубических метров воздуха, пропитанного табачным дымом. А если еще вычесть то, что занимают стол, шкаф, книжные полки, кровать... По стенам развешаны фотографии, рога дикого козла, напротив — оленьи. На полках — книги, уголки бумаги в них побурели от привычки слюнявить пальцы, когда перелистываешь страницы. На фотографии коричневатых тонов, что висит над кроватью,— женщина со строгим лицом и по-детски маленьким носиком. «Адамша» — так звали ее хуторские. Она умерла от заражения крови. На другом фото — вся семья: он сам, жена, трое детей; у детей такой вид, будто их пинками пригнали с выгона фотографироваться. Оба сына погибли в войну — провалились она в преисподнюю, эта война! А малютка с пышным бантом в волосах — это и есть дочь, у которой он живет сейчас. И еще фотография в черной рамке: он, Адам, молодой, верхом на лошади. И собственноручная надпись: «Подъем, друзья, подъем! Седлай, садись! Конная артиллерия, 1905 год. В память о моей военной службе».

Дочка раньше была горничной у жены здешнего помещика, теперь работает бухгалтером в народном имении. Муж ее — тракторист там же.

* * *

Уходит время. В жизни человек часто не замечает этого. Но время делает свое дело — и сказка о волшебном свете на глазах старого Адама становится действительностью.

Однажды на хуторской дороге появились пятеро парней. Они приставили свои разболтанные велосипеды к придорожным соснам. Велосипеды, стальные ободья для них, запасные части — все, что делает человека скороходом, стало нынче редкостью, думает старый Адам. Шин велосипедных, что делаются из мягкой, упругой сердцевины каких-то там деревьев, не достать сейчас ни за какие деньги. Война заставила людей снова разгуливать на своих двоих. Но и обуви мало — скотины ведь тоже всюду убавилось. Война, война! Взрослые люди вздумали играть с огнем, а дома да сараи сгорели не только у соседей, а и у них самих. У огня тоже свои повадки!..

Из одной шины, пусть двадцать раз залатанной, можно выкроить несколько хороших подметок. А когда они износятся в клочья, их выбрасывают вон туда, на лесную опушку. Тому, у кого работа в лесу, а одежа плохая, эта резина очень полезна для костра: сильно горит и хорошо греет. Так одно превращается в другое, пока совсем не исчезнет из глаз наших.

На приезжих парнях — выцветшие добела спецовки,— куда только подевалась хорошая синяя краска! В обед, замечает старый Адам, они едят картошку в мундире и повидло из репы. Ямы роют они на полтора-два кубометра. А потом столб опускают в яму концом, смазанным гудроном, и заваливают комковатой землей.

Один из парней и вовсе решил вернуться к звериному облику: надевает на башмаки железные когти. Лезет наверх, на самую бывшую верхушку сосны...

Ах, ты, напасть! Эх, житье-бытье! Опомнился старый Адам: гуси опять нацелились забраться на могилу Адольфа Шедлиха, истопчут грязными лапами пеларгонии. Совсем забыл про гусей старый Адам!..

Тот, что с железными когтями на ногах, привертывает к голове мертвой сосны железную перекладину с фарфоровыми висюльками. Каждые полсотни метров будет стоять такая мачта, и так — все полтора километра до самого хутора. Старый Адам видит все это собственными глазами.

Два дня парни не появлялись. Потом приехали и, словно акробаты, орудуют на столбах, натягивают проволоку на весь длинный ряд мертвых сосен; нет, не одну — две проволоки! Значит, по проволокам и пройдет на хутор то самое, что должно туда прийти?

В копилку слов, собранных старым Адамом за всю жизнь, проскользнуло еще одно, новое: изоляторы. Он даже произнес вполголоса это слово за ужином. Домашние переглянулись. А как же иначе это назовешь — «руками», что ли, или «плечами», которыми мертвые сосны поддерживают проволоку? Все новое требует новых слов. А над тем, кто не умеет ими пользоваться, люди только смеяться будут. Взять хотя бы это самое электричество. Разве его выразишь старыми словами?

С каждым днем старый Адам все пристальнее присматривается к тому, что делают парни в спецовках. Правда, в прежнее еще время такую линию провели в главную деревню, где жили зажиточные крестьяне, которые и без того хвастались перед хуторянами разными новшествами в своем хозяйстве. Но старый Адам считал, что не пристало ему подкрадываться по вечерам под окна к богатеям и глазеть на невиданный свет. Хуторян тогда обошли. А теперь деревенские пусть попробуют обзывать их, как прежде, «керосинниками»! Что ни говори, а старый Адам отдает должное новому правительству.

Три дома да четыре избушки — вот и весь хутор. Но парни в спецовках не минуют никого: на всех строениях они уже приладили над оконными наличниками по два изолятора. А спустя два дня все дома уже связаны проводами, как свора гончих на смычке.

Парни поднимаются на чердак, заглядывают во все комнаты. Из стен вылезают жестяные трубки, они свешиваются вниз, а из них выглядывают пучки тонкой проволоки. И все это уже, кажется, презрительно косится на керосиновые лампы.

Приходит день, и старый Адам осторожно нажимает заскорузлым пальцем на кнопку выключателя. Ослепительный свет послушно вспыхивает в стеклянной груше. Чудо! Теми двумя проволоками хутор как бы прицепился к большому миру. Старый Адам верит в свет, о котором до сих пор только трепали языком.

По вечерам в комнатах пронзительно светло. Но старый Адам решает зажечь в одной комнате все керосиновые лампы и устроить состязание. Верные старые слуги трудятся изо всех сил, коптят, пышут керосиновым угаром — куда им до маленькой пламенеющей стеклянной груши! Уже не хочется смотреть на их тускло-желтый свет, раньше казавшийся таким уютным. Старый уют уходит. Сверкающая груша — это домашнее солнце, и она побеждает.

Внук старого Адама при новом освещении пересчитывает волоски на тыльной стороне ладони. Дочь находит, что надо обязательно заново выбелить стены. Зять — тот по-своему пробует новый свет: при нем так легко разбирать в книге чертежи дизельного трактора. А старый Адам с часами в руках старается дознаться по счетчику, висящему на стене: в самом ли деле киловатт-час содержит в себе шестьдесят минут? От ослепительного света все выглядят немного обалдевшими.

Загадочная сила поселилась в доме, только ее не видно, пока не нажмешь кнопку выключателя. А что она делает, эта сила, пока сидит, притаясь в проводах? Хуторские мальчишки решили пощупать эту силу собственными руками. Они взяли мокрую после дождя жердь от вьющегося горошка и отправились на холм, где кладбище. Внук Адольфа Шедлиха первым начал испытание: он вскарабкался до половины столба и стал пилить шестом по проводу, как смычком по скрипке.

— Ну как? — закричали ему ребята.

— Вроде слышна музыка.

Внук старого Адама тоже попробовал, но музыки не услышал. Ребята кричат, что у него нет слуха, и советуют водить смычком по обоим проводам сразу. Только он сделал это — брызнули искры, желтые, голубые (внук потом говорил, что были и красные). Жердь полетела в траву, рядом шмякнулся с обожженными руками внук. Ребята разбежались. Старый Адам отвез перепуганного мальчика на соседской бричке в окружную больницу.

Иногда то новое, что открывает человек, восстает против него же, если он не умеет обращаться с тем, что открыл. Наш пращур, сумевший приручить огонь, проклинал его за то, что обжигал поначалу пальцы. Старый Адам не клянет новое, он просто вспоминает свое далекое детство.

...Стояла тогда ранняя осень, ночи уже были холодные. Деревенские ребята сторожили скот богатых крестьян. Разожгли скромный пастушеский костер, грелись. Стали спорить, кто больше вытерпит, наклонившись над огнем. Из всех Адам был самым маленьким, ему хотелось показать себя. Он взял да и сел на корточки над костром и сидел, пока штанишки не занялись огнем. Он бросился бежать, но поток воздуха еще больше раздул пламя. Тогда он повалился на землю, и ребята стали гасить огонь песком. На память остались ожоги, но их ведь не видать было под штанишками...

Когда внук вернулся из больницы, дед спросил его: не сказали ли ему врачи, что за сила такая — электричество? Но внук ничего не мог ответить старому Адаму.

* * *

Весной старый Адам обычно помогал вдове Грете Блюме пилить и колоть дрова. Весна — такое время, когда даже в глазах вдов отражается как в зеркале вишневый цвет. Грета споро водила пилой по бревну, выставляла напоказ новый, в красную клетку фартук и без умолку болтала о том, что в окрестных деревнях пожилые мужчины встряхнулись после войны, вспомнили о своей мужской силе, и многие переженились наново. Грета не просто вдова, она бригадир у женщин, что работают в лесу, она даже активистка. Старый Адам привык и к этим новым словам. Но что до весенних поддразниваний Греты Блюме, на них он не собирается поддаваться. Помочь ей он всегда готов, а насчет прочего... Дочь этого ни за что не потерпела бы! Она у него строгих правил и желает, чтобы он до гроба оставался верным ее матери. И потом кто же стал бы делать всю работу по дому, если бы старый Адам вдруг решил переменить судьбу?..

Как-то вечером внук выпалил:

— Грета Блюме варит картошку на электричестве!

Эта новость пронзила старого Адама. Он даже привскочил на стуле, словно астроном, обнаруживший в небе новую звезду.

Грета показала ему свою электрическую плитку. Раскаленные проволочки, свернутые в спираль на манер пружины от матраса. Он молча поглядел на счетчик — белый кружок счетчика вращался быстрее обычного.

— Тебе придется здорово раскошелиться за это, Грета,— выговорил он наконец.

Вдова кокетливо надула губки: можно было бы обойтись и без этой плитки, будь в доме кто-нибудь, кто мог бы разжечь кухонную плиту до ее прихода с работы!

Но в старом Адаме уже проснулся исследователь: значит, ток дает огонь, когда его пропускают через спиральную проволоку, и может даже заменить человека в доме.

Позднее эта мысль не казалась уже старому Адаму такой забавной...

Электричество принесло в хутор новые чудеса: последние новости со всего мира, невидимый, но слышимый театр, лекции по науке, музыку, предсказание погоды. Все это словно вылавливалось из воздуха небольшим аппаратом, и каждая семья могла слушать по выбору то, что ей хочется.

До войны на хуторе такой аппарат был только у одного человека, у Адольфа Шедлиха. Чтобы пускать его в ход, Адольф ездил в мастерскую в ближайший город и оттуда привозил электричество в каком-то стеклянном футляре. Он выходил из дому на лужайку у большого амбара и, приложив ладони рупором ко рту, зычно кричал:

— Слушать всем! Сейчас будет говорить фюрер!

Однажды старый Адам и Адольф Шедлих здорово по этому поводу поругались за завтраком в лесу.

— Козел-вожак нужен только стаду, а люди сами могут договориться сообща, в какую сторону им идти,— сказал Адам.

Такие мысли, говорят, не подобали человеку, который нес на хуторе обязанности старшего подметальщика; пост этот перешел к Адольфу Шедлиху. А тут вскоре с Адамом случилось то несчастье в лесу. Шедлих во всеуслышание заявил, что Адама покарало за злостный язык Провидение — оно и свалило сосну.

Когда началась война, Адольф Шедлих ушел добровольцем на фронт. В первую же побывку он горделиво разгуливал по хутору, щеголяя треугольным золотым галуном, красовавшимся на рукаве его серо-зеленой шинели.

— Эй, ты, шапку долой перед наградой фюрера! — закричал он ковылявшему навстречу старому Адаму.

Но тут приключилась беда с самим Шедлихом. Он как-то нанес визит старшему лесничему. Овчарка лесничего, до этого дня смирная и здоровая, внезапно набросилась на Адольфа и в кровь искусала ему ягодицы. Раны сильно болели, но Шедлих отверг медицинскую помощь: собака ведь принадлежала лицу, старшему по чину.

Фронт был тогда далеко, и Шедлих ехал туда поездом долго. Яд бешенства уже растекался по его жилам. На одной из станций к его ногам упал оброненный бумажный почтовый мешок с письмами. Шедлих яростно впился зубами в мешок и стал рвать его в клочья. Больного связали, но он успел еще покусать почтового чиновника и какого-то проезжего майора. Спасти его уже было нельзя. Адольф Шедлих вернулся на хутор в черном деревянном мундире, наскоро притесанном по его фигуре...

Старый Адам аккуратно прослушивает по радио все научные лекции. Он очень обижается, что в лекциях не объясняют, что такое электричество. В газетах он набрасывается прежде всего на страничку науки и техники. Это беспокоит его дочь: ей кажется, что старик чего-то ищет среди брачных объявлений. Старый Адам сердито отодвигает в сторону газету и ругает редакторов: они, видно, считают, что неизвестное всем известно, а разжевывают то, что всем и без этого давно знакомо.

* * *

Старый Адам сидит на кладбище. Он устроился на чьем-то надгробном камне, и на душе у него нехорошо. В ограде кладбища давно бы надо заделать дыры, а то в них пролезают эти бессовестные гуси. А приятно ли покойнику тихо и безответно лежать в земле, когда на могилу сыплется гусиный помет! Старый Адам идет в атаку на гусей, выставив лопату, как ружье со штыком,— так бы и перебил негодных! Гуси удирают через дыры в ограде, выстраиваются в колонну, гогочут, высматривают — дожидаются, пока старик снова усядется на место. Он только теперь замечает, что все время сидел на могиле Адольфа Шедлиха. Легкий холодок страха пробегает у него по спине, но он берет себя в руки.

Старый Адам пересаживается на могилу жены. Ветер шумит в ветках голубых елок. Это ветер позднего лета, его и не почувствуешь, пока он не встретит какое-нибудь препятствие. Совсем как электрический ток. До сих пор так и не удалось узнать, что же это за сила такая. Но как она действует, старому Адаму уже известно...

Недавно приехало пятеро других электромонтеров. На этот раз — на мотоциклах, примчались, как кавалерия, которой скомандовано: в карьер! А так все пошло по прежнему образцу: на каждой мачте —

две новые перекладины, два новых изолятора, дома в хуторе соединили новыми проводами.

— Наконец-то будет ток для силовых установок! — воскликнул зять.

Он отправился в город покупать мотор для насоса. В доме проросли новые медные трубки, на этот раз они шли снизу, и по ним в кухню пришла вода, побежала веселой струей из кранов. Старый Адам имел еще один случай подивиться хитрому человеческому уму...

Большие огорчения подкрадываются незаметно. Нельзя знать, на каком камне ты споткнешься в пути.

Ведра были отправлены на чердак, к керосиновым лампам. Наверно, их ручки, отполированные жесткими, мозолистыми ладонями старого Адама, тоскуют по этим крепким стариковским рукам.

Сосед Пфуль купил мотор для своей молотилки. Значит, старого Адама он больше не позовет погонять лошадей на молотьбе, разве что пригласит крутить зерноочистительную шарманку вслед за обмолотом.

А тут еще пришел черед и главному новшеству: в деревне создали сельскохозяйственный кооператив. Для мелких моторов хуторян и деревенских нашли применение, а вот для старого Адама нет. Один мотор приспособили к круглой пиле, и распилка дров для всех жителей хутора стала занимать каких-нибудь пять-шесть часов. Прощай теперь, весенняя подмога на дворе Греты Блюме!

Что остается еще у старого Адама? Огород. Свиньи. Птица. Он молча принялся бороться против пустых, свободных часов, которых становилось все больше. За внуком следить уже не надо, он учится на монтера, в городе...

— Узнал ты наконец, что такое электричество? — спрашивает его дед.

Но внук не знает этого.

Зато в доме появились новые чудеса: ящик со стеклянной стенкой, немного поменьше тех, в которые старый Адам сажает несушек. Электрический ток ловит откуда-то картины, говорящие человеческими голосами. «Деду доведется еще много чего взять от жизни!» — усмехаясь, говорят домашние.

Молодые даже после работы стали умываться небрежно, наскоро проглатывают ужин и бегут смотреть, что покажет волшебное стекло. Они усаживаются перед ящиком плотной стеной, и старому Адаму приходится довольствоваться местом за их спинами. Скачут на конях монголы; толстый берлинец с серьезным видом разыгрывает потешные сценки; идет уборка урожая; где-то поднимается высокий паводок; один человек управляет землечерпалкой высотой с церковь; рабочих металлургов награждают медалями; состязания в танцах, в скачках — всему и всем есть свое место в жизни, только не ему, старому Адаму!

Молодые совсем заважничали — они продали свиней. Дочери и зятю, видите ли, приелись солонина и жесткая копченая колбаса. Теперь ни к чему стало картофельное поле. За свиньями попали в немилость куры, старый Адам больше не ходит собирать из-под наседок яйца в заветном сарайчике. Яйца теперь получают от кур тысячами, там, в кооперативе, на птицеферме, в просторных помещениях, где на стенах висят термометры и, конечно, светло от электрических ламп.

Весной дочь принесла из кооперативного магазина свежие кочаны брюссельской капусты. А старый Адам только-только еще посадил ее на грядках. То же самое и с салатом и с кольраби: все поздно, поздно!

— Стоит ли возиться с огородом? — сказала как-то дочь; она не поглядела при этом на руки старого Адама, которые он прячет теперь под столом, когда все садятся ужинать. Ему оставили только гусей, которых

он и раньше терпеть не мог; оставили из-за пуха для подушек или... просто ради него самого?

Старый Адам стал еще молчаливее. Он все чаще уходит в привычное место — в лес. Стал усердно собирать грибы, сдавать их на заготовительный пункт. Но много ли радости — менять грибы на красиво отпечатанные цветные бумажки?

Той же весной ему вдруг вспомнились намеки Греты Блюме. Стоял теплый вечер. Когда он постучался к Грете, благоухала сирень и весенним зовом любви звучали голоса птиц. Он услышал «войдите» и тут же странное хихиканье Греты. Все стало понятно с первого мгновения: на кухне у Греты Блюме сидел вдовец-переселенец, они ели вместе сваренный на электроплитке картофель в мундире и студень.

По дороге домой он чувствовал только усталость в ногах, как после долгого солдатского марша в дни юности. Запах сирени словно давил на плечи, в голосах птиц ему слышалась насмешка...

Так оно было весной. Сейчас на исходе лето, с косыми лучами солнца и увядающей зеленью. Он яростно размахивает лопатой, выгоняя гусей с кладбища. Гуси взволнованно перекликаются и делают вид, что собираются отправиться к озеру.

Старый Адам останавливается у чьей-то могильной плиты. Тяжелыми камнями обкладывали тела усопших еще во времена пращуров. Он читает надпись на плите. Она гласит, что «тиканье и бой часов ткут нить времен из тишины, и каждый новый шаг Луны смерть сторожит из облаков».

Он начинает работать над цветочной клумбой. Поднимает дерн, эту зеленую улыбку земли, подравнивает его. Стариковская слеза, отягченная солью и опытом, повисает на его бороде, как капля росы на ветке кустарника. Она падает, как и все, что повинуется земному притяжению, падает на взрыхленный чернозем и исчезает в нем.

В начале лета он ходил в деревню, просил дать ему работу пастуха. Бригадир молочной фермы и директор кооперативного молочного завода приветливо похлопывали его по плечу, но с сожалением разводили руками, показывая на изуродованную ногу, на костыль.

Ему пришло в голову собирать лекарственные травы и сушить их на кухонных досках. Однажды он поставил доски с травами на дорожку у входа в дом, там солнце греет сильнее. Зять примчался к дому на своем мопеде и с ходу проехался по заготовленным травам. Не было ни брани, ни ссоры, только тяжелый вздох, да загорелся маленький костер на лугу: старый Адам высыпал в огонь весь запас собранных за лето трав. Он только подумал: сколько человеческого здоровья улетело вместе с дымом!

Внук теперь стал техником, работает где-то в дальнем лесу, говорят, на атомной электростанции. Работает хорошо, к 1 Мая его даже отметили наградой. Но дома... Музыка, музыка, вечное возбуждение, какая-то лихорадка! К запястью у него пристегнут радиоприемник размером в пачку сигарет. С руки стекает музыка. Старый Адам знает, что ток для этого дают крохотные батарейки, не более кончика гусиного клюва. Тромбоны, трубы, саксофоны гремят, орут, заглушая песню, самую музыку. Отсюда, видно, у внука постоянная лихорадка, и это беспокоит старого Адама.

Молодой электротехник привел с собой в дом юную продавщицу из лесного поселка. Они ходили, тесно обнявшись, раскачиваясь из стороны в сторону, словно на вывихнутых ногах, но все-таки подвигались вперед, в сторону озера. Коробочки гремели у обоих на запястьях. Они смеялись, выкрикивали бессвязные полуслова. Они бывали счастливы в эти минуты, по-своему, конечно. Наверно, все это не так уж плохо, только непонятно для старого Адама.

Продавщица, сама дитя, ждала ребенка. Ее устроили в хатке старого Адама: дочь рассчитывает подучить невестку до родов домашнему хозяйству. Не великое на этот раз чудо в доме эта девочка, с именем Беатриса, которое будто выскочило из того ящика со стеклом. У нее бледное личико, волосы тоже белесые, выкрашены каким-то снадобьем. Она с отвращением носит растущий живот по своему маленькому миру. Она зажимает нос, как только услышит запах табака из трубки старого Адама. Тошноту, сопровождающую беременность, он толковал по-своему: им, молодым, наверно, кажется, что от деда уже веет запахом могилы.

Он стал избегать встреч с маленькой Беа, но она словно преследовала его в своем выцветшем платьице. Раздувшаяся гусеница собирается обгрызть и скинуть с ветки желтый осенний лист!

Ее все время клонило ко сну. Она засыпала утром, едва начав вытирать пыль с мебели, засыпала днем за чисткой картофеля, а чаще всего — на кровати, в комнатушке старого деда. Правда, одна наша прапрародительница тоже решила забраться в теплую пещеру, когда был в отлучке хозяин пещеры, медведь...

Беа спит, а маленький ящичек на ее запястье трудится. Такой он увидел ее, вернувшись однажды в полдень из леса. Она проснулась от табачного дыма, заткнула пальчиками нос, другой рукой поправила башню из волос на голове, сладко зевнула и сказала:

— Как уютно будет нам тут жить!

Старый Адам познал истину из первоисточника: они ждут его смерти. Что ж, он сделает так, чтобы им не пришлось слишком долго ждать!

Он потихоньку стал копать себе на кладбище могилу, превращая в действительность старое, затасканное изречение. Он роет, и мелкие камешки вскрикивают от боли, когда их задевает железо заступа... Спуститься, что ли, к озеру — из старого Адама, слава богу, плохой пловец — и камнем пойти ко дну? Может, и сердце сразу остановится от ледяной воды и не придется судорожно глотать противную зеленую тину. Опуститься на дно, под самые корни тростника, увидев напоследок, как голубое небо исчезает в серой дымке и одинокая чайка по ошибке стрелой кидается с высоты на маленький водоворот, вызванный гибнущим человеком...

Но до этого еще не дошло. Он все-таки почитывал те книги с побуревшими уголками страниц и знает много подобных историй. Нет, он заранее оповестит молодых, что готовится умереть! Полезет, например, в погреб и разобьет вдребезги мотор, подающий воду. Конечно, этим он не отрубит ни одной головы стоглавому дракону по имени электричество. Но загадку молодым он все-таки загадает неплохую...

Эти мысли роились в голове старого Адама, когда он бесцельно брел по дороге к деревне. И вдруг — чудо! Он увидел, что весь принадлежащий кооперативу выгон вплоть до самой лесной опушки окружен и как бы замкнут низенькой электрической линией! Железные столбики, изоляторы, провода — словом, маленькое подобие той большой линии, которая проведена на хутор.

«Вот он, новейший способ умереть!» — мелькнуло в его сознании. Он, не рассуждая, подошел к проводке и ухватился голой рукой за верхнюю проволоку. Тело его вздрогнуло от сильного толчка. Нет! Это не заменит той мучительной смерти в озере...

И тут в старом Адаме проснулось любопытство, это хитроумное свойство человека, часто продлевающее ему жизнь. Электричество лежало распростертым у его ног. Он огляделся вокруг и обнаружил ящик на красном столбике. Там что-то тикало и стучало, словно в ящике сидел взаперти дятел и хотел продолбить крышку. Он нашел выключатель, нажал на кнопку, и тиканье прекратилось. Ток исчез из проводки.

Это позабавило старого Адама: начался прямой разговор с неуловимым незнакомцем! Он стал включать, выключать, снова включать, наслаждаясь своей властью над таинственной, могучей силой.

Старый Адам каждый день пропадал на выгоне. Однажды утром он увидел, что провода валяются на траве, оборванные и разбросанные. Он пригляделся к следам на земле и сразу понял, что ночью сквозь электрическую изгородь прорвалось стадо диких кабанов. Скот разбежался с выгона и теперь вразброд пасется у дороги и на опушке леса. Старому Адаму не под силу согнать скотину обратно; он поспешно заковылял в деревню и там рассказал о случившемся.

Председатель кооператива сощурился — должно быть, какая-то мысль пришла ему в голову. Не пожелает ли старый Адам взять на себя должность сторожа на выгоне? Присматривать за молодняком, который там пасется? Большой платы за это они не смогут положить, но все же работа для старого человека.

— Недельку даем на обдумывание, — сказал председатель.

Никакой недельки на обдумывание старому Адаму не требуется! Ему нужно только одно: какое-нибудь жилье в деревне...

К избушке старого Адама подъехал трактор. Двое трактористов вынесли мебель из комнатки старика, она снова обрела свои полные кубометры воздуха.

— Что это значит? — ошеломленно спрашивают внук и маленькая Беа.

— Потом узнаете, что́ и как! — спокойно отвечает старый Адам.

Пусть в комнате лежит с выпяченным животом бледненькая Беа. Звуки саксофона и удары барабана будут стекать с ее запястья, так слаще спится. Старый Адам молодцевато взбирается на сиденье в кабине тракториста. Молодые выходят на двор и растерянно разводят руками, впрочем, они делают это больше для соседей.

Нет такого закона, чтобы человек обязательно помирал в том доме, где родился!

* * *

Выгон для молодняка... Теперь дело старого Адама — заботиться о новых своих подопечных, присматривать за каждым. Если дикие козы или кабаны изорвут проволоку, он срастит ее, натянет, исправит все как полагается. Изоляторы все должны быть целы, аккумуляторы в порядке. Бедовый малый этот электрический пастух — за ним тоже требуется глаз.

Старый Адам снова нужен человечеству. Но что такое электричество, он так и не знает. Он останавливает на дороге внука, который пулей мчится с работы на своем мотоцикле. На руке у парня уже не видать музыкальной коробочки. Теперь другая музыка звучит в комнатке старого Адама — музыка нового маленького человека, она вытеснила саксофоны и трубы. У молодых свой размах в жизни. Старики всегда боятся, как бы молодые не испортили то, что они всю жизнь затевали и создавали на земле. Но планета наша круглая, и она не устает вращаться...

— Да спроси же, наконец, у своих инженеров, что такое электричество! — приказывает старый Адам.

Внук теперь уже не решается подшучивать над дедом. Он берет на работе в библиотеке словарь и заучивает следующее определение:

«Электричество есть совокупность явлений, обусловленных наличием электрических зарядов и создаваемых ими полей».

— Корова жрет траву и дает молоко, вот это и есть корова. Куда годится такой ответ! — негодует старый Адам. Он решительно недоволен инженерами. Придется, видно, самому доискиваться до сути. И какая, собственно, тут может быть тайна? В электричество превращается уголь, или сила падающей воды, или, говорят еще, уран, что добывают в горах... Разве тут больше темного и непонятного, чем в ветре, которым с благодарностью пользуются рыбаки на парусниках?

Обо всем этом надо думать и думать, и это делает старого Адама счастливым. Конечно, не скажешь: «Я теперь дождался своего счастья». На деревне не любят бросаться высокими словами, как гнилыми сливами.

Старый Адам живет полной жизнью.

Перевел с немецкого Л. Чернявский.

Виталий Шишко и Роланд Циммерман.

В. ПАВЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Дм. Бальтерманца.

На прогулке.

Сегодня мы приглашены в батальон связи Национальной народной армии ГДР. Сюда же в гости пришли связисты из расположенного поблизости гарнизона советских войск.

Мне еще не приходилось участвовать в таких встречах. И, быть может, поэтому непривычно смотреть, как в зал, чуточку щеголяя отличной выправкой, входят эти ладные парни в форме военнослужащих Национальной народной армии ГДР и Советской Армии, как чинно рассаживаются они за длинными столами, вежливо уступая друг другу места, как перебрасываются разными словечками на русском и на немецком...

А ведь вполне может быть, что вон у того светловолосого немца, мундир которого украшен шнурами за отличную стрельбу, или вон у того советского сержанта со значком классного специалиста на груди,— может быть, их деды или отцы побывали на фронтах минувшей войны. И, быть может, бились друг против друга где-нибудь под Сталинградом, под Курском или под Берлином...

И вот теперь внуки и дети тех солдат, сами ставшие солдатами, сидят за одним столом. Сидят и весело улыбаются, когда хозяин сегодняшней встречи заместитель командира батальона майор Герхард Ритшель рассказывает о спортивных соревнованиях и вечерах дружбы, на которых наши солдаты и солдаты Национальной народной армии ГДР, по установившемуся обычаю, отмечают революционные праздники. И смеются, когда фельдфебель Райх и сержант Иконников вспоминают разные занятные случаи и происшествия во время совместных учений двух братских армий.

Что же объединяет их, этих молодых, задорных парней в военной форме? И случайно ли наша встреча происходит именно здесь, в зале революционных традиций немецкого рабочего класса? Тут, куда ни посмотришь, все говорит о дружбе народов Советского Союза и ГДР и братстве их армий.

В конце зала отгорожен целый миниатюрный музей. Здесь хранится оружие повстанцев, мундир одного из руководителей революционного восстания в Дрездене в ноябре 1918 года; на стенах развешаны фотографии. Среди этих фотографий — снимок членов комитета «Свободная Германия», организованного в годы мировой войны соратником Эрнста Тельмана Вильгельмом Пиком. К слову сказать, один из членов этого комитета, Вернер Пильц, командовал дивизией, в которую входит батальон, принимающий нас сегодня. А уполномоченный комитета бывший обер-лейтенант Кассиус служил первым его заместителем.

Трудно даже просто перечислить примеры совместной борьбы немецких антифашистов и советских людей против нацизма. В этих примерах — традиции общей борьбы советского и немецкого рабочего класса против империалистов. Традиции, на основе которых впервые в истории Германии в ГДР создана армия, служащая интересам народа, а не кучке финансовых воротил, армия, предназначенная для защиты мира и мирного труда рабочих и крестьян, а не для захватов чужих территорий и не для порабощения других народов.

И каждый из этих парней — советских и немецких рядовых, сержантов и фельдфебелей — воспитан комсомолом или Союзом свободной немецкой молодежи. И сызмальства от всего строя и уклада жизни наших стран впитали они в себя идеи братства народов, идеи интернационализма, идеи Маркса и Ленина, которые объединяют и наши страны и наши армии.

Потом все вместе, без всякого строя идут в учебный класс, и все вперемешку рассаживаются за парты, оборудованные радиоключами. И... забывают обо всем. Советский лейтенант Наиль Фаттахов и немецкий фельдфебель Райх склонились над пультом управления. Включен магнитофон — любая ошибка в приеме и передаче будет немедленно зафиксирована на его ленте. Перемигиваются разноцветные лампочки на пульте. В сплошной дробный писк слились точки-тире морзянки. Переговариваются рядовой Виталий Шишко и ефрейтор Роланд Циммерман, отстукивают ключом позывные рядовые Карл-Отто Свобода и Олег Литвинюк. Кто быстрей? Кто точней?.. Нет, за ними не угнаться. И лейтенант Фаттахов, прослушивая магнитофон, довольно поглядывает на своих товарищей-офицеров, капитанов Юрия Дорохова и Геннадия Бронникова и старшего лейтенанта Дмитрия Вишнякова, которые стоят в стороне и молча наблюдают за работой связистов.

А я вспоминаю наш партизанский «Северок», который по сравнению с техникой, находящейся в этом классе, все равно что кремневое ружье по сравнению с автоматом ППШ. И думаю о том, что наши партизанские радисты, которые считались асами своего дела, работали на ключе не быстрей, чем эти молодые ребята, которые плечом к плечу станут в общий строй братских армий Варшавского договора, ежели горнисту придется сыграть боевую тревогу.

Строки из писем

«По телевидению ГДР мы смотрели передачу, из которой узнали, что редакция «Огонька» готовит специальный номер, посвященный нашей республике. Вы просили написать о дружбе с советскими людьми. Вот почему я решил взяться за перо...»

Примерно так начинается огромное количество писем, которые все идут и идут в «Огонек». Авторы их — граждане ГДР — люди разных возрастов и профессий, жители сел и городов.

Ветерану немецкого рабочего движения Гертруд Моргнер 81 год. Она бывший председатель рабоче-солдатского Совета города Йены, участвовала в создании Коммунистической партии Германии. «Я очень занята,— пишет товарищ Моргнер,— но для вас, мои дорогие советские товарищи, я тут же принялась за дело. Мы никогда не забудем, как вы помогали нам в революционной работе». Гертруд Моргнер вспоминает, как она и ее товарищи, члены группы «Спартак», встретили весть о победе революции в России, о том, как по всей Германии проходили антивоенные стачки. «Мы тогда же,— пишет немецкая коммунистка,— заявили о своей глубокой связи с нашим первым социалистическим отечеством, с трудящимися Советской России».

«Прошлым летом я была со своим отцом в Москве, Волгограде и Киеве. Нам всем очень понравилось. Этим летом мы опять собираемся в Советский Союз,— делится своими планами 16-летняя Хельга Кратц.— Я учусь в 10-м классе и в феврале сдаю экзамены. Если выдержу, то буду работать на химическом предприятии. Вот уже несколько лет я переписываюсь с одним учителем немецкого языка из Волгограда. Как мы были рады, когда встретились! Я даже не ожидала, что встреча будет такой радостной».

А вот другое письмо: «Я принадлежу к поколению, люди которого во время второй мировой войны были солдатами фашистской армии. Мы многое пережили, прежде чем пришли к выводу — необходимо сделать все возможное, чтобы немецкой нации не пришлось еще раз испытать такое.— Это строки из письма Ганса Хетша.— Дружба между СССР и ГДР стала прочным оплотом нашей политики, соединила многих людей наших стран. Вот об этом я и хочу рассказать». Далее Танс Хетш говорит о том, как он стал переписываться с переводчиком из Новосибирска и как потом поехал к нему в гости: «Визит к моему другу Алексею превратился в настоящее путешествие дружбы со множеством различных встреч. Я никогда не забуду гостеприимство и сердечность сибиряков XX века».

О том, как встречают советских гостей на земле ГДР, рассказывается во многих письмах. Одно из них озаглавлено «Наша дочь Люда». Его написал Герман Аусдервишен, рабочий нефтеперерабатывающего завода из Шведта:

«В наш город приезжал поезд дружбы из Советского Союза. Комсомольцы Украины должны были провести у нас 14 дней. Нужны были квартиры для них, и мы на семейном совете решили взять к себе двух комсомолок. К нам попали Людмила и Светлана. Они увлеченно знакомились с нашим молодым городом, побывали на нефтеперерабатывающем заводе, куда по нефтепроводу «Дружба» поступает советская нефть.

Эти девушки для нас с женой стали как дочери, а наши сыновья Гюнтер (10 лет) и Уве (9 лет) — их братьями. Расставались мы со слезами на глазах. На прощание мы обменялись подарками, передали сувениры их родным. С тех пор к нам приходят письма, и мы часто пишем в Винницу. Эта дружба с советскими людьми для нас самое дорогое, ничто не сможет ее омрачить».

Редакция журнала «Огонек» благодарит всех товарищей, которые нам написали. В этом номере мы смогли поместить лишь небольшую часть полученных из ГДР писем. Каждый день почтальон приносит все новые и новые. Самые интересные из них будут опубликованы в одном из ближайших номеров.

Надежный оплот

Интервью «Огонька» с министром национальной обороны ГДР генералом армии Гейнцем **ГОФМАНОМ**

Вопрос. В начале беседы разрешите обратиться к Вам не с вопросом, а с просьбой: поделитесь, пожалуйста, мыслями, возникающими у Вас как у министра обороны ГДР в связи с юбилеем республики.

Ответ. Прежде всего я испытываю чувство гордости за то, что совершил и чего добился рабочий класс ГДР под руководством Социалистической единой партии Германии в тесном союзе с крестьянством и другими слоями трудящихся за прошедшие два десятилетия. Страна, обремененная тяжким наследием гитлеровской войны, превратилась в цветущее социалистическое промышленное государство с современным сельским хозяйством — государство, входящее в десятку ведущих промышленных держав мира. Наука и техника, культура и искусство демократической, социалистической Германии также завоевали прочное место на международной арене и добились многочисленных выдающихся успехов.

Как министр обороны я, конечно, особенно горжусь тем, что рабочий класс ГДР не только сумел разработать политическую стратегию и тактику, превосходящие стратегию и тактику классового врага, и овладеть процессами руководства народным хозяйством, наукой и культурой. Рабочий класс ГДР сумел освоить и современное военное дело и превратить Национальную народную армию в мощную социалистическую армию, которую уважают ее социалистические братья по оружию и с которой приходится считаться империалистическому классовому врагу.

Мы знаем, конечно, что мы не добились бы всего этого, если бы рядом с нами не было верных и сильных друзей, если бы нам не помогали народы Советского Союза и его Вооруженные Силы и в особенности если бы они не помогали нам срывать все попытки империалистической агрессии.

Поэтому, думая о двадцатилетии ГДР, я испытываю не только чувство гордости, но и благодарности — благодарности славной Коммунистической партии Советского Союза и ее ленинскому Центральному Комитету, благодарности ведущей силе нашего государства и нашего общества — Социалистической единой партии Германии, во главе которой стоит товарищ Вальтер Ульбрихт, научивший нас рассматривать отношение к Советскому Союзу как важнейший пробный камень пролетарского интернационализма, беречь как зеницу ока союз с СССР и Советской Армией.

Благодаря этой принципиальной политике нашего Центрального Комитета трудовой народ ГДР сумел извлечь уроки из германской истории, построить в жестокой классовой борьбе первое германское миролюбивое государство, обеспечив ему авторитет и уважение народов Европы и мира, и в особенности дружбу и симпатии братских социалистических народов. На двадцатом году своего существования ГДР, связанная узами дружбы с Советским Союзом и другими государствами социалистического сообщества, представляет собой несокрушимый и непреодолимый вал против возродившегося в Западной Германии германского милитаризма, против реваншизма и неофашизма.

Вопрос. Как хранят и развивают в армии ГДР традиции борьбы немецкого рабочего класса против германского империализма?

Ответ. Очень интенсивно и весьма действенно. В настоящее время наши офицеры в рамках охватывающего несколько лет курса повышения своих знаний по общественно-политическим дисциплинам, а младшие командиры и солдаты в рамках политучебы изучают основные вопросы из восьмитомной истории немецкого рабочего движения, составленной под непосредственным руководством ЦК СЕПГ и его Первого секретаря. Военная академия, офицерские училища и многие из наших частей, боевых кораблей и катеров Народного военно-морского флота названы именами выдающихся вождей немецкого рабочего класса — Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Карла Либкнехта, Розы Люксембург и Эрнста Тельмана. Они носят имена немецких рабочих, погибших в революционных боях 1848—1849 и 1917—1923 годов, в Испании и в битвах второй мировой войны, убитых фашистами в концентрационных лагерях и тюрьмах или же сражавшихся в рядах Советской Армии и партизанского движения. Перед принятием присяги молодых солдат ведут в полковые комнаты революционных традиций, где их знакомят с жизнью и деятельностью этих выдающихся борцов против капитализма и фашизма.

Впечатляющим примером массовой эффективности развития наших традиций является движение «Красный броневик», нашедшее в прошлом году отклик во всей армии. Речь шла о новой форме социалистического соревнования. В ходе этого движения борьба солдат, младших командиров и офицеров за отличные результаты в боевой и политической подготовке теснейшим образом увязывалась с исследованием и изучением революционных боевых традиций германского рабочего класса, в особенности периода ноябрьской революции.

Символ этого соревнования — «Красный броневик» имеет свою историю. В марте 1920 года, когда монархическая реакция организовала путч, направленный против буржуазной Веймарской республики, и с помощью добровольческого корпуса и рейхсвера попыталась потопить в крови рабочий класс, лишить его пусть даже незначительных завоеваний ноябрьской революции, на борьбу с реакцией поднялись рабочие всех частей Германии, всех политических направлений — коммунисты, социал-демократы, независимые социалисты, христиане и беспартийные члены профсоюзов. Их акция превратилась в мощное выступление масс. Всеобщая забастовка против правительства Каппа — Лютвица во многих местах переросла в вооруженное восстание; в частности, в Рурской области и на территории нынешней ГДР имели место кровавые бои с контрреволюционными войсками. Рабочие Тюрингии в этих схватках использовали наряду с минометами и несколько бронемашин, захваченных на одном из военных заводов. С их помощью они овладели военным полигоном Ордруфф, а также городом Гота. По имени этих бронемашин движение получило название «Красный броневик».

Выступившие инициаторами соревнования солдаты расположенного в Готе танкового полка встречались со старыми членами партии, беседовали с ветеранами рабочего движения, участвовавшими в захвате и в последующем боевом применении бронемашин. Солдатские кружки по изучению революционных событий в гарнизонных населенных пунктах были созданы и в других частях. Широко охватило это движение военно-морские силы, которые в память о легендарной «дивизии Народного военно-морского флота», вооруженного ядра революции 1918—1919 годов в Берлине, носят имя Народного военно-морского флота. На встречах с солдатами, матросами, офицерами выступали члены и председатели матросских, рабочих и солдатских советов, созданных в ноябрьские дни 1918 года.

Таким образом, славные традиции рабочего немецкого класса действенно сочетаются с современной борьбой наших вооруженных сил за повышение боевой готовности.

Вопрос. Что Вы можете сказать о братском боевом содружестве армий Советского Союза и Германской Демократической Республики?

Ответ. Воспитанию пролетарского интернационализма мы придаем не меньшее значение, чем воспитанию революционного патриотизма. Об этом говорит хотя бы тот факт, что наши полки и казармы носят имена Зои Космодемьянской, Юлиана Мархлевского, Юлиуса Фучика. Трудящиеся ГДР рассматривают Советскую Армию не только как освободительницу от фашистского режима, но и как свою надежную защитницу от реваншистских планов западногерманских милитаристов, имеющих своей целью развязывание атомной войны.

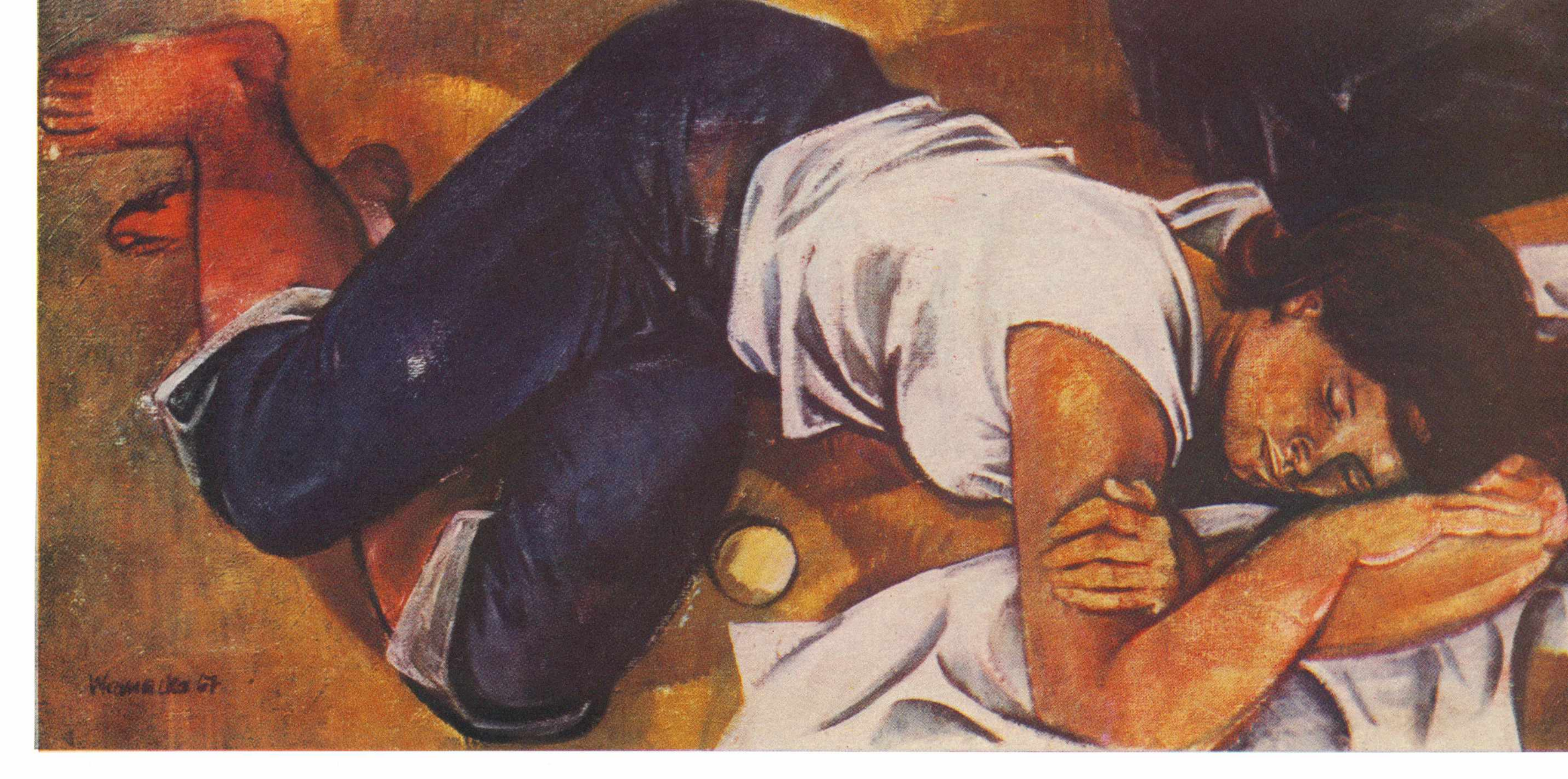
Солдаты, младшие командиры и офицеры Национальной народной армии знают, что всегда могут положиться на советских соратников, неоднократно доказавших, что они защищают суверенитет и завоевания ГДР с такой же решимостью, как и свои собственные. Наши солдаты стремятся ни в чем не отставать от советских братьев по классу и оружию.

Все наши части поддерживают шефские связи с соседними советскими подразделениями и часто организуют взаимные посещения, соревнования по боевой подготовке, спортивные состязания и совместные культурные мероприятия. В результате этого устанавливаются дружеские личные контакты не только между офицерами и штабами, но и между младшими командирами и солдатами наших союзных армий.

Наши солдаты очень высоко ценят боевое мастерство советских товарищей и стараются учиться у них; как друзья, они делятся также своим опытом и некоторыми приемами и секретами мастерства.

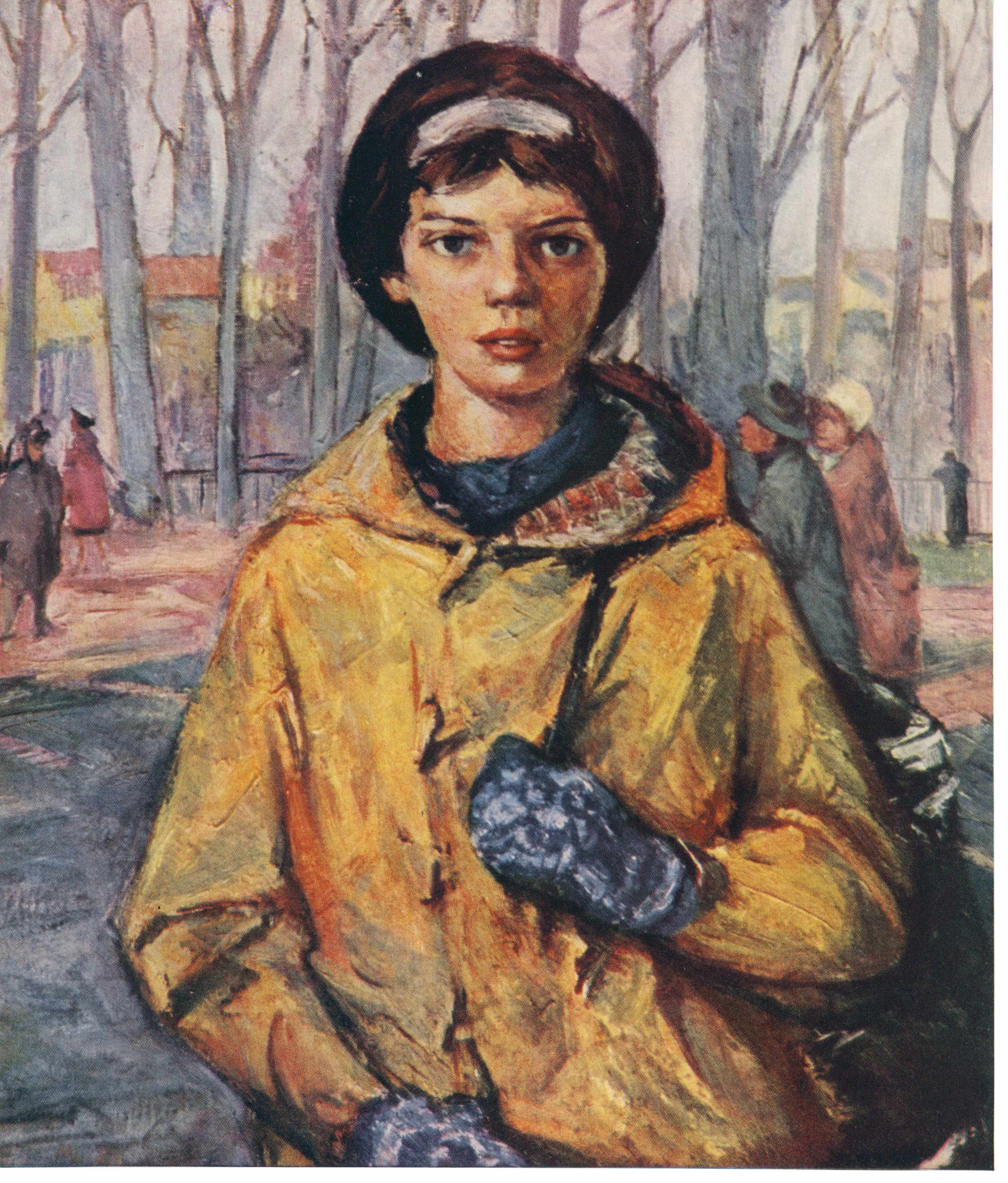
Многие из наших офицеров обучались в советских военных академиях, и почти каждый командир имел в прошлом возможность учиться у советских военных специалистов. Прочные и постоянные связи существуют между высшими штабами, отвечающими за подготовку войск.

Таким образом, братские связи между Национальной народной армией и Группой советских войск в Германии способствуют очень тесному взаимодействию расположенных на территории ГДР соединений Объединенных вооруженных сил Варшавского договора, представляющих собой сплоченную монолитную боевую силу — надежный оплот социалистического содружества.

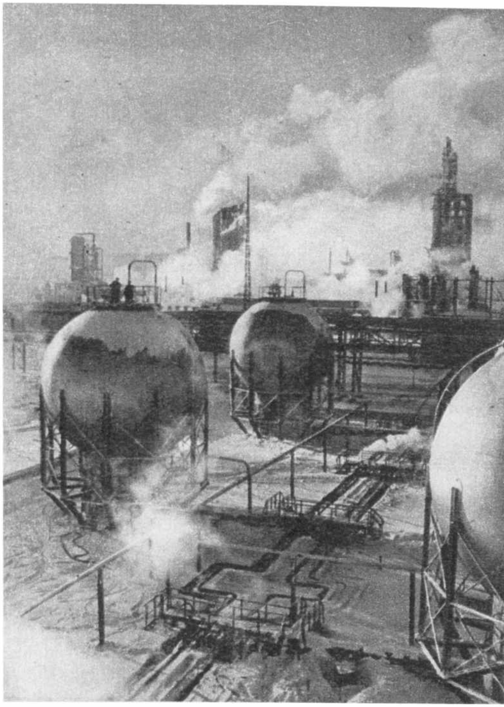

Вальтер Вомака (Берлин). СПЯЩАЯ ДЕВУШКА.

Вольфганг Маттейер (Лейпциг). БРАТСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Пауль Михаэлис (Дрезден). СТАРШЕКЛАССНИЦА.

Гордость Башкирии — Салаватский нефтехимический комбинат — выпускает более 80 видов важнейшей химической продукции.
Фото Б. Клипиницера (ТАСС)

ПЯТИЛЕТКУ — ДОСРОЧНО!

В прошлое воскресенье в печати было опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства страны в 1968 году. В колонках цифр — рассказ о трудовых победах советских людей.

Всенародное социалистическое соревнование за достойную встречу 100-летия со дня рождения В. И. Ленина еще выше подняло трудовую активность рабочих, крестьян и служащих. «Пятилетку — досрочно!» — вот боевой девиз этого соревнования.

Радостно читать сообщение статистиков: темпы роста народного хозяйства за три года пятилетки по важнейшим показателям опережали среднегодовые темпы пятилетки, предусмотренные Директивами XXIII съезда КПСС.

А теперь слово цифрам, всего нескольким цифрам из сообщения Центрального статистического управления.

В 1968 году:

27 ТЫСЯЧ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ к концу года работало по новой системе планирования и экономического стимулирования. Они произвели более 72 процентов всей промышленной продукции и дали более 80 процентов прибыли;

151 РУБЛЬ ПРОТИВ 140 РУБЛЕЙ В 1967 ГОДУ составила с добавлением выплат и льгот из общественных фондов потребления среднемесячная заработная плата рабочих и служащих;

ОКОЛО 3 ТЫСЯЧ ОБРАЗЦОВ новых машин, оборудования, аппаратов сконструировано и изготовлено в минувшем году;

4 МИЛЛИАРДА 214 МИЛЛИОНОВ ПУДОВ ЗЕРНА поступило в государственные ресурсы;

11 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК переселились в новые дома или улучшили свои жилищные условия:

НА 17 ПРОЦЕНТОВ по сравнению с 1967 годом возрос в целом объем работ бытового обслуживания населения;

СВЫШЕ 1,4 МИЛЛИОНА СПЕЦИАЛИСТОВ, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, направлено в народное хозяйство.

СУММА ПРОБЛЕМ НЕ МЕНЯЕТСЯ

Вадим НЕКРАСОВ

С шумом и помпой, как и полагается по традиции, на президентский пост США вступил Ричард Мильхауз Никсон, 37-й президент в истории этой крупнейшей капиталистической страны современности. Произошла, как любят выражаться в Америке, «смена караула». Сменился не только президент. В ходе выборов подтвердили или заново приобрели мандаты все члены палаты представителей, треть сенаторов, многие губернаторы штатов. В эти дни в Вашингтоне преобладающей темой разговоров в политических кругах являются не проблемы политического курса, а вопросы квартир, зарплаты, бытового устройства как тех, кто покидает насиженные насесты, так и теснящих их пришельцев.

Какое значение имеют все эти перемены? История многократно и в убедительной форме подтверждала правоту В. И. Ленина, писавшего по поводу американской партийной системы: «Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных *дуэлей* двух буржуазных партий». Действительно, и республиканская и демократическая партии так часто сменяли друг друга у руля власти в США без каких-либо существенных последствий для позиций монополистического капитала страны, для его прибылей, для общего направления политики, служащей интересам империализма, что на этот счет не оставалось иллюзий даже у многих американских избирателей, далеких от какого бы то ни было понимания марксизма.

За последние 36 лет, начиная с 1932 года, Соединенными Штатами в течение 28 лет правила демократическая партия и только 8 лет (период эйзенхауэровской администрации) — республиканская. Столь длительное пребывание демократов у кормила власти оставило свой отпечаток на политическом курсе страны. Волей-неволей руководители американского государственного корабля чувствовали себя ответственными за курс, проводившийся их предшественниками, включая груз ошибок и заблуждений прошлого.

Новая администрация, говорят сейчас в США, имеет возможность начать на чистом месте. Ее не связывают обязательства, принятые предыдущей администрацией. Внимание наблюдателей в Америке поразил состав нового правительства, объявленного Никсоном. Помнится, в дни непосредственно после выборов немало обозревателей в США предсказывали, что Никсон вернет в правительство деятелей периода президентства Эйзенхауэра. Все подобные предсказания оказались лжепророчествами. И сегодня в Вашингтоне многие спрашивают: какой курс будет проводить новый государственный секретарь Роджерс — человек, до сих пор почти не имевший отношения ко внешней политике? Что представляет собой новый министр обороны Лейрд? И так далее.

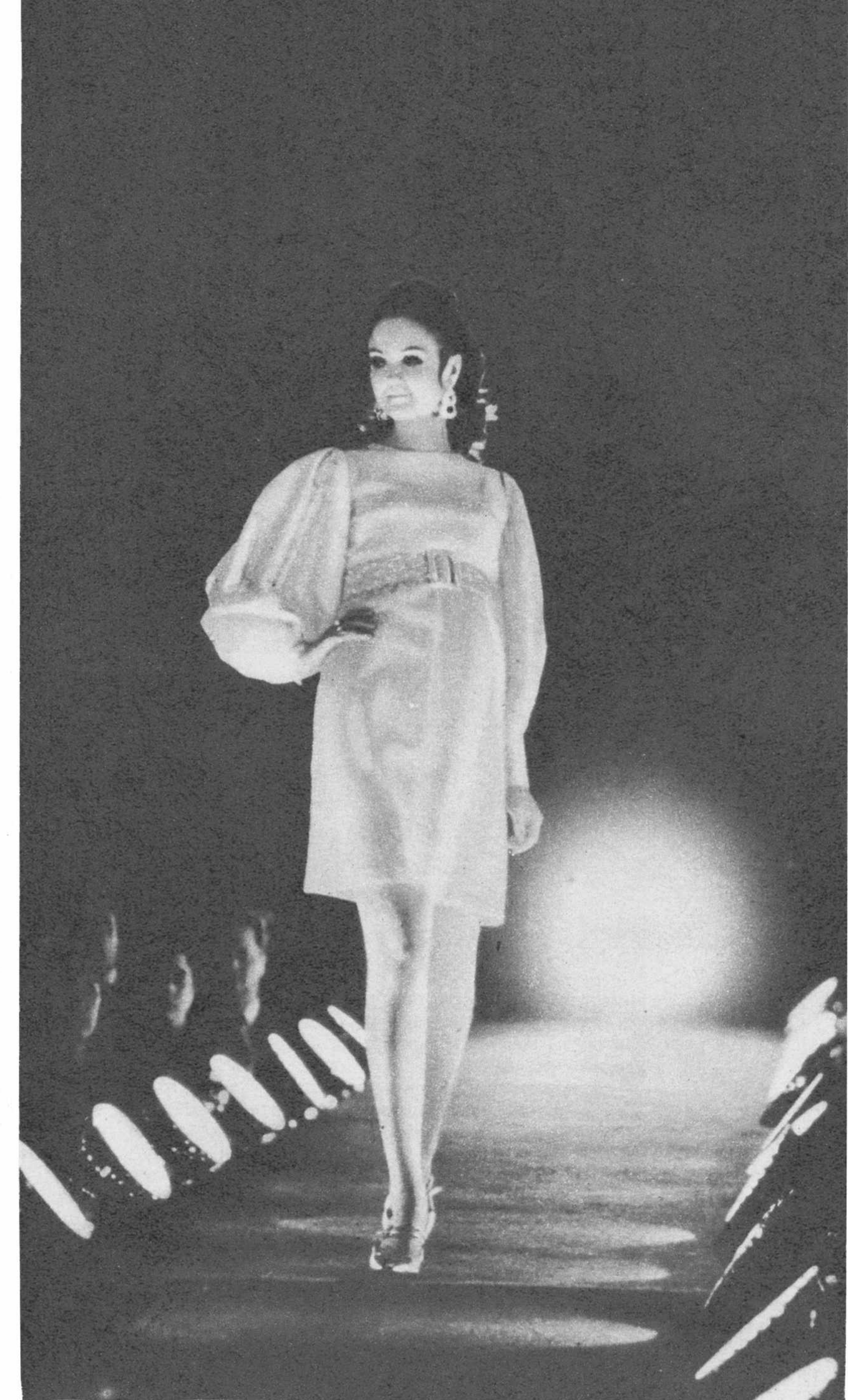
Но в конце концов дело не в личностях. Как известно, от перемены мест президентов сумма политических проблем, стоящих перед США, не меняется. А проблемы эти сложны и усложняются с каждым днем. Острейшим продолжает оставаться вопрос о прекращении войны во Вьетнаме и политическом решении вьетнамской проблемы на основе уважения основных национальных прав вьетнамского народа. От новой администрации ожидают, как она отнесется к такому коренному вопросу современного международного положения, как прекращение гонки вооружений и разоружение. Во внутриполитическом плане по-прежнему важнейшее значение будет иметь политика в отношении комплекса расовых проблем, раздирающих американское общество и именуемых в США «негритянской революцией». С ними рядом идут проблемы нищеты и обездоленности значительных слоев американских трудящихся, роста преступности и других социальных язв, составляющих неотъемлемую черту так называемого американского образа жизни.

Для того, кто имел возможность, находясь на американской земле, вплотную наблюдать за ходом избирательной кампании, не могло остаться незаметным безразличное отношение все возрастающего числа американцев к «избирательной дуэли». «Мы не ждем больших перемен», — говорили эти американцы. А страницы газет пестрели тревожными определениями: «кризис доверия к политической системе», «неразрешимые конфликты», «крушение американских ценностей». И, как бы подводя финишную черту, патриарх американской буржуазной публицистики Липпман писал: «Определяющим фактом американской жизни сегодня являются стоящие перед нами проблемы, которые не могут быть разрешены в течение предстоящего новому президенту четырехлетия, если вообще им есть какое-то решение».

Такова американская действительность наших дней, действительность все углубляющегося общего кризиса американского империализма, с которой придется иметь дело 37-му президенту Соединенных Штатов.

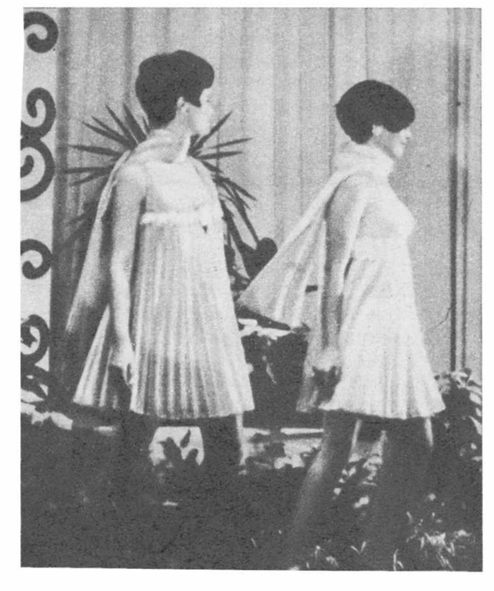
Моды

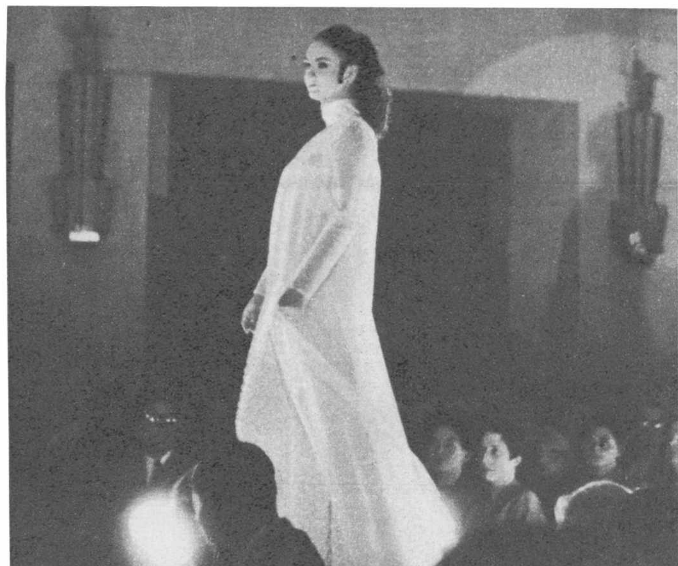

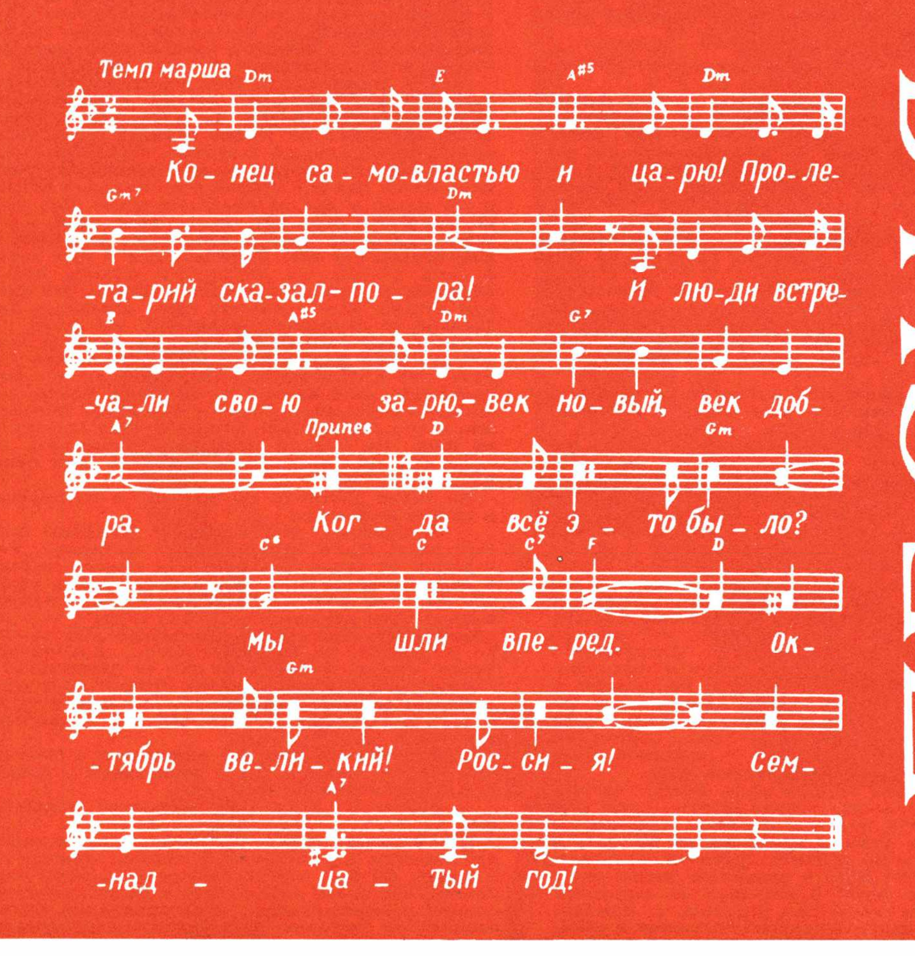

Эти великолепные наряды, в которых национальный колорит удивительно гармонично сочетается с требованиями самого современного вкуса, были показаны модельерами Советского Союза и Германской Демократической Республики в Дрездене.

Только победителя в этом дружеском споре нам так и не удалось определить...

ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Текст Петера ХАКСА.

Музыка Ральфа КУУЛЯ.

Конец самовластью и царю!
Пролетарий сказал — пора!
И люди встречали свою зарю —
Век новый, век добра.

Припев:

Когда все это было!
Мы шли вперед.
Октябрь великий! Россия!
Семнадцатый год!

Опять пролетарий стал к станку
И оружье сменил на труд;
Еще нанесем мы удар врагу —
Пути к цехам ведут.

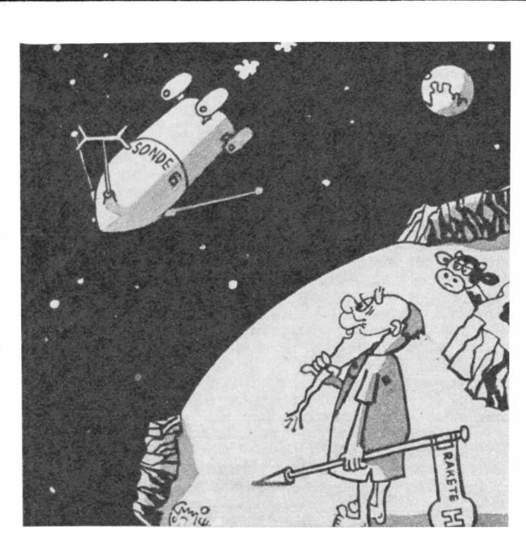
Припев.

Дошел до далеких самых мест —
И крестьянин прочел декрет,
И тот, кто не жнет, тот и хлеб не ест —
Других законов нет!

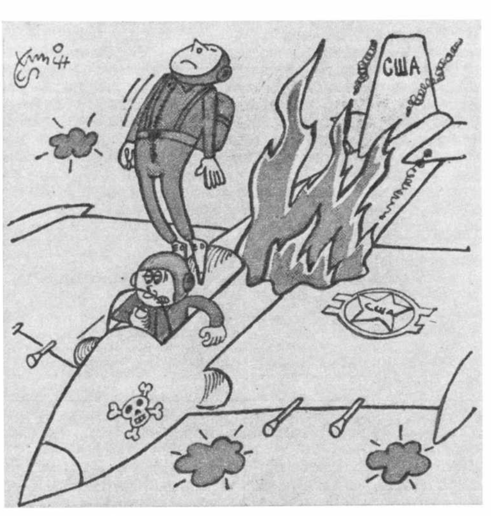
Припев.

И кто эту песню вам поет,—
Тот и счастье построил вам;
И в мире он светлом теперь живет
На радость всем друзьям.

Припев.

— Бог ты мой, да это же почти настоящее регулярное движение... Может, заранее оборудовать остановку?

— Докладываю: майор Миллер и лейтенант Киллер выбывают в направлении отеля «Хилтон» в Ханое!

Штраус:
— Ложечку на социальные расходы, ложечку на образование, ложечку на социальные расходы, ложечку на образование, ложечку на здравоохранение...

— Если вы случайно потерпите аварию, пусть это вас не волнует. Кроме восьмидесяти восьми самолетов «Фантом», у нас будет еще и пятьдесят «Старфайтеров» — Бонн уже дал на них деньги.

Рисунки Эриха Шмитта из газеты «Берлинер Цайтунг».

РЫЦАРИ ШОССЕ

Хороши дороги в Германской Демократической Республике. И ездят по ним удивительные люди, настоящие рыцари шоссе — немецкие шоферы. Любой из них всегда готов помочь товарищу, ежели у него в пути машина вышла из строя,— подсобить, наладить мотор, поделиться бензином, а нужно — так и на буксир взять...

Двух шоферов, которых вы видите на этом снимке, зовут Иоахим Вурхе и Вернер Гросс. Именно они сидели за баранками «Волг», мчавших нас, бригаду «Огонька», по дорогам и автобанам ГДР. А потому в этом номере есть доля и их труда.

Патрик **КВЕНТИН** Повесть Рисунки П. **КАРАЧЕНЦОВА.**

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я бросил трубку и бессмысленно уставился на нее. В первое мгновение мне показалось, что все вокруг рушится, и от страха по спине у меня пробежал холодок. Джейми убит! В тот момент меня совершенно не интересовало, кто и почему его убил. Я мог думать только о том, что полицейские прежде всего начнут допрашивать Анжелину. Ей придется подробно рассказать, где она проводила время и что делала. Потом полицейские доберутся до меня и Элин. Элин обязательно сообщит им о моем объятии, и все, что произошло вчера ночью между мной и Анжеликой, перестанет быть простым, хотя и неприятным инцидентом, который я надеялся как-то урегулировать с Бетси. Теперь обо всем узнают газеты, раздуют этот факт и напечатают под огромными заголовками. Прочитав материалы, Ч. Д., помешанный на соблюдении фамильной чести, через пять минут выгонит меня с работы.

И все же, несмотря на острую тревогу о своей собственной судьбе, мои мысли были поглощены Бетси. Это погубит ее. Как бы ни пытался я объяснить правду, мне не удастся оградить Бетси от того, что станут думать о ней люди. В конце концов эта история выльется в банальный и пошлый скандал, который отразится на ней значительно тяжелее, чем это было бы до встречи со мной. Во всяком случае, она снова будет мучиться при мысли, что она Дурнушка, которую ненавидит сестра и терпеть не может родной отец и которой не остается ничего другого, как заниматься благотворительностью. Но это не все. Она будет считать себя всеобщим посмешищем, женой, не сумевшей удержать при себе мужа, богатой старой девой, на которой из-за денег женился авантюрист, неведомо откуда появившийся и при первой возможности обманувший ее со своей бывшей — пустой и никчемной — женушкой.

Я представил себе Бетси за чтением газеты. Возможно, это случится сегодня же, в Филадельфии. Вероятно, с ней будет Елена Рид. Мне уже слышалось ее восклицание: «Милая моя, как это ужасно!» Я мысленно видел, как Бетси вся сжимается от боли, и подумал, что теперь, встречаясь с друзьями, знакомыми да и незнакомыми людьми, она всякий раз будет чувствовать себя очень неловко.

Я начал одеваться, пытаясь успокоиться и взять себя в руки. Все дело в Элин. Если бы она не видела, как я обнимал Анжелину, можно было бы что-нибудь придумать и как-то объяснить, почему мы оказались вдвоем. А что, если обратиться к Элин с просьбой — не ради себя, а ради Бетси? Ведь она всегда считалась с женой. Но, вспомнив сцену, разыгравшуюся несколько минут назад в детской, нескрываемую враждебность Элин, ее официально холодный тон, я тут же отказался от этого плана. К тому же разговор с Ч. Д. казался мне более важным, чем дипломатические заигрывания с Элин. «Что ты делал вчера вечером?» Конечно, правильнее всего сначала выяснить, знает ли он что-нибудь. Я оделся, выбежал на улицу и, прежде чем подозвать такси, купил газету. Уже в машине я начал быстро просматривать страницу за страницей.

Вначале я прочитал сообщение о речи Ч. Д. на каком-то банкете, потом обнаружил заметку, в которой лаконично сообщалось, что некий Джеймс Лэмб, двадцати пяти лет, писатель, найден мертвым в своей квартире на Восточной 20-й улице. Время смерти не указывалось. Я тупо смотрел на заметку, представил себе мертвого Джейми и вдруг похолодел от мысли, внезапно мелькнувшей у меня в голове. А что, если Лэмба убила Анжелика? Разве это не означало бы вполне логического конца их мерзкой связи, обязательными элементами которой были избиения и буйства? Убила, а потом под лживым предлогом пришла ко мне, побуждаемая порочным стремлением сеять зло и гибель, пришла, чтобы впутать меня в свои дела, утопить вместе с собой. Возможно, полиция уже знает о нашей встрече в ночь убийства. Возможно, знает об этом и Ч. Д.: у него большие связи в высших кругах, он может узнать все, что захочет.

Такси остановилось перед домом на Парк-авеню, где находилась квартира Ч. Д., и я вышел из машины с чувством обреченного на казнь. Я миновал роскошный холл, лифт поднял меня на верхний этаж. Дверь мне открыл ревматичный, явно чем-то встревоженный старик Генри; вместе с женой он постоянно жил в этой квартире Ч. Д.

— Мистер Гардинг, сэр!

— Биль? Это ты, Биль?—послышался из библиотеки голос Ч. Д.

Я прошел по коридору мимо картин Дюфэ, развешанных здесь, в постоянном полумраке, только ради того, чтобы показать, как богат Ч. Д. и сколько денег он может выбросить на ветер. Дверь в библиотеку была открыта.

Ч. Д. и в лучшие-то дни наводил на меня страх. Сейчас же, когда я увидел его — низенького, толстого — среди всей этой мебели, обитой красной кожей, на фоне стеллажей, сверху донизу уставленных книгами, которых он никогда не читал, старик показался мне (у страха глаза велики!) живым воплощением возмездия. Я приехал со смутными догадками о том, что скажет мне Ч. Д., но твердо знал одно: это будет нечто самое худшее. Он быстро пошел мне навстречу, и я приготовился встретить свой конец.

— Биль! Мальчик мой! Слава богу, ты здесь! Дорога каждая минута. Мне звонили из полиции, вот-вот оттуда должны приехать.

Он взял меня за руки, хотя обычно, из-за какого-то странного суеверия, избегал до когонибудь дотрагиваться. И это почти заискивающее восклицание—«Биль! Мальчик мой!»—и это прикосновение пробудили у меня неясную надежду, что еще не все потеряно. Несколько успокоенный, я смелее посмотрел на Ч. Д. Он выглядел утомленным и подавленным и казался более старым, чем когда-либо раньше. И все же его жабьи глаза ярко блестели и выражали непреклонную решимость. Я слишком хорошо его изучил и, хотя еще не знал, что именно произошло, мог с уверенностью сказать, что он получил ошеломляющий удар и разыгрывает роль великого полководца, попавшего в безвыходное положение, но не признающего себя побежденным. В эту минуту он забыл свое неприязненное отношение ко мне. Сейчас он видел во мне только орудие, с помощью которого готовился нанести ответный удар.

— Внимательно слушай меня, Биль,— заговорил Ч. Д.— Я изложу только факты — для всего остального у нас нет времени. Сегодня, в семь тридцать утра, я вернулся из Бостона и прочитал в газетах о Лэмбе. Дэфни я не застал, она не ночевала дома и заявилась лишь через полчаса после меня. Я заставил ее выложить мне все. Часть ночи она провела с Лэмбом, а потом была одна. Никакого отношения к убийству она не имеет. Поверь мне — никакого!

Удивительно, почему я сразу не догадался, что лишь тревога за Дэфни могла так сильно подействовать на него. Но как раз о Дэфни я и не подумал, целиком поглощенный мыслями о себе и Анжелике.

— Бедняжка! — продолжал Ч. Д.— Бедненькая маленькая обманутая дурочка! Когда она мне рассказала, что произошло... когда я узнал от нее, какую вопиющую безответственность проявили вы с Бетси...— Он внезапно пришел в ярость, но так же внезапно взял себя в руки. Позднее, в более подходящее время, он, конечно, устроит нам дикий скандал. Ч. Д. умел управлять своим настроением, словно машиной. Сейчас было не время разыгрывать благородное негодование, сейчас надо было действовать.

Ч. Д. нетерпеливо и чуть ли не умоляюще посмотрел на меня.

— Так вот, Биль, мы не должны говорить полицейским, где была и что делала Дэфни прошлой ночью. Ни в коем случае! Ни в коем! В этом главное, и тогда все обойдется.

Ч. Д. даже улыбнулся. Его вялая, натянутая улыбка должна была продемонстрировать, как мы «близки».

— Все очень просто. Только не надо терять головы. Полиция знает, что Дэфни поддерживала с Лэмбом близкое знакомство: однажды они поссорились и привлекли внимание соседей. Именно соседи и сообщили о Дэфни полиции. Но о вчерашней ночи полицейские ничего не знают. Мне удалось это выяснить во время телефонного разговора. Полицейский допрос, или, скорее, беседа, будет носить чисто формальный характер, все сведется к выяснению фактической стороны дела.

Не сводя с меня взгляда, он взял со стола какой-то журнал и свернул его трубкой наподобие дубинки.

— Я сразу сообразил, каким путем мы сможем легко решить проблему. Как только ты сказал, что вчера вечером был один, я понял, что нашел выход из положения. Я уже проинструктировал Дэфни и соответствующим образом проинформировал газетчиков. Видишь ли, сразу же после моего разговора с тобой мне позвонили из редакции «Ньюса», и я воспользовался предоставившейся возможностью. Важно упредить противную сторону и первым изложить свое мнение.

Ч. Д. постучал свернутым журналом по моей руке. Восхищаясь собственным планом, он вместе с тем не мог скрыть восхищения самим собой, убежденный, что его никто и ничто не может сокрушить. Глядя на него, я испытывал величайшее отвращение.

— Для первого раза твое объяснение должно быть очень простым, детали мы уточним позже. Так вот. Вчера вечером Дэфни была здесь одна. Она не любит оставаться на ночь одна в этой большой квартире, когда тут никого нет, кроме обслуживающего персонала. Квартира Бетси для нее второй дом. Никаких встреч в тот вечер у нее не предполагалось. Она знала, что Бетси дома нет, что ты тоже один, и потому позвонила тебе и попросила разрешения переночевать у вас. Приехала она к вам часов в семь вечера, вы поужинали вдвоем, потом слушали пластинки и играли в карты. Это важная деталь. Что-то должно было заставить вас засидеться допоздна, поскольку мы пока не знаем время смерти Лэмба и не должны подвергать себя риску, позволив полицейским думать, что Дэфни могла тихонько уйти из дому уже после того, как вы легли спать. Твердо запомни: вы разошлись около половины третьего или в три. Ни в какие детали сейчас вдаваться не надо. На первом допросе полицейские не станут на них настаивать, я сам об этом позабочусь.

Он снова постучал по моей руке свернутым в трубку журналом.

— Понимаешь, мой мальчик? Никаких слабых мест! Ваша кухарка была выходная. Это я узнал от своей кухарки, они вместе ходили в кино. Остается Элин. Она и приготовила ужин для вас. Нам и тут повезло: Элин—милая и здравомыслящая девушка, и ты без труда с ней договоришься. Заплати ей что-нибудь. Дай сколько угодно, но не больше тысячи... А впрочем, можно сунуть и больше — для ее племянниц в Англии, она без конца о них трещит. Она обязательно должна подтвердить, что Дэфни была у вас. Элин очень важный для нас свидетель. Все будет зависеть от...

Ч. Д. замолчал, заметив входящего в библиотеку Генри. Старый слуга потоптался у двери, потом торжественно объявил:

— Лейтенант Трэнт из уголовной полиции, сэр!

В библиотеку вошел высокий, довольно молодой человек с объемистым желтым конвертом в руках. Он был как-то по-своему, в меру элегантен, что вовсе не вязалось с моим представлением о полицейских. Его неторопливая, почти бесшумная походка действовала успокаивающе, но мне-то все в лейтенанте показалось невероятно зловещим.

И не только в лейтенанте. И сам Ч. Д., и огромная комната, заставленная мебелью, обитой кожей, и бесчисленные книги, и драпировки каких-то мрачных цветов — все казалось зловещим и ненастоящим, словно в кошмаре. Да и мое собственное незавидное положение я подчас принимал за дурной сон. Но увы, все происходило на самом деле и началось с той минуты, когда я солгал в разговоре по телефону. Я сказал, что был один, и Ч. Д. немедленно ухватился за это, решив, что открывается идеальная возможность оградить Дэфни от последствий ее опрометчивых и глупых поступков. Он рассматривал меня всего лишь как доказательство ее алиби. Я спасал его любимую дочку, он видел во мне инструмент, с помощью которого надеялся избавить ее от всех неприятностей, и это сразу превратило меня в его фаворита. Стоит мне сказать полиции правду, и я не только скомпрометирую Дэфни, но и разоблачу себя перед Ч. Д. как человек, обманывающий свою жену да к тому же лишивший его возможности спасти любимую дочь.

Ну, а если я соглашусь на сделку и поступлю, как предлагает Ч. Д...

«Элин—милая и здравомыслящая девушка, и ты без труда с ней договоришься... Элин очень важный для нас свидетель...»

Я представил себе лицо Элин, потом лицо Анжелики и Бетси. Мне показалось, что они окружают меня, бросают мне вызов, но особенно отчетливо рисовались мне картины собственной неизбежной гибели. Все, что я делал после вчерашнего вечера, казалось мне правильным, я надеялся, что сумею оградить себя и Бетси от серьезных осложнений в нашей совместной жизни, а теперь выяснилось, что каждый предпринятый мною шаг заводил меня все глубже и глубже в пропасть.

Если бы только я располагал временем! Если бы этот спокойный и зловещий молодой человек вошел сюда три, четыре, пять минут спу-

стя! Тогда я успел бы все объяснить Ч. Д., и тогда, возможно, мне удалось бы спасти хоть что-нибудь. Но получилось иначе.

«Соответствующим образом проинформировал газетчиков...»

Ч. Д. поспешил навстречу детективу, мгновенно напялив на себя маску снисходительности и деловитости, без конца улыбаясь и усиленно играя роль сознательного богатого американца, изо всех сил желающего помочь закону.

Я же хотел только одного: куда-нибудь бежать, потому что в своем состоянии не видел иного выхода. Подобно перепуганному ребенку, мне хотелось выскочить из этой огромной комнаты, пробежать по коридору и забиться в какой-нибудь угол.

В отчаянии я уже начал придумывать подходящий предлог, когда Ч. Д., держа детектива за руку, повернулся ко мне и сказал:

— Знакомься, Биль. Лейтенант Трэнт — мой зять Биль Гардинг.

Взгляд молодого человека — спокойный, умный, приветливый и абсолютно не выдававший осведомленности его обладателя — на мгновение остановился на моем лице, потом лейтенант протянул мне руку.

— Я полагаю, лейтенант, вы хотели бы встретиться с моей дочерью? — спросил Ч. Д.

— Да, если она сможет уделить мне несколько минут.

ЕНИЮ...

— Все мы обязаны уделять нашей полиции столько времени, сколько потребуется.— Ч. Д. игриво рассмеялся. Все это время он не сводил с моего лица блестящих жабьих глаз.— Биль, найди ее. Да, да, мой мальчик! Она где-то здесь, скорее всего в своей комнате.

Я прекрасно понимал, что хотел сказать он своим взглядом: вот подходящий момент. Воспользуйся им. Прорепетируйте с ней все так, чтобы ни один из вас ни на йоту не отступил от выработанной версии. Сейчас или никогда.

Я понимал, что стою перед окончательным решением. Трэнт отвернулся и с вежливым интересом рассматривал одну из картин Бракэ. Ч. Д. не сводил с меня гипнотизирующего взгляда.

Если Лэмба убила Анжелика, подумал я, для меня все кончено, ибо каждый ее шаг в тот вечер станет известным. Да, обо всем, что произошло в моей квартире, узнает вся страна, утаить ничего не удастся. Но если Анжелика не убивала Джейми, полиция будет рассматривать ее как одно из подозреваемых лиц, как одну из приятельниц Лэмба, и тогда...

— Биль,— снова заговорил Ч. Д.,— Биль, мой мальчик, мы же не станем отнимать у лейтенанта время, верно?

— Да, да, конечно,— согласился я.— Извините, сейчас я ее позову.

Я поспешно вышел из библиотеки. Теперь уже поздно было раздумывать. К лучшему или к худшему, но я связал себя по рукам и ногам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я поспешно шел по коридору. В огромной гостиной дворецкий вытирал пыль с абстракционистской картины Бранкузи. Я понимал, что надо придумать какой-то выход из этого хаоса, но ни одной мысли не приходило мне в голову, известие об убийстве Джейми перевернуло всю нашу жизнь, парализовало мою волю. Убили корыстолюбивого неврастеника, полное ничтожество. Я не имел никакого отношения к случившемуся, просто оказался слабым человечком, пытавшимся в минуту вожделения изменить со своей бывшей женой и тем самым допустившим тривиальную и постыдную ошибку. Однако из-за убийства Джейми ошибка разрослась до ужасающих размеров.

Дэфни сидела в своей комнате на кровати. Я думал, что застану ее в состоянии, близком к паническому, а она спокойно занималась маникюром, покрывая ногти невероятно красным лаком. Дэфни повернулась ко мне, взмахнув своей рыжей гривой.

— Привет, Биль! Тебе нравится этот новый цвет?

Ее развязность и невозмутимость привели меня в бешенство.

— Ты убила его?

— Ну, знаешь! Это уж слишком. Я бы и кузнечика не смогла прихлопнуть.

— Полицейский уже здесь.

— Да?

— Что ты делала вчера ночью?

— Долго рассказывать. Боюсь, я вела себя чересчур опрометчиво. Расскажу как-нибудь потом. Ну, а сейчас нам, видимо, нужно предстать перед лицом Закона?

Дэфни встала и помахала руками, чтобы быстрее подсыхал лак.

— Папа объяснил тебе, что надо говорить?

— Да.

Дэфни вздохнула.

— А как он взбесился! Когда отец показал мне заметку о Джейми, я, должно быть, потеряла самообладание и рассказала ему все. Ну, конечно, не все, кое-что из деликатности пришлось сократить. Ох, и рассвирепел же он! Как и водится, особенно на тебя и Бетси. Как это вы позволили мне, бедняжке, попасть в лапы негодяя... Нет, в самом деле, как этот бедный глупенький мальчишка ухитрился оказаться убитым? Совсем, совсем нехорошо... Подумать только, что я... А впрочем, не будем вдаваться в детали. Бетси знает?

— Не имею представления.

— Раскудахчется, когда узнает! Ну и штучка же я! Чего только со мной не приключается! — Дэфни положила свою руку на мою и горестно улыбнулась.— Следовательно, я позвонила тебе около семи, а потом приехала сама. Элин подала нам ужин. Мы слушали пластинки и играли в карты, после чего часа в три ночи отправились спать. Какую музыку мы слушали? Тебя устроит Бах? Музыка обязательно должна быть

целомудренной, чтобы у них не появилось никаких скабрезных мыслишек. А что мы ели за ужином? Придумывать, пожалуй, не надо, вдруг полицейским придет в голову заглянуть в холодильник и проверить остатки еды! Так что, говоришь, мы ели, мой милый?

— Жареную курицу.

— Под хлебным соусом? Элин же — паршивая англичанка.

— Да, под хлебным.

— Брр... Что-то не очень вдохновляет.

Дэфни потащила меня к двери. Я совершенно не понимал ее, словно она явилась с другой планеты, однако то, что она не испытывала ни малейших угрызений совести, успокоительно подействовало и на меня. Если мы намеревались до конца придерживаться своей версии, то следовало признать, что Дэфни обещала идеально сыграть свою роль.

Ч. Д. и лейтенант Трэнт сидели в библиотеке на кушетке, обитой красной кожей. Ч. Д. прямо-таки млел от дружелюбия, и все же они удивительно не соответствовали друг другу: знаменитость и бедный молодой родственник, случайно оказавшиеся рядом на какой-то вечеринке. Лейтенант вскочил. Когда Ч. Д. представлял его Дэфни, лицо лейтенанта выразило такую почтительность, что было бы просто грехом заподозрить, будто он знает какие-то компрометирующие Дэфни, меня и Анжелику факты. Во мне шевельнулась смутная надежда.

Я не узнавал в Дэфни девушки, с которой только что разговаривал в ее комнате. Она держалась так, как и полагалось в создавшемся положении: не очень спокойно, но и не слишком нервничая, несколько сдержанно и неловко, и пыталась казаться милой. Не напрасно всю свою жизнь она играла перед Ч. Д. определенную роль; она так вжилась в нее, что уже не могла вести себя иначе.

Дэфни пересекла комнату, уселась на стул, старательно оправила юбку на коленях и улыбнулась Ч. Д. Он ответил ей тем же. Никак и ничем они не выдавали, что между ними существует сговор. Папочка и поросеночек Кэллингхемы, милостиво позволившие посторонним взглянуть на их семейную идиллию.

Лейтенант Трэнт нерешительно, почти робко сел на ручку кресла. Я всегда думал, что детективы неразлучны с блокнотом и карандашом и в таких вот случаях немедленно начинают записывать. Трэнт не имел ни того, ни другого, он просто сидел и смотрел — даже не на Дэфни, а на свои скрещенные ноги.

— Вы понимаете, мисс Кэллингхем, я лишь выполняю обычную формальность. Догадываюсь, вам неприятно, но такая уж у меня работа — докучать людям.— Он извиняюще улыбнулся.— Так вот, вы ведь знали Джеймса Лэмба?

— Конечно. Последнее время мы встречались, и довольно часто.— Дэфни взглянула на меня.— Он и Биль были большими друзьями.

— Недели две назад Дэфни привозила его в Ойстер-бей,— сказал Ч. Д., наклоняясь вперед и как бы свидетельствуя, что знакомство носило вполне приличный характер.— Мне он показался очень милым, вполне воспитанным молодым человеком. Он произвел прекрасное впечатление.

— Да, да,— подтвердила Дэфни.— От него все были без ума. Бетси и Биль дали обед в его честь. И Бетси, и Фаулеры, и другие просто носились с ним.

Лейтенант Трэнт внимательно рассматривал свое колено, словно оно чем-то интриговало и озадачивало его.

— Кажется, несколько недель назад в его квартире произошел инцидент, мисс Кэллингхем,— все так же почтительно осведомился он.— Не знаю всех подробностей, но, видимо, между вами и мистером Лэмбом возникли какие-то осложнения. Мне об этом сообщило семейство Браунов, проживающее по соседству. Однажды вечером вы, насколько мне известно, выбежали из квартиры мистера Лэмба и выглядели, так сказать, расстроенной. Брауны как раз поднимались по лестнице к себе. Вы назвали себя, и они помогли вам найти такси.

Я, разумеется, знал, о каком «инциденте» он говорил. В тщательно приглаженном описании Трэнта он ничем не напомнил тот дикий скандал, в результате которого пьяная Дэфни с распухшим лицом и в состоянии истерики едва добралась до нашей квартиры. Я взглянул на нее.

— Ах, это! — Она позволила себе чуть хихикнуть.— Все вышло так нелепо, так нелепо! В тот вечер Джейми перебрал шампанского и... и пытался ко мне приставать.— Она снова повернулась к Ч. Д. и улыбнулась.— Я поняла, что надо уносить ноги.

— Да? — Трэнт помолчал.— Труп Лэмба обнаружили Брауны. В этом здании все нижние этажи заняты различными фирмами, так что, кроме Браунов, там никто не проживает. Вчера супруги засиделись в гостях и вернулись домой что-то около четырех. Проходя мимо двери квартиры Лэмба, они увидели кровь, сломали дверь и нашли его почти у порога, около радиатора отопления. Он был убит тремя выстрелами.

— Брр! — воскликнула Дэфни.

Лейтенант Трэнт, кажется, наконец-то удовлетворил свой интерес к собственному колену и оторвал от него взгляд. Теперь он рассматривал нас, и на его лице можно было прочесть наивное убеждение, что столь мрачную историю он рассказал в достаточно деликатных и никого не шокирующих выражениях. Я же видел в его взгляде не только наивность, но и почти подобострастную робость и неуверенность в себе. Внезапно мне показалось, что как детектив он ничего собой не представляет и выглядел зловещим только из-за сочетания обстоятельств, которые привели его сюда. Зеленый новичок с забавными манерами. Его прислали в спешке, и теперь он изо всех сил пыжится произвести впечатление на знаменитых и богатых Кэллингхемов, чтобы потом хвастаться среди своих дружков.

Я все еще испытывал панический страх за свое будущее, опасался Ч. Д., но лейтенанта Трэнта уже не боялся. Удивительно, как успокаивающе подействовало на меня это открытие. Понимая, что рано или поздно мне придется выяснить это, я спросил:

— В какое время был убит Лэмб?

— По заявлению врача, между половиной второго и половиной третьего, мистер Гардинг.

Следовательно, Анжелика не могла быть убийцей, ибо ушла от меня значительно позже двух. Для полиции она просто одна из тех, кто был связан с Джейми и кого необходимо допросить. Я почувствовал невероятное облегчение. Ко мне снова вернулась способность размышлять и действовать.

Конечно, Анжелике придется как-то доказывать свое алиби, но зачем впутывать меня? Когда мы жили в Портофино, она знала и Поля и Проп. Вчера вечером Фаулеры никуда не уходили из дому. Почему бы Анжелике не сказать, что она провела время с ними? Я все ей объясню, и вряд ли она отвергнет мое предложение. Поль охотно меня поддержит, в чем я ни минуты не сомневался. Дружелюбный, веселый циник, Поль только посмеется над моими затруднениями. К тому же он хорошо знал Бетси и поймет, как важно, чтобы она не узнала правду.

Оставалась Элин. Но коль скоро в дело вмешался Ч. Д., вряд ли она представляла опасность — ведь она буквально благоговела перед ним. Если бы мне удалось уговорить Ч. Д. заняться ею, он сумел бы —лестью или деньгами — заставить ее подтвердить алиби Дэфни, а следовательно, промолчать и об Анжелике.

Лейтенант Трэнт, казавшийся мне теперь безобидным и робким, как мальчишка-рассыльный, смотрел на Дэфни.

— Мисс Кэллингхем, еще раз хочу напомнить, что это всего лишь неизбежная формальность. Понимаете, мы обязаны переговорить со всеми, кто знал мистера Лэмба...

— Вы хотите узнать, что я делала вчера ночью?— бодро заговорила Дэфни.— Пожалуйста. Ничего особенного. Ночь я провела на квартире Биля. Папочка уехал в Бостон, а я не могу ночевать здесь одна. Когда папы нет дома, я уезжаю к Билю, так уж у нас заведено. Вчера вечером Бетси — моя сестра и жена Биля — находилась в Филадельфии, а я и Биль домовничали. Мы поужинали, потом слушали пластинки, потом играли в карты, а спать разошлись, наверно, часов около трех.

— Понимаю,— кивнул Трэнт и повернулся ко мне. Выражение почтительности словно стерло у него с лица все индивидуальные особенности, и я вряд ли узнал бы лейтенанта, случайно встретив его на улице.— Следовательно, мистер Гардинг, вы оставались только вдвоем. Может, к вам кто-нибудь заходил или...

— По всей вероятности, вас обслуживала Элин?— спросил у меня Ч. Д.— Если не ошибаюсь, ваша кухарка по четвергам выходная, да?. Разве не Элин готовит для вас по четвергам?

Так решилась проблема, которая еще несколько минут назад вызывала у меня острое беспокойство.

— Правильно,— спокойно подтвердил я.— Элин, няня моего сынишки, приготовила для нас ужин.

— Понимаю,— повторил Трэнт и замолчал, уставившись теперь на ковер, словно его необыкновенно интересовало, какая расцветка нынче в моде.— Мисс Кэллингхем говорила, мистер Гардинг, что вы и мистер Лэмб были большими друзьями.

— Ну, как сказать. Я его почти не знал, а вышло так, что познакомились они благодаря мне.

— В таком случае вы, вероятно, не сможете сказать даже предположительно, кто его убил?

— Боже мой, конечно, нет!

— А вы, мисс Кэллингхем?

— То же самое. Вообще все это кажется мне каким-то кошмаром. Я хочу сказать, что еще никогда и никого из моих знакомых не находили убитыми. Но вы понимаете, мистер Лэмб не был человеком нашего круга... Я хочу сказать, он из богемы, и я познакомилась с ним для... для разнообразия.

— Конечно, конечно,— согласился Трэнт и встал. Мы тоже поднялись, пожалуй, чересчур поспешно.

— Ну что ж, думаю, мне больше не следует вам докучать. Спасибо вам всем.— Он взял со стула принесенный с собой конверт и направился к двери, но вдруг остановился и повернулся к нам.— Между прочим, мистер Гардинг, вы, может, дадите мне свой адрес?

Я назвал ему наш адрес.

— А как фамилия этой... этой няни?

Трэнт стоял, посматривая на меня, и мне показалось, что где-то в глубине его ничего не выражающих глаз, как тень, промелькнула насмешка. Впрочем, это впечатление тут же исчезло.

— Элин. Элин Ходжкинс.

— Элин Ходжкинс. Мне придется с ней переговорить. Возможно, после этого я не откажу себе в удовольствии еще раз встретиться с вами.

Он снова направился к двери своей мягкой, беззвучной походкой.

— До свидания,— сказал он.

— До свидания,— ответили мы все одновременно.

Некоторое время мы стояли как вкопанные, потом одновременно бросились друг к другу, объединенные на короткий срок соучастием в заговоре.

— Здорово у нас получилось!— захихикала Дэфни.

— Биль, немедленно отправляйся домой!— отрывисто приказал Ч. Д.— Переговори с Элин до того, как к ней пожалует Трэнт.

Однако моя самоуверенность еще не успела покинуть меня, и я сказал:

— А не безопаснее ли будет сначала позвонить ей?

— Ну и звони.

Я сделал вид, что направляюсь к телефону, но, сделав несколько шагов, остановился.

— Ч. Д., а что, если вы сами с ней переговорите?

Ч. Д. немедленно принял ужасно важный вид, как делал всегда, когда кто-нибудь из подчиненных осмеливался вносить поправки в предложенный им план. Однако за годы работы у старика я научился хитрить и потому тут же напустил на себя вид молодого, но серьезного и дисциплинированного служащего.

— Вы понимаете, Ч. Д., разговор с Элин представляет для меня определенную проблему. Жалованье ей платит Бетси, а я... ну вы же знаете эту публику. Я для нее ничто, зато она готова целовать землю, по которой вы ходите, и любое ваше предложение...

Складки со лба Ч. Д. исчезли, он погрузился в многозначительную задумчивость, потом кожа у него под подбородком начала надуваться, как у лягушки, которую щекочут соломинкой.

— Ну что ж, мой мальчик... Пожалуй, ты прав... Да, да.

Он показал на телефон, что означало, что я должен набрать для него номер. Сам он никогда не снисходил до этого, если в комнате был еще кто-нибудь. Набирая номер телефона собственной квартиры, я прекрасно понимал, на какой иду риск. Презрение, которое Элин питала ко мне, могло оказаться сильнее ее холопского подобострастия перед Ч. Д. В припадке напускной щепетильности ей ничего не стоило выложить всю историю об Анжелике. Но я надеялся, что она этого не сделает.

Услыхав ее надменное и сухое «квартира Гардингов», я сразу же передал трубку Ч. Д. На его лице уже появилось то самое выражение, какое обычно появлялось у него на всякого рода официальных банкетах,— фальшивая смесь веселости, демократизма и добродушия.

— Элин? Говорит Кэллингхем. Доброе утро, Элин. Как ни жаль, но произошла маленькая неприятность, и нам нужна ваша помощь. Мистер Гардинг скоро вернется домой и все объяснит вам, но предварительно я хотел переговорить с вами сам. Один из знакомых Дэфни найден убитым. Полиция приступила к расследованию. Для упрощения дела мы решили сказать, что мисс Дэфни вчера вечером ужинала с мистером Гардингом, а потом заночевала у вас. Так вот, если к вам явится полицейский, некий лейтенант Трэнт, скажите ему, что это вы приготовили ужин для мистера Гардинга и мисс Дэфни и что она действительно ночевала у вас. Вы меня поняли?

В изложении Ч. Д. вся история прозвучала так же просто и невинно, как, скажем, пустяковая просьба дать взаймы чашку муки; тем же мурлыкающим голосом он продолжал:

— Кстати, Элин, как ваша бедненькая маленькая племянница? Она ведь так часто болеет. Да? Плохо! Знаете, Элин, я рад случаю поболтать с вами. В последнее время я много думал о вас. Мне кажется, для ее же блага необходимо переправить вашу племянницу сюда на самолете. Не стану спорить, английские врачи действительно лучшие в мире, но если бы девочка была здесь, мы бы все могли присматривать за ней, ваша сестра вздохнула бы свободнее...

Он умолк, послушал, потом рассмеялся раскатистым басистым смехом добренького дедушки-мороза.

— Милая девушка, не говорите глупостей! Все ваши проблемы мы принимаем так же близко к сердцу, как и свои. Мы уже давно приняли вас в свою семью, и вы это прекрасно знаете. Не думайте, пожалуйста, что я разорюсь, если заплачу за билет на самолет... И не благодарите меня, Элин... Да, Элин, не забудьте, что нужно сказать лейтенанту Трэнту, когда он зайдет к вам.

Он положил трубку, и банкетное выражение немедленно исчезло с его лица.

— Биль, как только приедешь домой, объясни ей все подробности. На следующей неделе я сам повидаюсь с Элин и передам ей чек.

Он тихо хрюкнул, что означало конец чрезвычайного положения и приказ больше ее не беспокоить. Я не мог не удивляться Ч. Д. Беседы с Трэнтом и Элин не потребовали от него никаких усилий, он не ощутил ни малейшего укола совести. И тот и другая представляли всего лишь незначительное препятствие, которое нужно было устранить. Богатство и возможность покупать и развращать людей сделали его таким.

Дэфни закурила сигарету и растянулась на кушетке.

— Неплохая из меня получилась актриса, а? Талантище! Разве ты не гордишься мной, папочка?

Она повернулась к Ч. Д., который в эту минуту проходил мимо кушетки, и кокетливо ему улыбнулась. Ч. Д. словно застыл на месте, потом с силой ударил ее по щеке.

— Гордиться после твоей дикой выходки прошлой ночью?— крикнул он, дрожа от ярости.— Вон отсюда! Прочь!

— Папочка! Послушай, папочка!— захныкала Дэфни.

— Марш в свою комнату!

Дэфни заколебалась, но, решив, что ослушаться было бы опасно, бледная и обиженная, вылетела из библиотеки. Ч. Д. посмотрел ей вслед. Его лицо выражало не только ярость, но нечто такое, чего я никогда не замечал раньше,— почти страдание. Он, кажется, забыл обо мне и стоял ссутулившись, сбросив обычную маску со своего жабьего лица.

— Ну что ж, Ч. Д., мне нужно идти,— сказал я.

Он мгновенно повернулся на звук моего голоса. Теперь в его взгляде читалась одна только ярость, а точнее — деланно благородное негодование, которое так любил напускать на себя Ч. Д. и которое я так хорошо знал.

— Вы!— крикнул он.— Ты и Бетси! Вы что, совсем сошли с ума? Поощрять ее ложь, покрывать ее, потворствовать ей!..

Ч. Д. орал минут пять. Я молча слушал и удивлялся, с какой ловкостью Дэфни повернула дело так, что виноватыми оказались мы с Бетси.

— ...Вы прекрасно знали, что Лэмб — опасный неврастеник, только слепой не заметил бы этого. И тем не менее вы бросили Дэфни в его объятия; вы поощряли все ее идиотские выходки. А что вы предприняли, когда он однажды набросился на нее, как дикий зверь? Ровным счетом ничего! Бетси налгала мне. Она несколько раз лгала мне по телефону, утверждая, что с Дэфни все в порядке. Боже, да если бы вы пришли ко мне и хотя бы намекнули на то, что происходит...

Ч. Д. не скупился на оскорбления, но я не пытался защищаться. Отчасти потому, что понимал, как много мне удалось скрыть от него (и оттого чувствовал себя в безопасности), а отчасти потому, что он должен был в конце концов выдохнуться, излив на меня хотя бы часть своего негодования. И в самом деле уже вскоре я заметил, что его гнев начинает утихать, хотя старик все еще продолжал бушевать. С ним всегда бывало так: начиная по-настоящему на кого-нибудь кричать, он под конец впадал в театральность. Вот и на этот раз — прошло немного времени, и он начал входить в другую свою любимую роль — роль милостивого и всепрощающего монарха.

— Так вот, Биль. Вы с Бетси — интеллигентные люди. Надеюсь, вы понимаете, какого дурака сваляли. Но я не собираюсь без конца твердить одно и то же, в конце концов все кончилось благополучно.

— Вы правы, Ч. Д.

Его рот искривила слабая улыбка.

— Пожалуй, я здорово обстряпал это дельце! Вряд ли лейтенантик что-нибудь разузнает у Элин.

— Вы правы, Ч. Д.

— И не думай, что я тебе не благодарен. Если бы не ты, нам пришлось бы туго.

— Вы правы, Ч. Д.

Он не сводил с меня взгляда.

— Я рад, что именно ты женился на Бетси, иначе осталась бы она старой девой или — того хуже — попала в лапы к какому-нибудь проходимцу, который женился бы на ней из-за денег и содержал на них гарем из хористок, и мне пришлось бы откупаться от него. Но все обошлось. Ты хороший, здравомыслящий человек, Биль, и я горжусь, что у меня такой зять.

На мгновение я снова почувствовал себя на краю бездны, но Ч. Д. внезапно вновь стал боссом, подающим своим служащим пример деловитости.

— Что ж, мой мальчик, не будем бездельничать. Нам предстоит работа. Мне надо ехать в издательство. Ты ведь знаешь, прилетает Бэлдон из Лос-Анжелоса. Кстати, тебе тоже нужно им заняться, так что позавтракаем все втроем. Но сначала договорись с Элин.

— Хорошо, Ч. Д.

Он направился к двери, но остановился и принял позу, которая должна была продемонстрировать, что ему в голову только что пришла блестящая мысль.

— Биль, я вот еще что хотел сказать. Вчера поступило окончательное заключение о состоянии здоровья бедняги Лэмберта. Ему придется уйти в отставку.

Ч. Д. сделал паузу и принялся откашливаться, как бы подчеркивая всю важность того, что он собирался сообщить, но ему помешал телефонный звонок. Он жестом приказал мне снять трубку. Направляясь к телефону, я уже почти не сомневался, какую новость сообщит мне Ч. Д., и испытывал радость и стыд одновременно. Звонили из гостиницы «Бельвю стрэтфорд отель» в Филадельфии. Почти сразу же меня соединили с Бетси.

— Биль?

Как ни странно, но, услыхав ее голос, я не почувствовал укора совести, наоборот, у меня сразу потеплело на душе.

— Я звонила домой, и Элин сказала, что ты у отца. Ты читал газеты?

— Конечно. Мы все знаем.

— А я узнала только сейчас. Ужас! Но у нас все в порядке? Ты меня понимаешь? Дэфни не замешана в этом... в этом...

— Нет, нет! Все в порядке.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Не беспокойся! Я все тебе расскажу, когда мы встретимся. Ты вернешься сегодня вечером, как и собиралась?

— Да. Все идет превосходно, а Елена Рид просто чудесна... Знаешь, Биль, я просто не могу передать тебе, как ты меня успокоил. Мне хотелось бросить все и сейчас же вернуться. Я сходила с ума. Я думала...

Ч. Д. легонько похлопал по плечу, и, когда я взглянул на него, протянул руку, и взял трубку.

— Доброе утро, Бетси. Есть одна новость. Я только что собирался сообщить ее Билю, но теперь хочу порадовать и тебя вместе с ним. Лэмберт должен уйти в отставку. Вчера я получил заключение врачей. Вот я и решил, что у нас есть только один подходящий кандидат на его место. Итак, дорогая Бетси, твой муж — вице-президент!

Величественным жестом он бросил телефонную трубку на рычаг, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Не распространяйся на эту тему, Биль. Не будем ничего разглашать, пока я не сделаю официального объявления. Однако факт остается фактом. Можешь на меня положиться, даю тебе слово.

И все же я не очень верил Ч. Д. На его улыбавшемся лице было то же самое банкетное выражение, что и во время разговора с Элин. Той он купил билет на самолет. Сейчас он покупал меня. Я безнадежно завяз в болоте, но еще не окончательно потерял гордость. Гнев ударил мне в голову.

— Когда вы придумали все это, Ч. Д.?— крикнул я.— Минут десять назад? Тогда ищите когонибудь другого. Если я не могу занять кресло вице-президента только в силу моих личных качеств, тогда ко всем чертям ваше предложение!

Я поступил безрассудно, но зато почувствовал огромное удовлетворение. Банкетная улыбочка немедленно исчезла с лица Ч. Д. Следовало ждать, что сейчас разразится буря, однако в глазах старика с их постоянно меняющимся выражением появилось что-то веселое.

— Ну и ловкач же ты, Биль! Знаешь, как обращаться со мной. Не кипятись, ты получаешь новое назначение только в силу своих личных качеств. Сейчас ты еще раз доказал это — Дэйв Мэннерс ни за что бы не осмелился так разговаривать со мной.

Он долго смотрел на меня. Но вот в его взгляде появилось рассеянное, почти скучающее выражение, и он, не обращая больше на меня никакого внимания, вышел из комнаты.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Стихотворение Н. А. Некрасова. 8. Почтовое отправление. 9. Несходство. 10. Лесная птица. 13. Цвет краски, оттенок. 14. Лопастный двигатель. 16. Пакет. 17. Краткое народное изречение. 22. Крупное вокально-инструментальное произведение. 23. Основная часть травянистого растения. 24. Горное предприятие. 27. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 28. Остров у восточного берега Азии. 29. Персонаж романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». 30. Отрезок прямой, соединяющий две несмежные вершины многоугольника.

По вертикали:

1. Пушной зверек. 2. Порт в Марокко. 3. Картина В. М. Васнецова. 4. Созвездие северного полушария неба. 5. Река в Белоруссии. 6. Скульптурное изображение. 11. Областной центр в РСФСР. 12. Астрономический инструмент. 15. Штат в США. 16. Плод пальмы. 18. Город в Донецкой области. 19. Химический элемент. 20. Косточка для игры на струнном инструменте. 21. Открытие художественной выставки. 25. Приток Лены. 26. Единица электрической емкости.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

4. Пеламида. 6. Рефрижератор. 9. Ремарка. 10. Ампула. 12. Болт. 14. Клюква. 17. Титр. 18. Перов. 19. Варна. 21. Горн. 23. Тритон. 24. «Аида». 26. Дунаец. 28. Бородка. 29. Подполковник. 30. Исландия.

По вертикали:

1. Тетива. 2. Салерно. 3. Одетта. 5. Цесарка. 7. Целлулоид. 8. Фунт. 11. Антоновка. 12. Бронза. 13. Треста. 15. Арат. 16. Корт. 20. Линотип. 22. Нона. 25. Дарлинг. 27. Цадаса. 28. Блохин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Вверху — Берлин, Бранденбургские ворота. Праздничная ярмарка. Справа — члены ансамбля Октобер-клуба Карин Якоби и Клаус Дитер Адоматис. Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

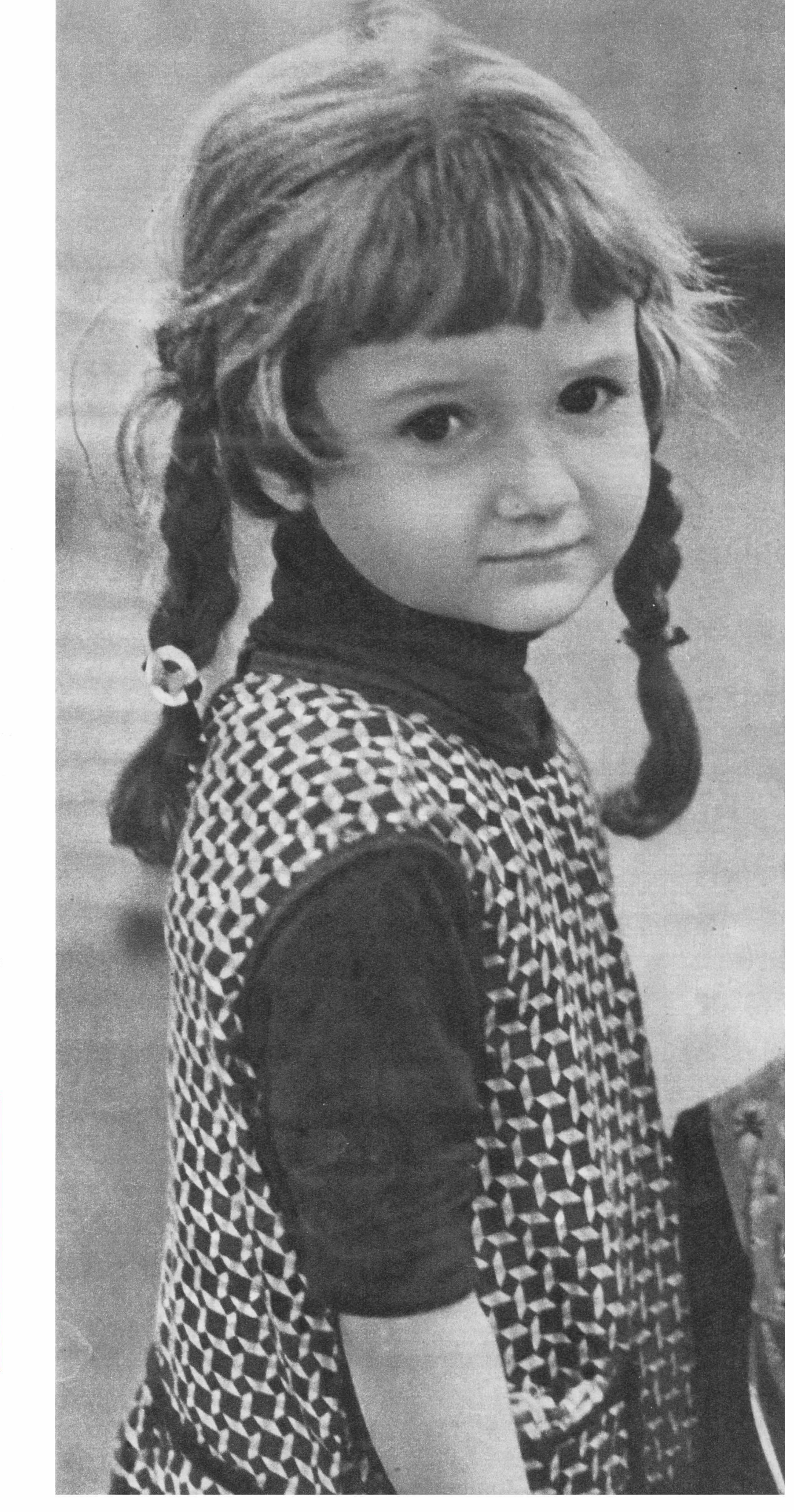
Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 14/I-69 г. А 00318. Подписано к печ. 28/I-69 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 197. Заказ № 140.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

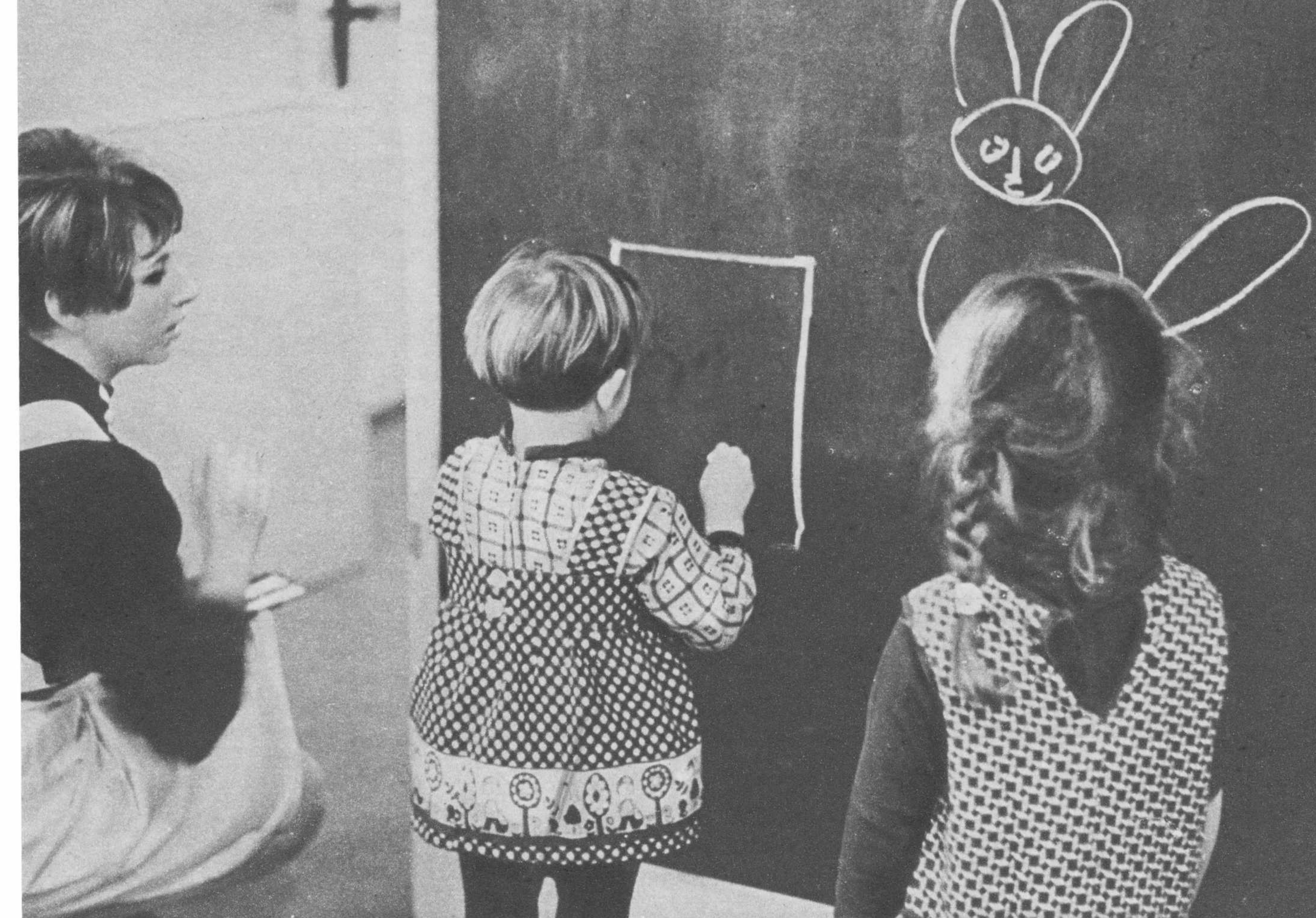
Дрезден. Детский сад.

Для этих маленьких граждан Германской Демократической Республики Родина начинается с детского сада... Здесь они делают свои первые шаги, завязывают первую дружбу со сверстниками, играют в свои первые игры.

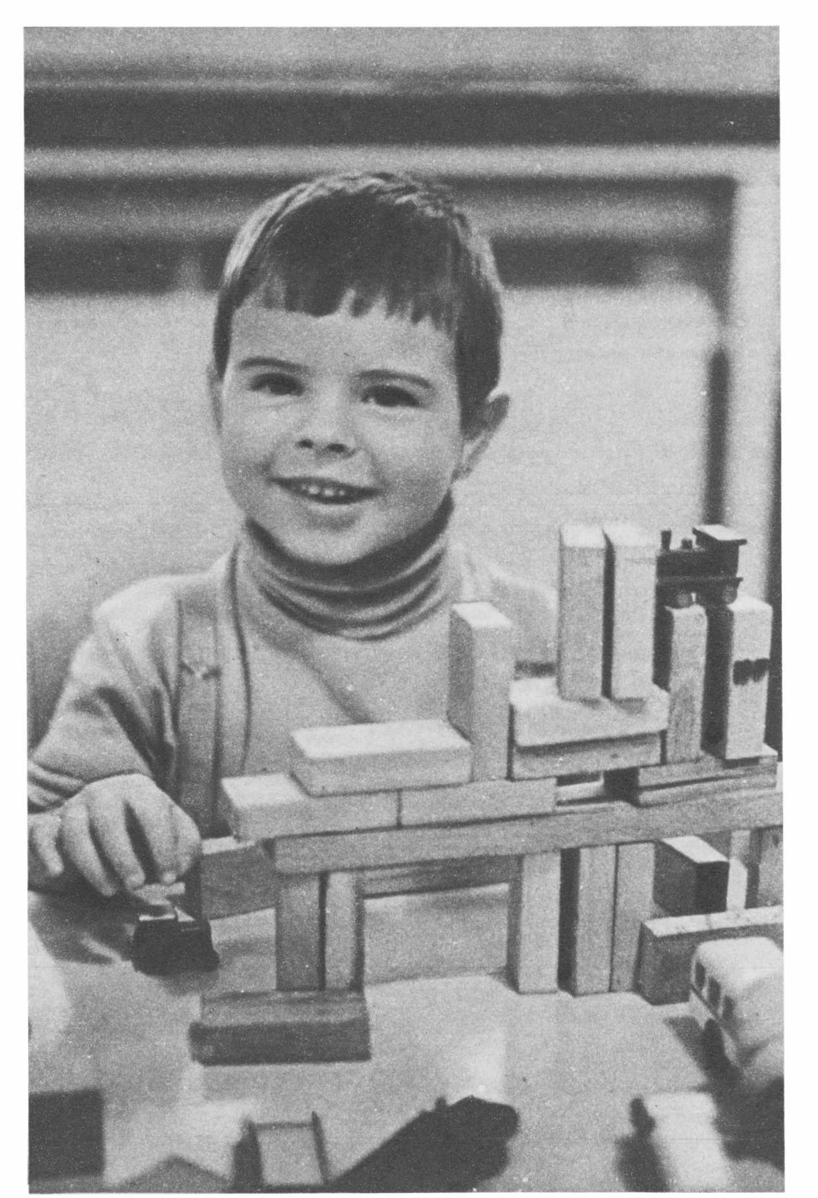
Коллектив «Огонька» сердечно благодарит редакции журналов «Фрейе Вельт», «Фрози», «Нейе Берлинер Иллюстрирте», «Горизонт», агентство «Центральбильд» и газету «Нейес Лебен» за помощь, оказанную в работе над этим номером «Огонька», а также всех граждан ГДР, приславших нам письма.

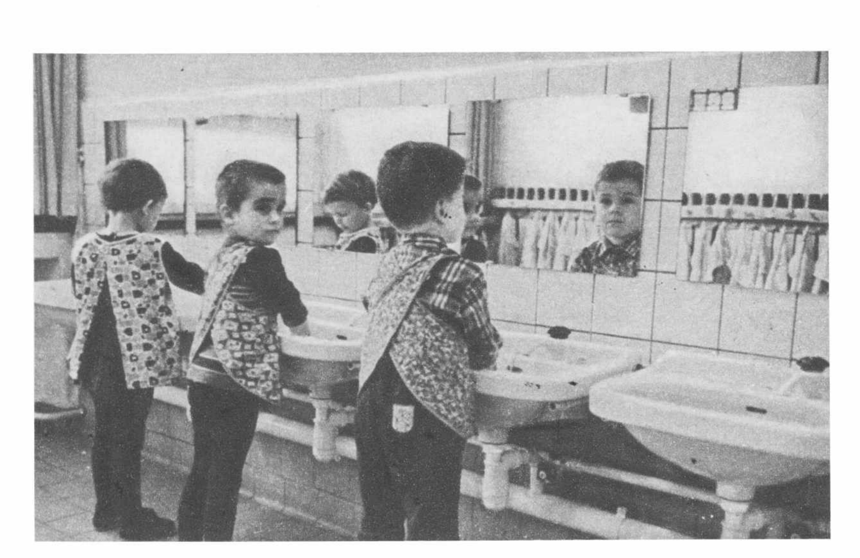
Фото Дм. Бальтерманца.

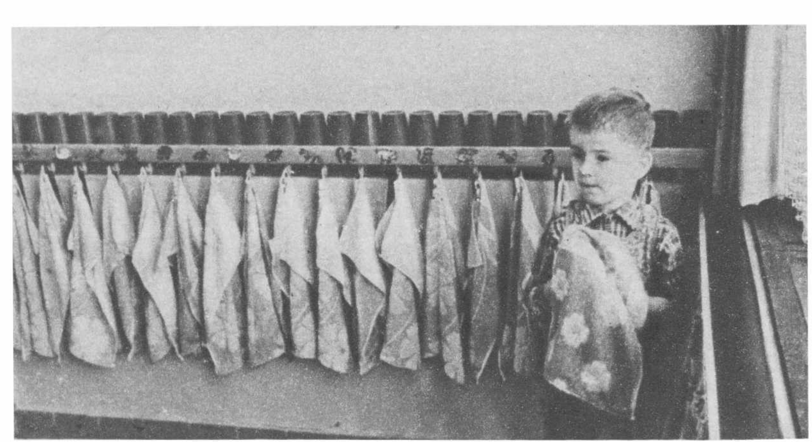

Родина начинается отсюда

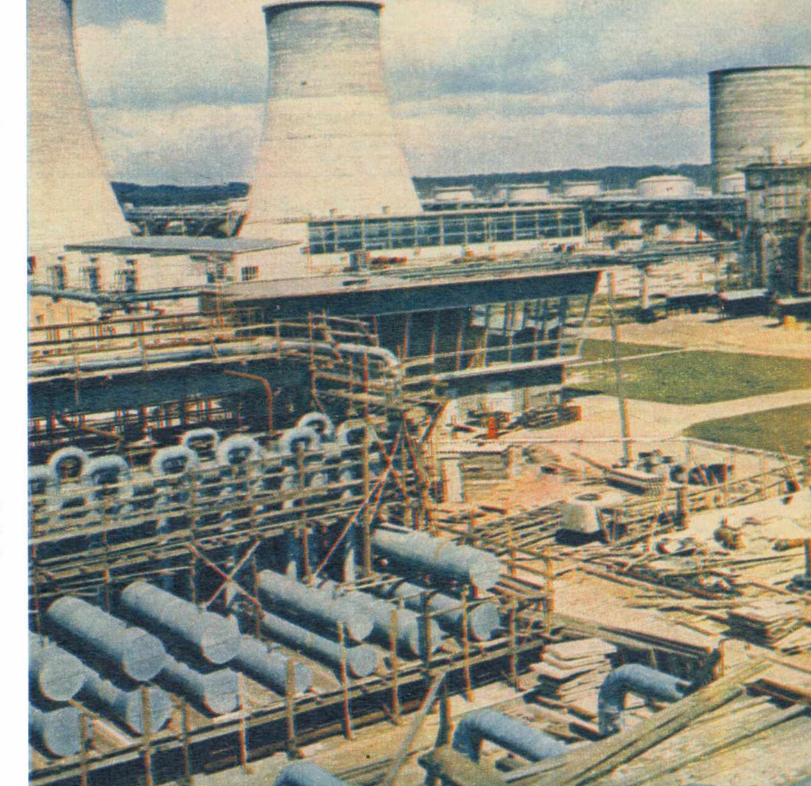

Берлин. Заседание Народной палаты в зале конгрессов.

Нефтеперерабатывающий комбинат в Шведте - на - Одере. Нефтеперегонные установки.

Берлинский электроламповый завод. Производство неоновых ламп.

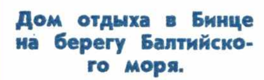

Полевые работы в сельскохозяйственном производственном кооперативе «Нейес Дейчланд» в Геесготберге, округ Магдебург.

Немецкая государственная опера. Берлин. Сцена из балета «Спящая красавица».

Дом отдыха в Бинце на берегу Балтийского моря.

Фото Л. Вильманна, Г. Кислинга, П. Фибига и Центральбильд.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.